

НФ

КИБЕРПАНК

ХОРОР

ФЭНТЕЗИ

реальность фантастики

№5 2010

Повесть:

Вальдэ Хан
«ВРЕДНЫЕ ПОДАРКИ»

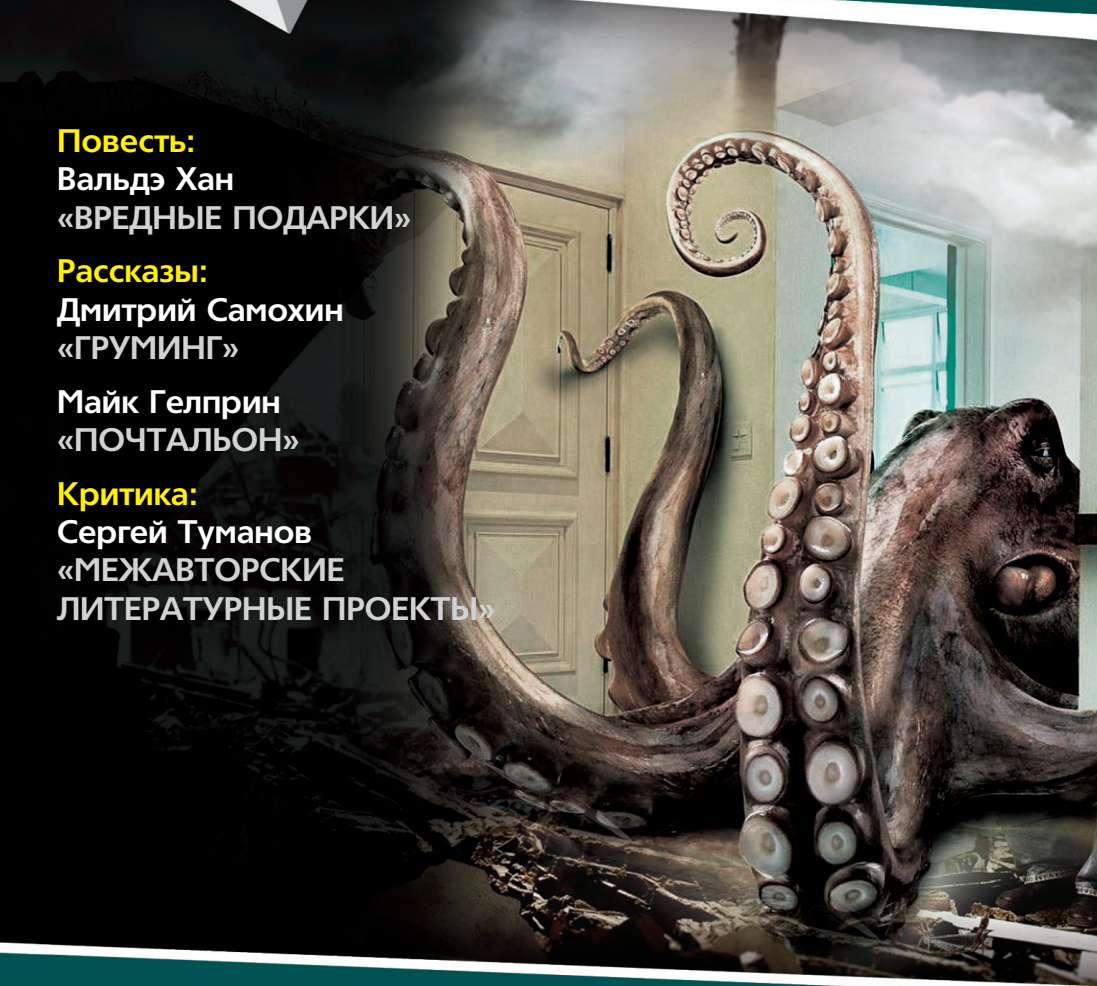
Рассказы:

Дмитрий Самохин
«ГРУМИНГ»

Майк Гелприн
«ПОЧТАЛЬОН»

Критика:

Сергей Туманов
«МЕЖАВТОРСКИЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ»

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5 (81) 2010

1. Вальдэ Хан	/ «ВРЕДНЫЕ ПОДАРКИ»	4
2. Олег Кожин	/ ...ГДЕ ЖИВЕТ КРАКЕН	36
3. Дмитрий Самохин	/ ГРУМИНГ	56
4. Дмитрий Лукин	/ ПРИОРИТЕТ — ЖИВОЕ	73
5. Юрий Полулях	/ БАШНЯ БОГА	91
6. Алина Лис	/ ГЛАЗАМИ НАБЛЮДАТЕЛЯ	108
7. Светлана Эст	/ КУКУШОНОК	124
8. Алексей Толкачев	/ РАБОТАЕМ!	139
9. Ден Княжич	/ ТРИБУНАЛ, АБО ПСЯ КРЕВ	151
10. Майк Гелприн	/ ПОЧТАЛЬОН	159
11. Дмитрий Никитин	/ АНГЛО-МАРСИАНСКАЯ ВОЙНА	164
12. Сергей Неграш	/ НА ПОСТУ	168

Критика

13. Сергей Туманов	/ МЕЖАВТОРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ: ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ	170
--------------------	--	-----

Рецензии и отзывы

14. Kkk72	/ ИГРА НА ЧУЖОМ ПОЛЕ	177
15. Kkk72	/ СТРАХ У ВОРОТ	182
16. Андрей Зильберштейн	/ ПИР ДУХА, ИЛИ КРИЗИС УМОВ	186

Кинопортал

17. Лев Гурский	/ «ВЫПОЛНЯЯ ЗАДАНИЕ, ВЫ БУДЕТЕ...»	189
-----------------	--	-----

Новости фэндома

18. Новости полезные и не очень.	195
--	-----

ВАЛЬДЭ ХАН

«ВРЕДНЫЕ ПОДАРКИ»

Э то место не переставало его занимать. Даже не удивлять, а просто навевать странную тоску, густо замешанную на непонятной, едва уловимой тревоге. Будто в приторной карамели чувствовалась острая свежесть мяты.

Наверняка дело было не только в пейзаже, хотя и он был более чем странен. По обе стороны от мощеной квадратными плитами дороги вставали высокие стены древних дворцов, храмов и амфитеатров. Черно-красный камень с зелеными разводами был украшен поражающими по своей выразительности барельефами. На древнем полотне танцевали женщины в развевающихся одеждах, сражались и умирали воины в причудливых доспехах, плясали многорукие демоны. Стремительную геометрию квадратных колонн обвинял вездесущий плещущий огонь, который цвел тут все лето, украшая эти руины оранжевыми цветами величиной с кулак.

Но странной была не древность величественных стен и резных арок. Прямо у подножия каменных древностей ютились соломенные хижины, изредка попадались более основательные дома, сложенные из бревен и крытые дерном. Именно это странное соседство и порождало то необъяснимое ощущение. Нелепица, где столь «большое» соседствовало со столь «малым».

Наблюдателя, мучимого непонятным чувством, звали Эрнест Истдейл. Был он молод, хорошо сложен, достаточно рассудителен, но в меру гонорлив, достойно воспитан, но руку имел тяжелую, а словарный запас регулярно пополнял в сержантском собрании. Эти-то качества и позволили ему так скоро получить в свое командование две кварталы стрелков.

Эрнест носил такую же, как и его солдаты, темно-зеленую куртку «нежданного стрелка» и древесного цвета брюки, на голове имелся лихо скошенный черный берет с вышитым на нем белым сапогом. На плече висела новенькая винтовка «радыра», а у бедра имелся добрый палаш. Лишь по плетеному эполету, украшенному вензелем мирванского монарха, его можно было отличить от подчиненных, топавших позади.

Стрелки шли по дороге через поселение аборигенов. Те же, привыкшие к мирванским войскам, не обращали на них ровно никакого внимания и занимались каждый своим делом. Вился дым от костров, слышался детский смех, женщины несли воду в глиняных кувшинах.

У подножия статуи, изображающей пышнотелую женщину, обладательницу шести рук, сидел старик, и провожал отряд немигающим взглядом. Как и другие жители поселка, он имел смуглую кожу и черные глаза, был невелик ростом и тонок в кости, но наряд отличал его от односельчан. В деревне все, и мужчины и женщины, носили одинаковые одеяния — ворох покрывал, обмотанных вокруг тела причудливым образом. Старик же носил длинную, до колен, рубаху и чиненные много раз сандалии. Рубаха выцвела, но еще можно было угадать орнамент и немудреную вышивку.

Кряхтя, старик попытался встать — не вышло, еще попытка — и снова фиаско. Вдруг его колени прогнулись в обратную сторону, под дряблой кожей на обнаженных икрах вздулись мышцы, и он легко оказался на ногах. Но видать это потребовало от него немалых усилий. Старик, тяжело дыша, прислонился к каменному бедру статуи.

Эрнест уже несколько раз видел, как местные проделывают эти свои штуки, но все же это зрелище заставило пугливых мурашек пробежать по его спине.

Вот среди хижин начали появляться каменные дома, некоторые из руин носили признаки жизни. Между серых нарядов аборигенов то и дело мелькали красные мундиры гарнизонных вояк и песочные жилеты осевших колонистов. Тут обретались те из приезжих, кто по тем или иным причинам не смог поселиться в мирванской части городка.

Старик остался далеко позади, когда отряд стрелков приблизился к небольшой заставе. Над башенкой, по парапету которой лениво прогуливались двое солдат, развивался пурпурный с золотом флаг Мирванской Монархии.

«Прибыли!», — не без облегчения шепнул Истдейл.

Отряд остановился у заставы, из приземистой караулки навстречу им вышел унтер-офицер, на ходу пристегивая саблю к портупее. Он был одет в красный мундир армии Его Величества, и застиранные лосины, заправленные в сапоги. Козырек офицерского шака клаюнул воздух, приветствуя стрелков.

— Лейтенант двадцать второй бикварты «Нежданных стрелков», Эрнест Истдейл, — представился командир стрелков.

— Унтер-офицер Марш. Позвольте ваши предписания.

Когда все необходимые бумаги были вручены, цифры сверены и персоны определены, стрелков пропустили за кордон.

Они вышли на шестигугольную площадь. Отсюда начинались пока что малолюдные кварталы мирванских колонистов. Убогих хижин не было и в помине, а люди не походили на тюки тряпья. Вокруг прогуливалась публика в сюртуках и мундирах, изредка мелькали дамские шляпки. Дома, чьи фасады выходили на площадь, украсили вывески магазинов и лавочек, гостиницы и салона для джентльменов. Колонисты перестраивали руины по образу далекой родины, обживая их и предавая им более

цивилизованный облик. Маленький кусочек Мирвана среди заболоченных дебрей южного Бархазара — рай для уроженца стольной Миры.

Эрнест повеселел, даже солдаты заметно прибодрились, предчувствуя скорый отдых. Три дня пути порядком утомили стрелков.

На север от блокпоста, над крышами домов высились квадратные шпили форта «Лорд Фирвуд». На юге, востоке и западе внешняя стена отделяла территорию форта от городских улочек, на севере же вставал лес. В правильном пентагоне каменных укреплений находилось одно большое здание, сложенное из внушительных блоков все того же черно-красного камня. В нем на разных этажах располагались казармы, склады, столовая, апартаменты генерал-коменданта, оружейная и даже небольшая молельня-капелланарий оборудованная для солдатских нужд. Во внутреннем дворе стояли лишь конюшни да пара временных амбаров.

От площади к форту вела широкая улица, по ней и направились стрелки.

Миновав придирчивую (не в пример Маршу с первого кордона) охрану, бикварта Эрнеста оказалась во внутреннем дворе. Слева от ворот маршировала пехотная рота, оттачивая маневр. Поодаль сверкали саблями на занятии по фехтованию. Под дощатым навесом спрятались три полновесные «Викторины», тяжелые мортиры на массивных, украшенных резьбой лафетах. Но внимание Истдейла привлекла другая картина.

По правую руку от ворот, в углу между внешней стеной и длинным зданием конюшни в ходу были совсем другие упражнения. Трое солдат в черных кожаных куртках, держа в руках деревянные сабли и топорики, атаковали кудлатого зверя. Тот превосходил любого из нападающих в росте (головы на три, не меньше) и походил на большую серую обезьяну — благодаря длинным ручищам и массивным, коротким ногам. Голову же покрывали странные, похожие на шлем, роговые наросты, так, что лишь глаза сверкали из темной прорези. Одежды на звере не было, не считая некоего подобия юбки из кожаных ремней.

Покрытый мехом верзила достаточно проворно размахивал кулаками-кувалдами, а вокруг, словно макаки, скакали трое людей, уворачиваясь от страшных лап. Но вот чудовищу удалось схватить одного из солдат. Эрнест на миг испугался того, что монстр сломает несчастному шею или разmozжит его голову о стену. Но странная обезьяна размахнулась человеком и лишь подбросила в воздух, но снова поймала, — так родитель играет с ребенком.

— Томас, вас только что изволили схарчить. Покиньте поле битвы, — раздалось подле ристалища.

Эти слова принадлежали человеку, доселе со стороны наблюдавшему за схваткой. Как и дерущиеся солдаты, он носил одежду из мягкой и уже порядком потершейся кожи, вместо головного убора был наброшен капюшон. На его плече имелась эмблема — полыхающий корабль, широкий пояс украшала ладная сабля в лакированных ножнах — офицер, значит.

— Специальные Инженеры, — хрипло шепнул Эрнесту капрал Макманус. — Смотри-ка, с перевертышем тренируются.

И хотя Истдейлу самому было жутко интересно поглазеть на эту схватку, он сказал:

— Будет паялиться. За мной.

Бикварта исчезла в недрах цитадели.

Сдав отряд гарнизонному квартирмейстеру, Эрнест отправился искать генерал-коменданта. Но часовые у дверей канцелярии сказали, что господина командующего сейчас нет, и посоветовали искать в первой столовой. Слово «столовая» урюмый часовой особенно выделил голосом.

Потратив четверть часа на поиски, Истдейл уразумел причины поведения привратника. Он нашел большой зал, некогда служивший одной из столовых, сейчас же помещение занимали раненые, лежащие прямо на полу. Воздух был полон тихими стонами раненных и доверительным шепотом капелланов. Пахло лекарствами, кровью и близкой смертью. Эрнест заприметил белый султан над генеральской двууголкой. Генерал, заложив руки за спину, с мрачным видом прохаживался между рядами раненых. Справа от него, что-то втолковывая, шел офицер с эполетами майора, на его правую руку была наложена пина.

Майор бросил быстрый взгляд на вошедшего и коротко кивнул — сейчас мол, обожди. Долго ждать не пришлось — генерал, закончив свой скорбный обход, покинул зал через двери в противоположной входу стене.

— Лейтенант двадцать второй бикварты «Нежданных стрелков», Эрнест Истдейл, — отчеканил мирванец, вытянувшись перед наблюдательным майором.

— Скореходы прибыли! — улыбнулся офицер и махнул рукой — без официоза, мол, — майор Якоб Кемпбелл.

Майор Кемпбелл не отличался ростом, едва доставая до плеча Эрнеста, но имел крепкое сложение борца-профессионала. Рыжие бакенбарды, крупные черты лица и прямой взор делали его похожим на кабацкого забияку.

— Я имею депешки для господина генерала, — Эрнест вынул из кожаного планшета несколько пакетов серой бумаги. — И для вас, господин майор, — добавил он, прочитав имена получателей.

— То, что адресовано сэру Артуру, оставьте в его канцелярии, — сэр Якоб взломал черный сургуч на адресованном ему конверте. — Вы, лейтенант, прибыли в мое распоряжение, так что мне вас и вводить в курс всех дел. Пройдемте, — сказал «забияка», не отрываясь от беглого чтения.

Эрнест на миг замешкался.

— Господин майор, разрешите спросить...

— Это? — Кемпбелл обвел зал кислым взором. — Это все, что осталось от гарнизона форта «Роял», три сотни тяжело раненных. Если бы не драгуны, вовремя вышедшие в тыл осаждающим, не выжил бы никто.

Экспедит-рота графа Блэкфилда вернулась к нам в виде груды голов на ветхой телеге.

Рассказывая это, он даже скривился. Истдейл ненароком глянул на раненую руку майора — где это его так, не при «Рояле», часом?

Кемпбелл проследил за взглядом стрелка и улыбнулся.

— Это я с лошади упал. Штабное ранение, так сказать.

Они шли коридорами цитадели. У дверей складских помещений и казарм несли караул солдаты-мирванцы, но изредка попадались и местные — так называемые коркозы, точнее те из аборигенов, кто решил служить короне и прошел специальную подготовку. Эти не носили мундиров, их одежду составляли кожаные жилеты, с вышитым на груди гербом Мирвана, и юбки из ремней (такую Эрнест уже видел во дворе), на голове повязан красный платок. Почти все имели длинные вислые усы, а вот головы брили наголо. Кроме коротких ножей оружия при них не было. Коркозы уступали мирванцам в росте, да и сложением похвастаться не могли.

— Советую вам сменить палаши на оружие более подходящее для этих мест, — сказал сэр Кемпбелл и поманил к себе одного из солдат идущего по коридору. — Ваше оружие, пехотинец.

Солдат беспрекословно отдал майору тяжелый тесак, доселе висевший на его поясе. Лезвие расширялось к острию, спускаясь от костяной рукояти — фехтовать таким невозможно, а вот мяснику с соседнего рынка такой предмет пригодился бы.

— Это кукри, оружие, используемое дикарями с полуострова Ниндази, — Якоб взвесил клинок на ладони и протянул его Эрнесту.

Стрелку клинок не понравился — гарды нет, баланс вынесен чуть ли не на острие. Неблагородное оружие.

— Это приказ, милорд? — спросил Истдейл, имея в виду рекомендации майора.

— Да, — он вернул кукри пехотинцу и отпустил того восвояси. — лейтенант, в этих лесах вам не с кем скрестить добрые клинки. В стане противника нет фехтовальщиков, мастеров парада и виртуозов терции, но вот звериной силы и адской ярости им не занимать. Для того, чтобы остановить атакующего дикаря, сабельного удара маловато, уколов они подчас вовсе не чувствуют в пылу драки.

— Как прикажете, сэр, — ответил Эрнест.

— Из этих же соображений получите в арсенале новые винтовки. Гарнизонные оружейники увеличили калибр «радяярда». Грохочет, как корабельная карронада, да и в плечо при выстреле бьет, будто Адская Ослица лягает, но броненосцев разит, как положено.

— Будет исполнено, господин майор.

— У вас, мистер Истдейл, будет много работы. В этих лесах использование лошадей практически невозможно: во-первых, противник чувствует их за версту, а во-вторых, наши животные боятся местных жителей пуще

любого хищника. Стоит аборигену приблизиться, и лошадь становится неуправляемой.

Они прошли открытой галереей, что на уровне второго этажа опоясывала пирамиду цитадели. Отсюда открывалась поразительная картина: у подножия крепости черепичными гребнями торчали крыши домов колонистов, дальше, за периметром, виднелись ломаные линии руин (лачуг отсюда было не видать), словно мемориальные камни на старом погосте, а еще дальше непроницаемой стеной вставал лес — непролазные джунгли.

— Так что, Нежданные Стрелки, вы будете нашим главным средством коммуникации.

Эрнесту вспомнились слова капитана Джеймса Корнуэлла, командующего ротой Крылатые Лисицы: «Мы не умеем так хорошо сражаться в строю как пехотинцы, не так хорошо рубимся как уланы. Мы не берем города и не стяжаем славы кавалерийского авангарда! (Голос Корнуэлла гремел над плацем.) Единственное, что мы умеем делать лучше других — бегать! Через леса и вязкие пески, по острым камням и раскаленным саваннам. Появляясь там, где нас не ждут враги, и где мы так нужны друзьям. Мы — Нежданные Стрелки».

Бравый капитан был прав. В скороходы зачисляли двужильных ребят, как правило, горцев, способных без отдыха покрывать огромные расстояния. Но наравне с выносливостью в стрелках ценилась также твердая рука и меткий глаз. Не раз неожиданное нападение скороходов пугало вражескую армию атакой с той стороны, откуда атаки никто не ожидал потому, что ее просто не могло там быть.

— Во славу короны! — Эрнест ухитрился лихо щелкнуть каблуками, не сбавляя хода.

Кемпбелл покосился на молодого офицера, но ничего не сказал.

— Сегодня отдыхайте, получайте оружие, осмотритесь, но в аборигенский квартал не углубляйтесь. Вас, как скороходов, в перемещениях не ограничиваю. Завтра же с рассветом ко мне, и будьте готовы к переходу.

— Слушаюсь, милорд, — Эрнест взял «под козырек».

Стрелков разместили в просторной келье, что находилась в северной части цитадели. Из ромбовидных окон открывался вид на зеленое море трепещущих крон и далекие голубые горы. После жизни в палатках, на продуваемых всеми ветрами эсканских равнинах, комнатуха казалась роскошными апартаментами. Дюжина деревянных коек (восемь заняты стрелками), возле каждой небольшой рундучок, в углу оружейный щит да небольшой портрет его величества на стене — вот и все убранство.

Обед они уже пропустили, и Эрнест, пользуясь дозволением майора, решил выйти в город — накормить стрелков. В конце концов, они заслужили вечер в доброй харчевне. А главное, он хотел осмотреть прилегавшие к периметру территории, улочки и переходы. «Надо знать, где нам предстоит бегать», — подумал он.

— Господин лейтенант, — прервали размышления Истдейла.

В дверях стоял невысокий, смуглокожий человек — абориген. В отличие от солдат-коркозов этот был одет в красный мундир Мирвана (но без рукавов), обнажавший крепкие, мускулистые руки, и короткие, до колен, лосины. Вместо ножа на поясе гостя висел кукри, а на груди имелся белый шеврон капрала. На первый взгляд казалось, что они с Эрнестом сверстники.

— Лейтенант Истдейл, — Эрнест напустил на себя внимательно-оценивающую личину, какую обычно принимал Лис Корнуэлл.

Видать, подействовало. Капрал подтянулся и выпалил:

— Капрал его величества Бабур Кунха! Приказан вам в провожатые на сегодня, — у него обнаружился потешный акцент, Бабур смягчал гласные и растягивал окончания слов.

— Вольно, капрал, — разрешил Эрнест. — Вы очень кстати, проведите нас в гарнизонный арсенал.

Пока бикварта следовала за провожатым, Кунха помалкивал, изредка поглядывая на Эрнеста. Оценивал?

Позже, уже в оружейной, стрелки оценивали новое снаряжение.

— Тяжеловата, — сказал сержант Даффи, помощник Истдейла, применяясь к новому ружью.

— Поначалу всем «Папаша Рад» тяжел. Но зато когда увидишь, как он перевертышу мозги выносит, — залюбуешься, — сказал круглолицый капрал-шеф, ведающий арсеналом, и зачем-то подмигнул Кунхе.

Тот немного ступевался.

Капрал-шеф подобрал для командира Нежданных Стрелков добрый тесак, с вороненым лезвием и белой, как снег, рукояткой из кости какого-то местного животного. Новое оружие заняло свое место на портупее. Истдейл обнажил свой старый палаш, верно служивший ему доселе не один год. На прямом клинке, ближе к витому эфесу, имелась надпись «Мы — дорожная пыль», девиз всех Нежданных Стрелков. Со вздохом сожаления мирванец вернул палаш в ножны.

А вот его стрелкам новое оружие пришлось по душе, они громко обсуждали достоинства новоприобретения, со свистом рассекали воздух широкими клинками и строили кровожадные планы относительно противника.

«Горцы...» — беззлобно констатировал Эрнест. Для него самого оставалось загадкой, каким образом эта шайка скороходов признала в нем, отпрыске благородного (пусть и не очень богатого) рода, своего командира. На первых порах стрелки, конечно, проверяли новоиспеченного офицера на прочность: на дно ранца несколько булыжников подложили, сапоги подменили, да всего и не упомнишь. Эрнест испытания прошел, доносить на своих солдат не стал, но наказал от души. Скороходы его методы все же оценили, и с тех пор в его бикварте воцарились тишь да благодать.

— Капрал, — обратился он к Кунхе, — покажите мне место в городе, где мои стрелки смогут поесть и отдохнуть.

— Лейтенант, милорд, все это можно сделать и в форте, — начал Кунха. — К вашим услугам...

— Мне бы хотелось осмотреть город, пока есть такая возможность, — мягко прервал коркоза Эрнест.

— Да, сэр.

Они шли по знакомой улице, бегущей от форта к заставе. Мимо гулко прокатился рикша. Небольшую повозку, в которой сидели дама в кружевах и офицер-сапер в горчичном мундире, без видимых усилий тянул шуплый коркоз. Абориген был узкоплеч, с впалой грудью и гусиной шеей, но имел неестественно развитые ноги атлета, заканчивающиеся похожими на копыта ступнями о трех больших пальцах. Эти чудо-ноги унесли всю тропцу за угол.

Эрнест проводил рикшу изумленным взглядом.

— Вы... вы так тоже... можете? — неожиданно, даже для себя самого, вдруг спросил мирванец.

— Так могут все Благословенные, — с едва уловимым оттенком гордости в голосе ответил Бабур.

— Благословенные? — переспросил Эрнест.

— Наш народ называется корк-о-оз, что означает «Одаренные» или «Благословенные», — пояснил Кунха. — Ведь Боги наделили нас великим даром, отметили своей милостью.

— А как вы нас называете? — почти в шутку спросил Эрнест.

— Не могу знать, милорд! — А вот у Кунхи щелкнуть каблуками на ходу не вышло.

— Между нами капрал, говорите, — все же Истдейлу было занято.

— Зун-ажер-вик, — наконец собрался с духом Бабур.

— Великолепно, но как это переводится?

— Я не смею! — Кунха округлил глаза, а его лицо стало еще темнее.

— Капрал, мне приказать? — словно затвор щелкнул.

— «Обделенные», «незаметные», — капрал пытался найти подходящее слово. — «Куцые», вот, — наконец напелся коркозский солдат.

Эрнест ничего не ответил.

Они уже миновали заставу и шли по улице «смешанного квартала». У входа в небольшую лавку трое крепких коркозов, отдуваясь, разгружали телегу. Лавочник, почтенный человек лет сорока, одетый в белую рубашку и жилет лазурной саржи, сквозь пенсне изучал накладные. Изредка хозяин магазинчика пускал клубы дыма из изящной костяной трубки.

«Куда уж нам, обделенным», — с легким пренебрежением подумал командир стрелков.

Они оказались возле приземистого строения, узкие окошки находились почти вровень с землей, а на плоской крыше располагалась крытая тентом терраса, сейчас, правда, пустовавшая. Над квадратным порталом двери имела табличка на мирванском: «Гавань Патрика».

Истдейл несколько удивился. Как правило, харчевни и трактиры называли как-то поэзотичней, так сказать, с местным колоритом. В северных городах-гарнизонах, где выпало побывать Эрнесту, коркозские трактирщики и содержатели постоялых дворов очень хорошо зарабатывали на войнах короны. Такие заведения были одновременно и кабаком, и трактиром, а нередко и борделем.

Когда он спустился по каменной лесенке, в три вытершихся ступени, и оказался в просторном зале с низким потолком, причина странного названия этого места стала ясна. За стойкой склонился над счетными книгами тучный мирванец. Рыжими бакенбардами он напоминал майора Кемпбелла, но заметно превосходил того объемами. Хитрые зеленые глазки трактирщика, под цвет жилета, оторвались от столбцов цифр и оценивающе радушно посмотрели на вошедших солдат.

— Приветствую благородных рыцарей! — пророкотал трактирщик. — Чем могу?

Он смог, и бикварта (про Кунху милостиво не забыли) уничтожила четыре фаршированных тушки молоденьких тапиров, трех куропадок в лимонном соусе, бадейку сладкого перца и неисчислимое количество имбирного пива (цены на другие напитки оказались слишком кусачи для солдатского кошелька).

Сытые и раздобревшие, Нежданные Стрелки затянули лирическую «За холмами далеко», а Эрнест откинулся на табурете, прислонившись спиной к колонне. Он не очень любил подобные застолья с солдатами, но иногда принимал в них участие, для поддержания репутации «хорошего парня, даром, что благородного». Но никогда не позволял себе пить наравне с горцами, во-первых, все равно этих ушкуйников не перепьешь, а во-вторых, надо держать марку.

Хозяин заведения выставил перед стрелками очередной штоф, а Истдейлу отчего-то вздумалось спросить его:

— Скажите, уважаемый, сильная конкуренция в этих местах?

— Да не очень, в Среднем Городе, между кордоном и хибарами перевертышей, то бишь, три заведения: мое (он обвел рукой зал), «салон» вдовы Бедар и клоповник старого мерзавца Генриха Шпеера, но то дешевая забегаловка для пропившихся рядовых, с кислым пивом и подгнившей козлятиной.

— Что, местные распивочных не держат? — удивился Эрнест.

— Нет, этих бездельников коммерция не интересует, я, знаете ли, против ничего не имею. Грузчиками там, или чернорабочими они иногда подражаются, дрова из лесу таскают, тапиров и другую дичь приносят. Варвары, что с них взять, — сказал Патрик и вернулся к своим счетам.

Эрнест чувствовал некую неловкость после того, как трактирщик при Кунхе назвал его соплеменников варварами.

— Вам, должно быть, неприятно слышать, как он отозвался о ваших

соотечественниках, — обратился Истдейл к коркозу и тут же мысленно обругал себя за это.

«Ну, конечно, неприятно, а ты как думаешь!»

— Нисколько, — вдруг сказал Кунха.

Брови Эрнеста красноречиво поползли на лоб.

— Видите ли, милорд, я из северных коркозов, племя Улыбающегося Бога. Те же, кто живет тут, в форте «Фирвуд», это племена Три Деревя, Белые Камни и Саблезубые, — дичь. Как говорят у вас, провинция, — что-то еще слышалось в его голосе.

Сержант Даффи, сидящий слева от Эрнеста, скептически хмыкнул. Признаться, Истдейлу суждения Бабура Кунхи также показались несколько странными. Для жителя мирванской монархии не было разницы между горцем, островитянином или жителем столицы, все они были гражданами Мирвана, а значит, являлись частью одного народа.

— Северные племена сильно отличаются от тех, кто живет в долине реки Межевой, — продолжал Кунха.

Скороходы грянули «Правит Мирвания морями и полями», это был тот самый момент, когда Эрнест предпочитал оставить своих подчиненных.

— Сержант, — обратился Истдейл к подчиненному.

— Милорд? — хмельная поволока мигом слетела с глаз Даффи.

— Я оставляю вас, но чтобы к утру... — он строго посмотрел на горца.

— Будет исполнено, — Трой «взял под козырек».

После он, пользуясь тем, что Кунха хорошо знал окрестности, наскоро исследовал Средний Город. Заглядывал в подворотни, запоминал ориентиры, изучал сеть прямых, как стрела, улиц, составляя свою собственную карту подходов и путей. С расспросами коркоза решил повременить, ограничился болтовней ни о чем (в рамках приличия и субординации, разумеется). Но, внимательный мирванец заметил, что местные жители изредка поглядывали на Кунху. Из-под густых черных бровей нет-нет, да и сверкнет пристальный взор. Сулили ли эти взгляды недоброе, Эрнест так и не смог определить, мимика аборигенов не всегда была ему понятна.

«Ну и Пекло с ними! Недосут», — решил для себя Истдейл и отложил эти мысли на будущее.

Сочные тени руин разрисовали древние мостовые в неровную полоску — садилось солнце. Пора было возвращаться, негоже первый же свой вечер в гарнизоне пропустить ужин в офицерской трапезной. Но еще добрых часа полтора у Эрнеста было, и он решил задать себе задачку — выйти к кордону мирванского квартала без помощи Бабура.

Заплутал.

Вернулся на знакомый перекресток.

Еще разок.

Тупик, заваленный плотничьим мусором, чурбанчики, кора, лопнувшие доски и стружка горой у стены.

— Господин лейтенант, позвольте мне, — услужливый, но не заискивающий голос капрала.

С третьего раза неожиданный стрелок все же вышел к башенкам кордона.

Ответственный Кунха довел Истдейла до дверей их кельи и только после этого был отпущен.

Сверкнул пуговицами парадный мундир, доселе ждавший своего часа в офицерском ранце, в пару ему появился новенький, черный как смоль берет, с золоченым «сапогом» кокарды. Право, не являться же пред очи генерал-коменданта в пыльной куртке! Повседневная форма была аккуратно сложена, с ней же остался и новоприобретенный кукри. Эрнест рассудил, что в благородное собрание надлежит взять благородное оружие. Пока он приводил себя в порядок, светило окончательно спряталось за джунгли, и на форт опустились мягкие сумерки.

В трапезной было светло и немного шумно. В углу квартет музыкантов играл лирическую «Вечерний замоку» Георга Фростярда, флейта как раз уступила главенство скрипке, фоном для тонкозвучных товаров выступали две виолончели. Длинный стол уже был накрыт, на белоснежной скатерти теснились салаты и дичь, соленья и подносы с экзотическими фруктами. Красными башнями вставляли квадратные бутылки в соломенном оплестье. Но стулья вдоль этой гастрономической роскоши пустовали. Три десятка офицеров, кавалеристы, канониры, саперы — все ждали появления хозяина форта.

Эрнест заприметил майора Кемпбелла. Тот беседовал с давешним инженером, тем, что руководил учебной схваткой во дворе (в этот раз он был одет в черный форменный сюртук, вместо кожи полевой формы). Оба расположились в глубоких креслах у окна. Между ними стоял приземистый столик с каменной столешницей, на котором дымились оставленные трубки.

Но вот из-за портьеры появился генерал-комендант. Все присутствующие, как один, вскинулись, приветствуя командира.

— Лейтенант, позвольте провести вас к вашему месту.

Это был помощник столового распорядителя, невысокий парень, одетый в фиолетовый камзол (выпилена запятая) с серебристой ливреей. Благодаря ему Эрнест нашел отведенное ему кресло.

— Долгая лета королю! — громко возвестил генерал Гатлинг.

Первый тост, здравницу его Величеству, надлежало пить стоя.

Эрнест опустился на свое место и принялся за угощение. Его соседями по столу оказались: тучный артиллерист в чине капитана (справа) и пехотный лейтенант (по левую руку). Пехотинец оказался субъектом малопривлекательным, педил слова сквозь зубы и кривил тонкогубый рот. Эрнест оставил того кипятиться в собственной желчи и остаток времени провел за беседой с артиллеристом, словоохотливым и неглупым человеком.

Но вот комендант тронул губы салфеткой и встал, означив тем самым конец ужина. Вслед за ним поднялись и все остальные.

Эрнест раскланялся с капитаном Грином (давешним артиллеристом), пообещав составить тому компанию в набеге на «Салон вдовы Бедар», и собирался было уже покинуть офицерскую трапезную, но был перехвачен.

— Мистер Истдейл, — обратил на себя внимание майор Кемпбелл.

— Милорд.

— Не откажете старому крючкотвору в компании?

Якоб безбожно кривил душой, так как был едва ли старше сорока пяти лет.

— Почту за честь, милорд, — ответил Эрнест.

«С чего бы это?», — подумал стрелок.

— Прогуляемся, — предложил он.

Они шли по давешней галерее.

— Как вам тут? — спросил майор, глядя куда-то за горизонт, а может, и дальше.

— Красиво, — ответил Эрнест. — И странно, — признался он.

— Странно? — переспросил Кемпбелл, приподняв бровь.

— Прошу меня простить, милорд, я не смогу описать это чувство.

— Пустое, мистер Истдейл. В этих местах какие только мысли и чувства не посещают нас, мирванцев, — неожиданно Якоб отечески положил руку на плечо стрелка.

Эрнесту стоило немалого усилия, чтобы не вздрогнуть при этом. Очень уж неожиданным оказался этот дружеский жест. Он даже вспомнил, что в армии Панары (земля им всем пухом) старшие по званию иногда вступали в противоестественную связь со своими молодыми подчиненными, пользуясь служебным положением.

«Вот и хорошо, что мы их разгромили!» — подумал Эрнест, и отменил противные мысли. То, что возможно с декаданствующими постимпериалистами (говорят, они лягушек едят, и на собственных сестрах женятся), абсолютно нереально в отношении офицера Мирвана!

— Господин майор, — набрался смелости Эрнест.

— Слушаю.

— Перед отбытием сюда, я, конечно, расспрашивал, читал, но все же, вы тут пробывали достаточно долго. Расскажите, будьте любезны, что тут... такое, — не нашел слов командир стрелков.

На небе зажигались звезды, вокруг цитадели сновали невидимые летучие мыши, слышались трели ночных насекомых. В форте властвовала ночь.

Якоб Кемпбелл прикусил костяной мундштук трубки, но забивать ее не стал.

— Вы знаете, как себя называют коркозы? — в ответ спросил майор.

— Избранные, — продемонстрировал осведомленность Эрнест.

— Совершенно верно. Мы же называем их перевертышами или полиморфами. Помнится нянька пугала меня вервольфами, чудовищами, которые умеют принимать облик человека. Здесь же, наоборот, люди научились менять себя. Вы, должно быть, уже видели кое-что из их

трюков, — он вынул трубку и постучал ею о ладонь. — Они называют себя Избранными, потому как верят, что это их боги наделили своих слуг даром превращения.

— А как на самом деле?

— А на самом деле никто не знает, как оно на самом деле, — скалambuрил офицер. — Видный ученый Франциск де Кордова (к слову, гостил в нашем форте) выдвинул теорию, согласно которой коркозы пошли другим путем эволюции.

— Эволюции, — механически поправил майора Эрнест.

— Да, вы правы, я оговорился.

— Но почему же они тогда столь бедно живут? С их-то возможностями! — изумился стрелок.

— Именно благодаря этому дару они и оказались в таком положении.

Истдейл всем своим видом показал, что ему нужны более подробные разъяснения.

— Мистер Истдейл, вы обратили внимание, что племена, живущие к северу, не столь дикие, хотя и развили свои умения меньше южан?

Эрнест вспомнил, как бикварта шла мимо лачуг местных жителей.

— Чем в большей степени племя развило в себе умения перевертышей, тем меньше оно нуждается в прогрессе и технологиях. Охотник легко прокормит семью, даже в одиночку, ведь теперь он не уступает тигру ни силой, ни скоростью, да и об оружии ему думать не надо — когти, рога и клыки к его услугам. Ему не надо шить одежду, он отрастит себе мех, как у медведя. И так во всем. Мирванцы для того, чтобы выжить, придумывали новое оружие, возделывали землю, развивали общество. У коркозов же в этом нет необходимости.

— Так и до животных недалеко, — проронил несколько потрясенный Истдейл.

— Вы недалеки от истины, мой юный Эрнест, — Якоб покачал головой. — Постепенно коркозы забывают речь, культуру, их религия упрощается, общественный строй становится примитивней. Некоторые верят, что эти руины, — он обвел рукой невидимый во тьме город, — некогда были построены ими. Что когда-то коркозы были развитым народом с богатой культурой, а потом под действием своего Дара, попросту начали деградировать.

Многое стало ясно Эрнесту. Вот почему аборигены тут много более отсталые, нежели их соплеменники с севера. Они избранней! Северянам приходилось торговать, возделывать землю, развивать ремесла (точнее, держать их на том же уровне), но и их постигла та же участь.

— Если бы вы видали, какие... люди живут за рекой, — напомнил о себе майор. — Хотя, боюсь, что такой случай вам представится очень скоро — как бы пожалеть не пришлось.

Он снова прикусил трубку.

— Поутру вам надлежит выступать.

Эрнест подобрался, этнографическая лекция была окончена, пора было переходить к делу.

— Отправитесь на юго-восток, по тракту (кстати, мы его расчистили), необходимо встретить посла южных коркозов. Посылаем вас, так как конных, дабы избежать конфуза, отрядить никак невозможно, — говорил офицер. — Держаться достойно, но вежливо, посол субъект пренебрежительный, по-дикарски заносчивый и видящий в нас злых оккупантов, угнетающих его великий народ. Зовут его Абилаш Дуга.

— Варварский лидер? — спросил Эрнест, ему было сложно представить полудикого перевертыша в роли вдохновителя масс.

— Он северянин. Ушел на юг приобщаться к самости и избранности коркозов, там и понял «свою великую миссию», — в словах майора звучал едкий сарказм. — Ваша задача эскортировать его в «Фирвуд». Удачи вам, Истдейл.

— Слушаюсь, милорд.

* * *

Стрелки шли по дороге, с обеих сторон которой вставали залитые утренним солнцем джунгли. Пели невидимые в листве птицы, изредка дорогу перебегали группки нахальных рыжих обезьян, а над головой теплый купол близкого неба лил лазурь. Прогулка!

— Господин Эрнест, скажите, чем мы прогневили Небеса? За что карают они нас так? — в шутку спросил Даффи.

Эрнест лишь улыбнулся в ответ.

Стрелки шли бодро и весело. Ничто не напоминало о хмельных подвигах горцев прошлой ночью, — как и было приказано, все как один к утру были в состоянии боевой готовности. Рядовой Уильям О'Двайер, носящий прозвище «Три гроша», за то, что однажды смог выторговать для стрелков таксу в три медных шиллинга у бандерши, достал из ранца старенькую флейту. Стрелки встретили начинание товарища громкими криками одобрения, несмотря на то, что О'Двайер умел играть только две мелодии. Но Истдейл рассудил по-другому: мост через реку Межевую они оставили позади более двух часов назад, и хотя эти места считались спокойными, музыка показалась Эрнесту излишней.

— Отставить, Грош, — приказал лейтенант.

Уильям разочарованно вернул инструмент на место.

— Сэр! — окликнул командира капрал Макманус.

Между собой они называли его Филином, за потрясающий слух и сверхъестественное чутье на засады и ловушки.

Бикварта остановилась, бойцы напряженно вслушивались в лесные звуки.

— Что там? — зашептал в ухо капралу Эрнест.

— По дороге кто-то приближается, — ответил стрелок.

Истдейл поднял руку, стрелки по трое попрятались в разлапистом кустарнике, что рос вдоль дороги. Из зарослей послышались щелчки взводимых ружейных замков. Истдейл и сержант Даффи продолжали стоять на пыльной дороге.

Пять минут напряженного ожидания, и вот из-за поворота показалась фигура. Даффи икнул и едва слышно попросил у Неба заступничества, взамен обещал никогда более не сквернословить. Сперва показалось, что по дороге движется нескладный гигант, более трех метров в высоту, с массивным низом, но худосочным корпусом. Стрелки даже попятились на несколько шагов. Но когда пришелец покинул густую тень древесной кроны, стало видно, что первое впечатление обмануло солдат.

По дороге двигалось гориллоподобное существо, очень похожее на того, что Эрнест и его люди видели во дворе форта, только это имело мех черно-подпалой масти. Оно было украшено белыми лентами и большими цветами, а на могучих запястьях имелись золотые браслеты. Какой бы то ни было одеждой косматый пришелец пренебрег.

Сгорбившись, существо (а по сути, коркоз-перевертыш) несло на загривке щуплого человека. Его-то и приняли мирванцы за торс чудища. Человек носил длинную окладистую бороду и схваченные на лбу лентой длинные волосы. Одет человек был в просторную домотканую рубаху (на этот раз Эрнест вспомнил старика, которого видел, когда стрелки вошли в город), всю расшитую цветами и ярким орнаментом (стариковскому одеянию было далеко до платья этого наездника).

Следом за наездником из-за поворота показались еще трое «обезьян». Собрав волю в кулак (пока она в наличии имелась и не растворилась, оставив хозяина коченеть от страха) и шумно проглотив горькую слюну, Эрнест сделал шаг навстречу звероподобной кавалькаде.

— Приветствуем вас, господа! — как можно отчетливее выговаривая слова, сказал мирванский офицер.

— Вы прибыли встречать меня? — ответил наездник, на чистом мирванском. — Я Абилаш Дуга, — произнес, будто титул назвал.

— Позвольте представиться — лейтенант «Нежданных Стрелков» Эрнест Истдейл, — сказал он. — Мне поручено проводить вас в форт «Фирвуд».

— Давайте же не терять нашего времени, — сказал Дуга и добавил что-то на неизвестном Эрнесту языке.

Коркоз повел лобастой головой, и что-то гортанно пророкотал.

— И скажите вашим людям, пусть не прячутся. Мы давно вас обнаружили, — высокомерно произнес Абилаш.

Истдейл коротко кивнул сержанту, тот отрывисто свистнул, и из зарослей показались зеленые куртки стрелков.

«Как же! Давно они нас заметили!», — с сарказмом подумал Эрнест. — «Захоти мы, всех бы вас перестреляли. Если, конечно, пули вас берут».

Дуга бросил презрительный взгляд на ружья солдат и, фыркнув, повернулся к Эрнесту.

— Пусть ваши люди идут впереди, чтобы не отставали, — полупопросил Дуга, — вам, Обделенным, трудно ходить своими ногами, — я знаю, вы используете для передвижений бессловесных животных, — на его лице отразилась скорбь и сопереживание.

«То-то я смотрю, ты на своих двоих бежишь, аж вон подпрыгиваешь», — зло подумал Эрнест. Этот заносчивый дикарь начинал надоедать.

Стрелки выстроились по двое и запагали обратно к форту. Горцы явно нервничали, оставив у себя за спиной четверых монстров, даром что под косматыми шкурами на самом-то деле были люди. Чтобы хоть как-то успокоить своих подчиненных Эрнест запагал рядом с везущим посла коркозом.

Процессия двигалась на север.

— Мне жаль вас, — неожиданно сказал Дуга.

— Не стоит, — сдержанно ответил Эрнест, вступать в разговор с дикарем ему не хотелось.

— Сами себя сжигаете на костре, где дрова — это ваши же заблуждения, — как ни в чем не бывало, продолжил коркоз. — И моих соотечественников сжечь хотите!

— Это еще с чего бы? — вывалось у Эрнеста.

«Тесное общение с горцами не прошло даром», — пожурил себя Истдейл за грубую речь.

— Ваша тяга к прогрессу. Вы, мирванцы, умерщвляете душу! — громко говорил Дуга.

— Каким образом, мы, мирванцы, убиваем чью-либо душу, паче вашу?

— Вы ставите главными целями Неважное, Проходящее, тем самым отдаляясь от Абсолюта, уничтожаете Высшую Духовность, — он взмахнул рукой.

— А что такое Высшая Духовность? — Эрнесту казалось, что его собеседник не вполне вменяем.

— То, что вы давно потеряли и хотите отнять у нас! — «пояснил» Абилаш.

— И откуда вы нас так хорошо знаете? — с почти нескрываемым сарказмом спросил Истдейл.

— Я был слугой мирванского ученого, когда был юн. Прожил семь лет в Кэтллейке и посещал там утренние занятия вместе с мирванскими детьми — тогдашний хозяин приказал.

— Учились за его счет, — неприкрытый укол.

— И познал суть Чудовища Прогресса! — укол пропал зря, оставшись непонятым. — Вас необходимо остановить и освободить!

Высокопарность его слога утомляла.

— Ваш драгоценный прогресс — это не более, чем погоня за комфортом, удобства тела, а значит, это ложные ценности.

— Желание облегчить труд крестьянина — это ложная цель? — изумился Эрнест.

— Да, она не принимает в расчет его душу, суть более важную!

— Пусть лучше его дети голодают, старики умрут, зато он будет сидеть перед алтарем и «думать о душе»?

— Вот видите, как вы рассуждаете?! — взвился Дуга, ударив пятками своего «коня».

— Вы так и не ответили на мой вопрос, — ненавязчиво перебил Абилаша мирванец. — Так что же это такое — Высшая Духовность?

— Высшая Духовность — это столкновение человека с тем, что важность некоего внутреннего и неочевидного измерения начинает проявлять себя. Как у нас, Избранных! — гордо закончил он.

В этот момент сержант Даффи уронил в пыль свое ружье.

— Прошу простить, служба, — откланялся Эрнест и бросился к стрелку.

Перед тем, как громко и во всеуслышание отчитать нерадивого солдата за кривые руки, Эрнест шепнул тому слова благодарности. Остаток пути Эрнест преодолел бок о бок с горцами.

* * *

У заставы, что отделяла мирванский квартал от Среднего Города, их встречала целая делегация. Майор Кемпбелл на вороном коне (единственный всадник, как выяснится позже, скакун был глух от рождения, не чуял запахов и крайне плохо видел, что и позволило использовать его при встрече), с полдюжины офицеров и три десятка солдат. Да каких солдат! Каждый не меньше шести футов росту, широченные плечи, сверкающие штыки колют послеобеденное небо, и жаром горит на солнце позолота гвардейских киверов.

«Смотри, Избранный! — злорадно подумал Эрнест. — Не ослепни только».

Также на площади перед кордоном собралась небольшая толпа праздных зевак, большей частью аборигенов в одеждах-обмотках.

Оба всадника, один на благородном животном, а другой на человеке (человеке ли?), съехались в церемониальном приветствии. Взаимный обмен любезностями, и посланцы коркозов прошли под невысоким барбаканом.

Эрнест свою работу сделал, доставил дикарских («Прошу прощения, Отмеченных Богами», — ехидно поправил сам себя стрелок) послов в «Фирвуд». Посему он приказал своей бикварте ждать, пока последний гвардеец не скроется за поворотом, дабы не создавать толчеи у кордона.

Не успела еще осесть пыль, а сержант Даффи поднял что-то с земли, как раз в том месте, где и происходила встреча. Он держал в руке черствую лепешку, посеревшую от пыли. На диске хлеба были отчетливо видны следы нескольких укусов.

— Коркозский деликатес, — показал стрелкам свою находку

Трой. — Если хорошо попасть, то убить можно, — он постучал лепешкой по лбу, демонстрируя тем самым, насколько она твердая.

— Стыдись! Оставил высокого посла без ужина! — засмеялся Уильям.

В ответ тот запустил в Уильяма лепешкой — не попал. Вот так, хохоча и перебрасывая друг дружке найденный хлеб, стрелки прошли за кордон.

— Привет, Скороходы! — раздалось справа.

Со стороны неприметной подворотни к бикварте шел командир специальных инженеров. Как и в тот раз, во дворе форта, он был одет в кожаную полевую куртку. Капюшон был откинут, и Эрнест смог хорошенько его рассмотреть. Средних лет, поджарый, инженер имел пышную каштановую шевелюру и носил острую бородку клинышком. Будучи из тех людей, что непостижимым образом вселяли расположение к себе, вроде бы ничего для этого не предпринимая.

Стрелки вытянулись в салюте.

— Сэр Лайон Винтерс, — инженер учтиво склонил голову и, не дожидаясь ответного представления, спросил:

— Как вы нашли общество посла, мистер Истдейл?

«Ненавязчивый юморок диверсантов, — иронично подумал Эрнест, — продемонстрировать, как они во всем и всегда осведомлены. Вы не впечатлили меня, сэр (баронет?) Винтерс».

— Нашел его... — замялся Эрнест.

Позади него стрелки подавились смехом, уж они-то всю дорогу шептались, обсуждая родителей Дути (обезьяну-маму и тапира-папу) и срамные, иногда совсем уж фантастические подробности этого мезальянса.

— Нашел его достойным представителем народа коркозов, — закончил Эрнест фразу.

Разумеется, на языке скорохода вертелись куда более обидные формулировки, но делиться своими мыслями с инженером он не спешил.

— Не стоит, мистер Истдейл, — широко и приветливо улыбнулся Лайон. — В большинстве своем коркозы куда более приятные люди.

— Хочется верить, — в ответ улыбнулся Истдейл.

Внезапно Винтерс сделался очень серьезным, располагающая улыбка исчезла, ее место заняло внимательное сосредоточение.

— Что это? — он смотрел куда-то за спину Истдейла.

Лайон быстро прошел к стрелкам и отобрал у Даффи черствую лепешку.

— Где вы это взяли? — резко спросил он у Эрнеста.

— Это выпало из дорожной сумки Абилаша Дути, — несколько растерянно ответил командир скороходов.

— Уверены?

— Да, милорд, — кивнул Эрнест.

— Я вынужден вас оставить, мистер Истдейл, — быстро сказал Винтерс. — Томас! Закончите сами, — бросил он куда-то в подворотню, из которой недавно появился сам.

Сунув лепешку за пазуху, он совсем не аристократично припустил по улице, левой рукой придерживая саблю.

— Чего это он? — тихо спросил Даффи.

— Не знаю, Трой, — честно признался лейтенант. — Хватит топтаться, живо строиться, и марш в форт!

* * *

Не успели стрелки сапог снять, как в их расположение ворвался нарочный. Нисколько не запыхавшийся, Кунха грянул уставным басом:

— Господин лейтенант, вас вызывает майор Кемпбелл. Срочно! — добавил он.

Эрнест молча встал и пошел к выходу.

Когда солдаты оказались в полутемном коридоре, Истдейл обратился к шагающему рядом Бабуру:

— Я хотел спросить вас, Кунха, да все не к месту было как-то.

— Спрашивайте, милорд, — своим потешным выговором полупропел Кунха.

— Странная одежда жителей «Фирвуда», я имею в виду коркозов, запомнил названия племен. То есть я видел старика в рубаше, такие же носят — разве что вышивка отличается — северяне, даже вы носите почти мирванскую одежду.

— Сейчас я вам поясню, — кивком Кунха дал понять, что суть вопроса ухватил. — Одежда уроженцев этих мест, как вы уже наверняка заметили, состоит из кусков материи, лент, не имеет ни пуговиц, ни застежек. Это для того, чтобы во время изменения одежда не мешала, не рвалась и не портилась, а по возвращении — все-таки прикрывала наготу.

Лейтенант хотел спросить еще что-то, но они уже пришли.

Часовые у дверей майорской канцелярии без вопросов пропустили Истдейла, распахнув перед ним тяжелые створки дверей.

Кабинет был залит охрой катящегося к закату солнца. Большой стеклянный ихтианарнум, стоящий на массивном столике прямо посреди комнаты, бросал во все стороны радужные блики. Создавалось впечатление, будто находишься в пещере с фосфорисцирующим озерцом. Дрожащие солнечные зайчики бегали по картинам, изображавшим сцены морских сражений, где гигантский галеон «Кромвель» крушил вражескую эскадру, скакали по знамени Мирвана, висевшему на стене, и дробились на клинках парадного оружия.

Вокруг большого стола, выполненного в виде полумесяца (мореный дуб и отделка из вестэбботской сосны, дорогое удовольствие), суетился майор Кемпбелл. В углу, прячась в тених глубокого кресла, молча курил Лайон Винтерс.

— Эрнест! — заметил вошедшего Якоб. — Ты мне нужен.

— Служу его величеству, — по привычке ответил скороход.

— Будешь развлекать Абилаша Дугу!

«Провалиться мне в седьмое пекло!» — раздосадовано подумал Эрнест.

— Мне нужно срочно поговорить с генерал-комендантом, а он как раз принимает посла. — Кемпбелл тянул Эрнеста к выходу взяв того под локоть.

Быстро пройдя коридорами цитадели, мирванцы оказались в зале офицерской трапезной. На этот раз здесь собралось много штатских: светский управляющий «Фирвуда» (так сказать, глава мирванского квартала, ведающий всем, что не касалось армии) с супругой и дочерью, далее — представитель негодичанского дома «Пегас», сам лорд Ричард Хайкасл (прибыл в эти леса ловить каких-то жучков-бабочек) и семья промышленников Гольдмайнеров, что развернули в окрестностях форта несколько дел.

Возле крытого скатертью стола, где высились многоярусные подставки под кондитерские шедевры, стоял генерал-комендант с приклеенной улыбкой и деланным вниманием. Рядом с ним, стремительно поглощая эклеры и лимонные пирожные, нашелся и высокий посол. К слову, без своего лохматого «коня» посол оказался щуплым человечком с немдыми ногами.

— Уважаемый Абилаш! — радушно воскликнул Якоб. — Мое почтение.

— Здравствуй, Якоп, — несколько переврал имя майора Дуга.

По всему видно, они были знакомы.

— Боюсь, мне придется просить господина генерала уделить мне несколько минут, — Кемпбелл был сама любезность. — Милорда, могу ли я отвлечь вас?

— Сэр Кемпбелл, я вас слушаю, — комендант обнаружил глубокий и чистый голос.

Майор жестом предложил командиру пройти.

Пропустив генерала к выходу, Якоб обратился к коркозу:

— Дабы не оставлять вас в одиночестве, вот вам прекрасный собеседник. Вы, кажется, знакомы? — майор имел в виду Эрнеста.

— Лейтенант... — Дуга всем видом давал понять, что такие мелочи, как лейтенантские фамилии, в его занятой голове не задерживаются.

— Посол, — Эрнест тоже не стал называть того по имени.

— Вот это-то все и мешает вам понимать то, что действительно важно, — Абилаш обвел рукой зал. — Это и надо забрать у вас, чтобы освободить.

— Вы хотите отнять у нас обеды? — издевка.

— Ваш так называемый прогресс.

— Печатный станок, лекарства и порох?

— Да это не дает вам развивать душу.

— Но вы же сами ходите в шелке и шерсти, едите сладости и спите на перине! — воскликнул Эрнест. — И вы же хотите отнять это у других?

— Да я пользуюсь всем этим, но для меня это не ценно! А ваша мирванизация — это план демонов и преисподней!

— О Небеса, а это вам-то чем мешает? — вот сейчас Эрнест окончательно убедился, что беседует с умалишенным. — Там, где прошли мирванские полки, неизменно начинался экономический подъем, развивались ремесла, культура. Народы делали рывок вперед.

— Этот рывок должен иметь высшую цель!

— Цель — спасение людей от чумы, например.

— Я против одного пути — вашего пути. По мере наступления однополярного мира мы становимся менее суеверны, в нашу исконность принимают чужие воззрения.

— Но если новые воззрения позволяют детям не умирать с голоду?

— Мы веками жили в этих землях, наши предки жили именно так. Что же нам теперь — наплевать на них?

Эрнест вспомнил рассказы отца: его прадед Бернард Истдейл порол своих крестьян, вешал неугодных, похищал фермерских дочек и чинил другой беспредел.

«Должен ли и я поступать, как Бернард, лишь потому, что он мой предок?» — задал себе риторический вопрос Истдейл.

— Ваша цивилизация отрывает народы от своих корней, — заявил, как отрезал Дуга.

— Цивилизация сама по себе не делает человека хуже или лучше. Она не сделает человека терпимей или миролюбивей, но позволит тому, кто может быть добрым, быть им. Вы же боретесь за местечковость, за жизнь даже самых варварских обычаев.

Тут очень вовремя к ним подошел лорд Хайкасл с молодой дамой под ручку, его занимала жизнь коркозов. Своими расспросами, адресованными послу, он спас Эрнеста от продолжения этого разговора, и стрелок под шумок выскользнул из зала.

В коридоре к нему обратился часовой.

— Господин Кемпбелл приказал: как освободитесь, немедленно к генералу!

Эрнест проверил, все ли пуговицы застегнуты, подтянул перевязь и отправился за провожатым.

* * *

Как бы выразился капитан Корнуэлл, имея в виду внимание начальства к скромному служаке, тут пахнет либо скорым продвижением, либо быстрой и, возможно, мучительной смертью. Запахи эти витали в кабинете генерала, где по струнке вытянулся Эрнест.

Только Лайон Винтерс спешно покинул кабинет, едва не сбив Истдейла с ног, как в просторном зале остались сэр Артур Гатлинг и майор Кемпбелл. Комендант что-то спешно писал, скрипя пером. Майор чуть не прожог стрелка взглядом и сразу перешел к делу:

— Поднимай бикварту, Эрнест! Выступаете через четверть часа.

Истдейл глянул в окно. Там безраздельно властвовала ночь.

— Понимаю, что темень, но ты должен спешить. Отправившись на юг, в форт «Блейдьяра», передашь денешу коменданту Бейлли, он там руководит постройкой укреплений. Это приказ — немедленно идти сюда, в «Фирвуд», — комендант дописал бумагу и протянул ее Эрнесту.

— Ступайте, Истдейл, к утру вы должны быть на месте. От вашей скорости могут зависеть жизни наших солдат.

— Мы — дорожная пыль, милорд, — девизом стрелков ответил Эрнест и вышел.

Он пулей пронесся по коридорам, моля Небеса о том, чтобы его горцы были на месте и не расплозились под шумок.

«Если они без разрешения ушли, я с них шкуру спущу», — думал Эрнест и был на полном серьезе готов воплотить жестокий замысел в жизнь.

Скороходам повезло, все они оказались в их келье, занимаясь своими делами: точили клинки, кто-то пришивал пуговицу, резались в карты и пили крепчайший кофе.

— Стройся! — с порога рявкнул Эрнест.

В мгновение ока горцы уже стояли вдоль стены.

— Проверить снаряжение, выступаем немедленно.

Несколько скороходов покосились в сторону окна, справедливо недоумевая приказу. Но все же никто не осмелелся открыть рта.

Уже в коридоре, когда стрелки были полностью собраны, бикварта натолкнулась на сонного Кунху, трущего глаз и волочащего ранец за кожаную лямку.

— Мне приказано вас сопровождать, — начал он.

— Темп держать сможете?

— Сделаю все от меня зависящее.

* * *

Быстрой рысью бикварта Нежданных Стрелков двигалась по ночной улочке Среднего Города. В авангарде Филин, за ним в шахматном порядке, держа наперевес заряженные «радьярды», мерно дыша, бежали остальные.

Темные шпили древних руин вставали по обе стороны, подпирая звездное небо, а между украшенными резьбой контрфорсами приютились ветхие жилища коркозов. И вдруг Эрнест понял, что за чувство одолевало его в этом месте — чувство упадка чего-то великого, олицетворенного этими развалинами, того, что от возведения таких колоссов скатилось к прозябанию в жалких хижинах. Он, мирванец, нашел это страшным и трагичным.

Отряд вырвался из мрачных стен на лесную дорогу, что стрелой неслась на дикий юг. Карта, которую получил Эрнест, говорила, что тракт должен вывести их напрямик к тому месту, где граф Бейли заложил форт.

Прошло несколько часов, первый блиц-марш подошел к концу, теперь можно было отдохнуть, и отряд перешел на скорую ходьбу.

Где-то за джунглями несмело занималась заря.

Филин вскинул руку, и стрелки разом встали, только Кунха по инерции сделал еще несколько шагов.

Кудлатая тень с ревом метнулась из кустов. Нечто большое расплалось в воздухе, вытянувшись в гигантском прыжке. В унисон грохнули «радьярды» четырех скороходов. Тяжелые свинцовые шары разрывали шкуру и ломали кости, пятная мех багрянцем.

Но прервать этот полет дружный залп, увы, не смог. Рядовой Данн О'дохерти, шедший ближе всего к обочине, рухнул, погребенный под тушей. Горец жутко завопил, придавленный бьющейся в конвульсиях тварью.

Когда стрелки оттащили издохшего врага, оказалось, что это простой тигр. Раньше их много водилось в окрестных лесах.

— Голод, — мрачно резюмировал Кунха. — Местные дичь почти всю выбили, вот он и напал — отчаялся, бедняга.

— Бедняга этот Данну чуть потроха не вынул, — зло сказал Шилинг, перевязывая шипящего от боли О'дохерти.

У стрелка, что стал жертвой нападения зверя, было в лохмотья разорвано правое бедро, грудь и плечи избородили глубокие рваные раны.

— Жить будет? — спросил Эрнест.

— Должен, но идти не сможет, милорд, — Грош поднял внимательные глаза на своего командира.

— Носилки, живо, — Истдейл указал на двух солдат.

Стрелки, выхватив свои тесаки, бросились к обочине рубить жерди для носилок.

Отдавая приказы, Эрнест говорил нарочито тихо, стараясь скрыть дрожь в голосе. Его мелко трясло (хорошо хоть в предрассветных сумерках этого было не видеть), ноги стали словно ватные, и едва-едва подташнивало от пережитого страха. Слишком уж неожиданно напал тигр, вроде как и предвидел Эрнест нечто подобное, а вот поди ж ты.

Горцы споро уложили Данна на носилки, перезарядили ружья и были готовы продолжать путь.

— Вторым аллуром, марш! — скомандовал Эрнест, к этому времени он уже успел окончательно совладать с собой.

Бикварта набирала скорость.

Солнце успело подняться довольно высоко, когда сержант сообщил Истдейлу, что впереди определенно есть люди, пахнет смолой и ржут кони. Это был «Блейдьярд», никак иначе.

Дорога вывела стрелков к опушке большой поляны. Землю все еще покрывал слой пепла, чтобы очистить место под укрепления, джунгли в этом месте выжигали. Незамкнутое кольцо высокого частокола вставало метрах в тридцати от деревьев. За зубчатой оградой виднелись сторожевые вышки, тоже деревянные, над крышей одной из них, сложенной из разлапистых листьев какого-то местного дерева, понуро висел на шесте флаг гордого Мирвана.

Наконец стрелков заметили. На башенке заспанный часовой ударил в звонкий медный колокол.

— Бегущий лев! — громко крикнул Эрнест.

Часовой вопросительно поглядел на кого-то у подножия своей вышки и махнул рукой.

Отряд скороходов вошел в форт через недостроенную часть укреплений, в будущем тут предполагалось возвести бревенчатый барбакан. Во внутреннем дворе обращенные в сторону дыры в частоколе стояли две легкие пушки, у колес лафета дремали канониры.

Бикварту встретил долговязый капитан, его красный мундир был порядком загажен, а правая рука забинтована.

«Недавно из переделки?», — подумалось стрелку.

— Нежданные Стрелки «Фирвуда», — Эрнест протянул капитану уверения. — У меня срочная депеша для колонела Бейли.

— Они имеют отдыхать, — скрипнул капитан, едва взглянув на бумаги.

— В таком случае его необходимо побеспокоить, — с нажимом произнес Эрнест.

Капитан, мгновение поколебавшись, сказал.

— Ожидайте. Мистер Фернхем, проведите стрелков, — сказал он куда-то себе за плечо.

Эрнест прождал около получаса в темной клетке, будущей приемной канцелярии, его стрелки остались снаружи. Виконт Георг Бейли оказался крепким мужчиной лет пятидесяти, с высокими залысинами и пышными седеющими усами.

— Колонел, — Эрнест вскочил с грубого табурета. — У меня приказ от генерал-коменданта, сэра Артура.

Бейли взломал сургуч на почтовом тубусе.

— Бросить форт и уходить на север? — вслух (нечаянно, разумеется) удивился сэр Грегори.

Вопрос не был адресован Эрнесту и тот промолчал.

— Капитан Сомерс! — громко позвал Бейли.

В комнату вошел давешний долговязый капитан.

— Трубите сбор, мы покидаем «Блейдьярд».

В скором времени форт наполнился звуками команд, песней рожков и ржанием коней. Нежданные Стрелки в общих сборах участия не принимали, сидели себе в углу на штабеле бревен, приготовленных для частокола.

— В лесу! — это закричал часовой на вышке.

Филин, не дожидаясь приказа, взлетел на бревенчатый парапет и вскинула ладонь, защищая глаза от солнца.

— Кто-то бродит у опушки, — бросил он через плечо. — И еще вон там.

— Сколько? — прокричал сквозь шум Эрнест.

Ответ стрелка утонул в звонкой пучине полкового рожка — трубили тревогу. Но Истдейл уже стоял на шатком парапете, тянущемся вдоль

частокола с внутренней стороны. Во внутреннем дворе канониры хлопотали вокруг своих пушек, засыпая в литые стволы крупную шрапнель.

Недостроенный участок стены спешно перекрыли телегами. Форт, будто чудовищный деревянный дикобраз, ошетинился со стен ружейными дулами. «Блейдьярд» затаился в напряженном ожидании.

Эрнест смотрел на недалекую чащу поверх лакированного ствола «радьярда», ища цель. Но цели все не было, и он украдкой огляделся. Слева от него оказалась вся его бикварта, а справа горели багрянцем красные мундиры пехотинцев Мирвана. Истдейл увидел, как из-под кожаного шака ближайшего к нему солдата появилась крупная капля пота и, быстро пробежав по гладко выбритой щеке, спряталась за воротником мундира. Солдат громко сглотнул слюну и быстрым движением вытер пот, заливающий глаза. Да, было жарко, светило вошло в зенит, и воздух наполнился тяжелой, пахнущей палыми листьями влагой.

Из сплошной стены раскидистого кустарника, выющихся растений и высоченного подлеска на пепел выжженной поляны разом выскочило с подложины фигур и, не теряя ни минуты, ринулись к форту.

— Целься! — грянуло над частоколом, и команда Эрнеста вторила этому голосу.

Вздымая тучи пепла к форту на четвереньках, отталкиваясь от земли мощными лапами, неслись коренастые существа. Лишь лица, перекошенные от напряжения и ярости, смуглые лица аборигенов выдавали в них людей. Будто приклеенные, усатые лики нелепо смотрелись на покрытых где чешуей, а где жестким, рыжим мехом телам. Рельефные бицепсы были схвачены полосами грязно-белой ткани, с косточками-висюльками грубо пришитыми к ней.

Эрнеста передернуло.

— Огонь!

Деревянные стены заволокло едким, серым дымом, что вырвался из сотни ружей. Тяжелая отдача ударила в плечо, заставив Эрнеста едва слышно выругаться и вспомнить предупреждения Кемпбелла.

Все шестеро бегущих коркозов кубарем покатались по земле, в одночасье сраженные тяжелыми круглыми пулями. Солдаты же деловито взялись за длинные шомпола, перезаряжая свое оружие.

— Истдейл! — крикнули снизу, со двора.

Это капитан Сомерс, задрав голову, звал командира стрелков.

— Колонел зовет вас к себе, это приказ, — прокричал долгоязыый офицер.

Эрнест прыгнул на бревна-заготовки и, сбегав по ним, как по лесенке, оказался подле Сомерса.

Колонел Бейли как раз спустился с вышки, что островерхим шпилем венчала главное здание форта.

— Мистер Истдейл, срочно возвращайтесь в «Фирвуд», пока враг готовит вторую волну, сообщите, что подозрения оправдались, с юга намечается прорыв крупных сил коркозов.

— Прорыв? — невпопад переспросил Эрнест.

— Нападающие принадлежали к племени Вождя Дхинга, а их деревни расположены более недели пути на юг отсюда — выходит, в окрестных лесах собираются (или уже собрались) воины многих племен. Я не могу вывести войска за стены, нас нагонят на марше, где шансов на победу у нас практически не будет. Так что делайте свою работу, Истдейл, отправляйтесь к Гатлингу.

Без оглядки на субординацию, речь колонела прервал все тот же рожок, возвестив о новой опасности. Колонел Бейли лишь скрипнул зубами, а Сомерс и скороход стремглав бросились к укреплениям.

Успели вовремя: как раз из давешних дебрей на простор выбирались рослые и широкоплечие Избранные. Эти точь-в-точь походили на кудлатого коркоза, что упражнялся с инженерами Винтерса. Короткие ноги, но длинные, могучие руки. Грудь и голову закрывали лепестки черного, лоснящегося панциря, отчего аборигены смахивали на огромных жуков. Броненосцы (именно так называли их мирванские солдаты) были сплошь увешаны потемневшим от времени золотом, у кого массивный браслет тускло сверкал на лодыжке, у кого имелся массивный пояс из больших, квадратных медальонов.

Легенды о древних сокровищах, что ждут своего героя в покинутых храмах юга, выходит, оказались правдой.

Трое, пятеро, дюжина, почти два десятка огромных чудовищ встали у границы леса. Раздался истошный визг, и ломаная линия нападающих бросилась в атаку.

— Целься! — вновь послышалось над фортом.

«Безумцы! Самоубийцы! На что они надеются?» — подумал Эрнест, задерживая дыхание для выстрела.

— Огонь!

И вновь грянул гром ружейного залпа. Сквозь едкую пелену порохового дыма Эрнест успел увидеть, как от хитиновых панцирей брызнули мелкие осколки и редкие капли крови. Четверо броненосцев упали, остальные же едва замедлили бег.

Снизу ему подали заряженного «радьярда». Вскидывая ружье, Эрнест заметил, что Финн так и не сделал своего выстрела. Но вот неожиданный стрелок мягко нажал на спуск, и свинцовый шарик угодил ровно в прорезь между лепестками-забралом на голове одного из коркозов. Туша рухнула и забилась в пыли, по-звериному завывая.

Солдат смачно чмокнул свое ружье в деревянное ложе и отправил «радьярда» вниз — на перезарядку.

Гарнизон едва успел сделать еще один жидкий залп, что унес жизнь одного броненосца.

Живой таран врезался в палисад. Бревна брызнули щепой, но частокол устоял. За острый край стены ухватилась волосатая лапища, из толстых пальцев на глазах вырастали черные когти. Могучим рывком коркоз забросил себя на стену, как раз в том месте, где стоял Эрнест со своей биквартой. Прямо перед стрелком возник огромный зверь, панцирь его был пробит в десятке мест. Из черных дыр, оставленных мирванским залпом, текла густая кровь. Командир скороходов попятился, поднимая ружье, чтобы заслониться от удара когтистой длани, и сверзился со стены на штабель бревен.

Эрнест скатился по необструганным чурбанам на песок внутреннего двора. При падении сознание на миг покинуло скорохода, но быстро опомнилось и вернулось к владельцу.

Вставая, Эрнест видел, как на телеги, что преградили свободный участок укреплений, взлетел броненосец (и как они такие резвые, при своих-то размерах?). Почти одновременно грянул раскатистый рокот двух корронад, что поджидали врага у баррикады. Картечь практически разорвала Избранного, отшвырнув исковерканный труп обратно за стены.

С парашюта летели люди, одетые в красные мундиры. Сразу двое гигантов взобрались на стену форта, расшвыривая солдат, разрывая плоть когтями, ломая кости ручищами. Но, наконец, опомнились мирванцы, что находились во дворе, даже команды не потребовалось. Как один, пехотинцы вскинули увенчанные гранеными штыками ружья и спустили курки. Свинцовый дождь смыл броненосцев со стены, оставив бревенчатый парашет залитым кровью (преимущественно мирванской).

Над клыками частокола появилась обтекаемая голова броненосца. Появилась, охнула-всхлипнула и отделилась от мощного тела. Зазубренный кукри сержанта Даффи (не иначе Небо вело его руку), описав размашистую дугу, прервало жизнь перевертыша.

— К воротам! — раздался властный окрик. Кажется, это был голос Сомерса.

Баррикада таяла на глазах. С проворностью портовых швырял броненосцы разрушали завал. Пушкари в спешке заряжали орудия. Молодой канонир тихо подвывал от страха, остервенело работая банником и поминутно озираясь на завал, где ревели перевертыши.

Вот первый броненосец в три прыжка преодолел остатки баррикады и расстояние до пушек. В мгновение ока канониры были разорваны, лишь тот самый молодой пушкарь, бросив длинный банник в стволе, удрал за угол приземистого барака. Раздалось несколько выстрелов тех немногих из солдат, кто успел перезарядить ружья, остальные же выставили вперед штыки. Оба перевертыша почти одновременно врезались в строй красных мундиров, оставляя по себе изломанные тела покалеченных солдат, раздавленных и изломанных.

— Коли! Коли тварей! — истоно орал Сомерс.

Капитан несясь со всех ног, размахивая тесаком, стремясь обойти сражавшихся сбоку и зайти в тыл гигантам-полиморфам. Истдейл же застыл там, где стоял. Картина идущих сквозь строй броненосцев, казалось, лишила его решимости драться. Но вот первый перевертыш рухнул, скрылся под накатившей красной волной мирванцев. Сомерс таки изловчился подобраться к широкой спине коркоза и подрубил вражье колено — вот и второй отправился на свои избранные небеса.

— Уходят! — крикнул сержант, все еще стоявший на парапете.

Десять броненосцев спешили по выжженной земле, чтобы скрыться в зарослях, столько же издохло на подступах к стенам форта и за ними.

Эрнест огляделся. Парапет южной стены, внутренний двор и пространство вокруг пушек были залиты кровью. Вдруг Истдейлу очень захотелось, во что бы то ни стало, выполнить приказ колонела Бейли — со всех ног броситься отсюда как можно дальше, пока ужасные чудовища не вернулись.

— Милорд, — Трой прервал паникерские размышления Эрнеста, — Крота и Бабура Кунху убили, Грош ранен. Остальные в порядке.

— Спасибо, Даффи, — несколько нервно кивнул Истдейл.

Заприметив капитана Сомерса, Эрнест быстро нагнал того и спросил:

— Каковы потери?

— Почти полсотни мертвых и столько же тяжело раненных. Дешево отделались, — бесцветным голосом сообщил капитан.

— Дешево? — Эрнест оглянулся на поле битвы, где трудились солдаты, снося увечных в барак.

Сомерс лишь кивнул, заправ желваками на челюсти.

— Третью атаку мы еще как-то переживем, — спустя несколько минут подвел пессимистический итог колонел. — А вот в четвертый раз их будет втрое больше, тут нам и конец.

— Почему? — устало спросил Эрнест, всеми силами старавшийся не показать, как ему страшно.

— Тактика дикарей — идут волнами, пробуя крепость обороны, наращивая количество воинов. Зачем так поступают — не знаю. Но размен в их пользу, а мы даже не знаем, сколько их ждет своего часа в этих дебрях.

«Напомнить ему о приказе идти к Гатлингу?», — подумалось Эрнесту. Додумать приятную мысль он не успел.

— Идите, господа, готовьте людей. Последний бой будет за цитадель, — приказал Бейли.

С этим приказом рухнула последняя надежда на его спасение, и скороход поплелся к выходу.

На улице солдаты тянули пушки к воротам цитадели. Стены пусты, во дворе царил атмосфера молчаливой деятельности. Эрнест шел к своей бикварте.

«Ну и Пекло с вами всеми! — зло подумал Эрнест. — Умру как герой, за отечество!» — искал он утешение в героике, которой еще не был

окончательно чужд. Он вспомнил одну из многих речей опаленного сотней сражений капитана Корнуэла, которую тот однажды произнес перед новичками:

«Вы хотите стать бойцами? Вы жаждете побед, триумфа и почестей? Подумайте, какую цену вы готовы заплатить за это! И не приведи Небо вам упасть, а вы непременно упадете, как все до вас, и каждый после. Найдите эту цену, а за ней и цель. Потому как без этой Цели однажды, лежа в крови и грязи, вы вдруг поймете: все кончилось, я просто ошибся однажды...» Он много чего еще говорил, но Эрнест не помнил продолжения.

Апатия обреченности отступила, осталась простая и понятная злость: «Когда уже эти вонючие, полные глистов и болячек дикари, наконец, решатся?!»

— Лейтенант! Смотрите! — закричал Даффи.

На низкий гребень баррикады взобрался человек. Лица отсюда было не разобрать, его скрывал темный капюшон, а вот кожу форменной куртки Эрнест узнал. По одному, вслед за своим командиром, на баррикаду восходили специальные инженеры. Последним в форт вошел гигант-перевертыш, тот самый из «Фирвуда». На широченных плечах он нес кожаные токи, обмотанные бечевкой.

Не справившись с эмоциями, Эрнест бросился к майору.

— Сэр Лайон! Как я рад... То есть вы так вовремя!

— Я тоже рад, мистер Истдейл, — спокойно улыбнулся Винтерс. — Вы, поди, совсем заскучали в этой глухомани.

«Воистину! — думал Эрнест. — Небо слышит лишь тех, кто кричит от ярости, и глухо к мольбам о пощаде».

— Отведите меня к колонелу, для него, да и для вас есть у меня милый презент.

Инженер подозвал подчиненного, тот вел перед собой странного человека. Руки его были связаны, а на голову надет черный мешок.

— Ваш приятель! — Лайон картинно стянул с головы пленного капюшон. — Абилаш Дуга.

Смуглый коркоз зажмурился от яркого дневного света и тихо заругался.

— Будем меняться, ваши жизни за жизнь высокого посла, — с этими словами они пошли к цитадели.

Коротко сэр Винтерс изложил собравшимся офицерам (среди которых, разумеется, присутствовал и некий скороход) свой план: обменять пленного Дугу на жизни оставшихся в форте солдат. Если вожди коркозов откажутся от предложения, Дугу сожгут на костре, от чего тот попадет в их, коркозовскую, Преисподнюю.

— Но если мы его уйдем, нам всем конец, — предположил Эрнест.

Мысль о неожиданном спасении грела душу куда сильнее мечтаний о геройской кончине.

— Возможно, — ответил Винтерс. — Но маловероятно. Он Избранный,

да еще и знающий наш язык и порядки. Коркозы варвары, но не настолько глупы, чтобы из-за кучки куцых (нас с вами) жертвовать Дугой.

— А если он сам предпочтет смерть? — задал вопрос Сомерс.

— А вот это невозможно! — ухмыльнулся Лайон. — Уж поверьте мне.

— Вы уверены в своем плане и, тем не менее, захватили с собой свои игрушки, — наконец открыл рот колонел.

Бейли имел в виду богатый пиротехнический арсенал, что привезли с собой инженеры.

— Лишним не будет. Да и нам не мешает продемонстрировать серьезность своих намерений.

— В таком случае я вашу диспозицию одобряю, — сказал колонел.

— Великолепно! — взмахнул рукой Винтерс. — Господа, прошу вас во двор, будем испрошать переговоров с коркозами.

Пока они шли, Винтерс неожиданно спросил стрелка:

— Эрнест, вы случаем не родственник капитана Рудольфа Истдейла, виконта Уилоутроу?

— Нет, я из Истдейлов, что в Южном Квентингтоне. Мой отец — баронет Генри Истдейл, профессор медицины.

— Болячка Генри! — воскликнул сэр Лайон.

— «Язва Генри», милорд, — поправил того Эрнест.

— Прошу прощения, так ее называют солдаты. Ваш отец — выдающийся человек, мистер Истдейл.

Эрнест поблагодарил того за комплимент сдержанным поклоном.

— Позвольте и мне спросить вас, — решил он.

— Я в вашем распоряжении.

— Как вы узнали, что нам нужна помощь, как смогли так быстро подготовиться и дойти сюда?

— Помните тот хлебец, что нашли ваши стрелки? — спросил инженер, а Эрнест кивнул. — Ему-то мы и обязаны (провидение Небес, не иначе!). У коркозов система договоров отличается от мирванской, — он улыбнулся. — Когда вождям необходимо заключить союз, они пекут лепешку и надкусывают ее. Если другая сторона согласна с условиями договора, она также отведает хлеба. Как правило, этот способ используют для заключения военных альянсов. Когда вы нашли лепешку, я все понял и доложил Гатлингу. По всему было видно, что племена собираются не просто так.

— И вы послали нас?

— Да, мы надеялись, что гарнизон «Блайдьярда» успеет отойти, но на всякий случай решили разыграть карту посла. Как видите, не зря.

— Но как вы успели так быстро прийти? — удивился Эрнест.

— Конечно, до вас, скороходов, нам далеко, — Лайон смиренно потупился. — Но и мы ноги переставлять умеем. Впрочем, я вышел почти сразу после вас.

Эрнест нахмурился.

— Но, сэр Лайон, если коркозы замыслили атаку, зачем же Дуга приехал к нам, в «Фирвуд»? — спросил стрелок.

— По чести говоря, я не знаю его точных мотивов. Скорее всего, для усыпления бдительности. Возможно, наделся, что его, как посла, не тронут. Вероятно и другое: Дуга хотел спровоцировать нас и выставить нападение на «Блейдъярд» в качестве ответа на мирванскую агрессию по отношению к послу.

— Как-то уж слишком изощренно для простого Избранного, — скептически заметил Эрнест.

— Не скажите, такой ход привлек бы на сторону южан многие племена с предгорий, что существенно сместило бы чашу весов в их сторону, — майор бросил взгляд на пленника. — Хотя образ самоотверженного мученика с господином послом действительно не вяжется.

Они вышли во двор, посередь которого стоял их, мирванский, перевертыш. Ноги его стали еще короче, превратились в короткие опоры, руки же, напротив, увеличились до пугающей длины и заканчивались огромными ладонями похожими на лопаты. У ног полиморфа пирамидкой лежали круглые бомбы.

— Начинайте, — скомандовал Лайон.

Один из инженеров (мирванец в кожаном мундире) взял шар снаряда и поджег фитиль, отдавая бомбу ожидающему коркозу. Перевертыш широко размахнулся руками-лопастями и пустил круглый снаряд в небо — через несколько мгновений раздался взрыв.

— Еще немного, — крикнул с вышки другой инженер.

Коркоз хрюкнул-рыкнул и во второй раз швырнул заряд.

— Вот так хорошо, — раздалось сверху.

— Пострадаем их немного, — пояснил Винтерс.

В чашу были отправлены более десятка снарядов, после чего Лайон поднялся на стену и, сложив ладони рупором, прокричал, что-то на местном языке. Все это время Абилаш Дуга с отрешенным видом смотрел себе под ноги.

Инженер кричал так еще с четверть часа, но вот из леса появились четверо коркозов. Сейчас они не отличались от простых людей: набедренные повязки, украшения, дикарские прически.

Навстречу варварским послам вышли Винтерс, колонел и Сомерс, да еще двое подчиненных Лайона конвоировали Дугу. А со стен за встречей наблюдали заряженные «радыарды» — все, кто остался на ногах, прикрывали офицеров, что намерелись выторговать их жизни.

Встреча была недолгой, видать стороны быстро пришли к согласию и разошлись. Пока послы мирванского форта возвращались обратно, на стенах царилась грубовая тишина, даже дышать никто не смел. Процессия проследовала в центр двора, и колонел возвестил:

— Они принимают условия.

Над «Блейдъярдом» пронесся дружный вздох облегчения.

— Мы должны бросить все, что есть в форте, включая пушки, и убираться, — поведал стрелкам Винтерс. — Дугу отдадим, когда минуем мост через Межевую.

— Они не попытаются отбить его, когда мы будем в дороге? — спросил Истдейл.

— Мы предупредили, что успеем выпотрошить его раньше, чем первый броненосец приблизится к колонне на расстояние выстрела.

Вокруг кипела жизнь. Люди, чудом выскочившие из смердящей пасти смерти, споро строились, готовясь к длительному переходу.

— Колонел сжигает важные бумаги, — вдруг сказал подошедший Сомерс. — Мы выступаем через десять минут.

— Пойдем в конце, — предложил Лайон.

Эрнест кивнул.

Смешанный отряд неожиданных стрелков и специальных инженеров наблюдал, как солдаты покидают форт. Что-то непонятное шевельнулось в душе Истдейла. Он был рад тому, что встретит завтрашний рассвет, а не сложит тут голову, но все же его одолевала странная тоска. Как будто огонек цивилизации прямо на его глазах тух, уступая мраку дикости, царившему вокруг.

— Не переживай Эрнест, — прозорливый майор будто прочел его мысли. — Цивилизация не пришла сюда на штыках солдат, значит, не время. Пускай. Много позже, когда от Избранных останутся лишь стаи диких животных, что будут бродить по этим джунглям, цивилизация вернется, но уже в ружьях охотников-следопытов и на телегах крестьян-колонистов. А эти точно потеснят кого угодно, не сразу, конечно, но увидишь, именно так оно и будет.

Стрелок кивнул.

Последний солдат покинул форт, и за колонной двинулись поредевшая бикварта Нежданных Стрелков.

А бедняге-форту предстояло остаться и быть разграбленным. Эрнест в последний раз оглянулся на место, чуть было не ставшее его могилой. Смотреть было неприятно, и он отвернулся, шагая по дороге на север.

Февраль—март 2009

ОЛЕГ КОЖИН

...ГДЕ ЖИВЕТ КРАКЕН

Вблизи цистерна выглядела еще больше. Огромная, некогда белая, а ныне увитая трещинами и ржавыми потеками, будто плющом, она возвышалась над детьми, как самый настоящий небоскреб. Вообще-то, когда ты маленький, над тобой возвышается абсолютно все: дома, автобусы, грузовики, непонятные и вечно занятые взрослые. Даже мальчишки из старших классов, которые отбирают у тебя деньги, данные родителями на завтраки, и те нависают над тобой, словно башни. Правда, мало кто считает себя маленьким в десять лет. Первая в жизни круглая дата, первый официальный юбилей как будто завершают некий цикл, по окончании которого слово «маленький» к тебе больше не применимо. Словно ноль на конце десятки, это не зацикленная в круг линия, а спираль, переворачивающая тебя на новый виток.

Из стоящих на холме шестерых детей только Лысик все еще относилась к разряду малышей. У нее даже собственного велосипеда не было. Именно потому она всю дорогу тряслась на раме Димкиного велика, тихонько ойкая всякий раз, когда тот неосторожно подпрыгивал на ухабах неровной дороги. Остальным заветная десятка уже стукнула, и транспорт у них был свой собственный.

Генке, самому старшему из шестерки, через месяц исполнялось двенадцать. Возраст автоматически делал его вожаком этого маленького велосипедного войска. И хотя в другое время он бы вряд ли стал возиться с мелюзгой, даже если она не считает себя оной, сейчас у него просто не было выбора.

Летом родители стараются отослать детей подальше из, хоть и провинциального и маленького, но, тем не менее, грязного, пыльного и очень загазованного городка. Чада разъезжаются по бабушкам и дедушкам, по тетям и дядям, по дачам, приусадебным хозяйствам и летним лагерям. Генке не повезло. Именно это лето его родители выбрали для того, чтобы раз и навсегда выяснить отношения: они разводились. И дела им не было до того, что все друзья сына обедают у фруктов, трескают бабушкины пирожки или по ночам рисуют соседям по комнате усы из зубной пасты.

Впрочем, не повезло в это лето всем шестерым. «Велосипедное войско» сформировалось только по той причине, по которой обычно и появляются

недолговечные детские сообщества, с продолжительностью жизни чуть длиннее, чем у бабочек-капустниц. Этим детям некуда было податься.

У Пузыря, которого на самом деле звали Сашкой, не было бабушек и дедушек, а доверить свое пухлощекое чадо незнакомым людям его мама и папа боялись.

Родители Стаса были слишком бедны для того, чтобы вывезти его куда-нибудь дальше пригорода, куда они периодически и выбирались всей семьей, на так называемые «пикники». Стас никому не говорил, но все знали, что он держится вместе с ними и терпит подзатыльники и обидные прозвища, которыми награждал его Генка, только потому, что его уже тошнит от жареных сосисок и хлеба с кетчупом.

Димка же полгода назад потерял мать, и теперь его отец чаще вспоминал о бутылке, чем о родном сыне. Даже когда он подрался в школе и сломал себе палец, в травмпункт, а потом и в поликлинику его водила классная руководительница Зинаида Карповна. В последнее время в их доме часто стали появляться неприятные озлобленные тетки, похожие на давно некормленных собак-ищеек. Вооружившиеся папками, в которых, роясь по дому, вечно что-то записывали, они громко отчитывали Димкиного отца и постоянно угрожали странными буквами КэДэЭн. Что это такое, не знали ни его новые друзья, ни сам Дима. Но в одном он был уверен твердо — ищейкоподобные тетки хотят забрать его у отца. Видимо из-за сложной семейной ситуации Генка донимал его меньше остальных. У Димы даже не было обидного прозвища.

Хуже всех приходилось Лысику. Из всей компании, пожалуй, один лишь Димка знал, что ее зовут Рита. И то, знал лишь потому, что жил с ней в одном дворе. Лысику вообще не везло по жизни. Из родни у нее была только старенькая бабушка, седая, сухонькая и почти слепая. Бабушка была предельно нищей. Даже на одежду из «секондхэнда», а только ее она и могла позволить своей внучке, ей приходилось откладывать. Вот и сейчас на Лысике, точно на вешалке, болталось короткое серое платьице в белый горошек, которое едва доставало до вечно покрытых закоростелевшей кровью и разводами йода и зеленки, коленок. Какой уж там велосипед? Она робко сидела на самом краешке рамы и иногда поминутно оглядывалась на Диму, точно боялась, что тот передумает и заставит ее идти пешком. То и дело Лысик нервно поправляла синюю косынку, из-под которой в разные стороны торчали оттопыренные обезьяньи ушки. Рита была Лысиком именно потому, что была лысой. Тонкая синяя ткань скрывала ежик русых волос, коротких настолько, что не каждый мальчишка ее возраста отважился бы такой носить.

Виной всему была Ритина бабушка. Именно в ее, начинающий сдавать под давлением маразма, разум пришла гениальная идея профилактики педикулеза.

— Так надо! — сказала бабуля и старой металлической советской машинкой для стрижки волос обкорнала внучку под ноль. А Рита терпеливо снесла экзекуцию и молча превратилась в Лысика. Прозвище появилось с легкой Генкиной руки. А вот своим местом в их маленьком временном союзе Рита была обязана Кате.

Как костюм итальянского модельера выделяется среди китайского ширпотреба, так и одиннадцатилетняя Катюша выделялась на фоне остальных ребят. «Пятерка неудачников» — так она их называла.

— Пятерка неудачников и я — ваша королева! — улыбаясь, говорила она и заливалась искренним смехом, отсвечивая на солнце белозубой улыбкой.

И на нее никто не обижался. Любую, даже самую жестокую ее шутку мальчишки принимали, как игру, рабопенно ожидая маленьких милостей своей повелительницы, а Лысик молчаливо терпела, как терпела она все невзгоды, выпавшие на ее маленькую жизнь. Будучи неглупой девочкой, она прекрасно понимала, что нужна Катюше только для оттенения ее красоты в глазах мальчишек, но все равно послушно исполняла свою роль.

Сама Катюша якшалась с «Неудачниками» только из-за мальчишек. Ей нравилось то странное, пока еще не совсем понятное обожание в их глазах. Нравилось, как они стремительно глупели и превращались в послушных комнатных собачек, стоило лишь оказать им малейший знак внимания. Катя была маленькой женщиной. И, как и всякая настоящая женщина, она успешно манипулировала своим мужским окружением. Как сейчас, например.

У Катюши был свой велосипед — красивый, новенький, безумно дорогой, того нежно розового цвета, от которого млеют все девчонки в возрасте до пятнадцати лет. Среди грязных, украшенных драными наклейками, цепочками, птичьими косточками и трещотками из игральных карт, великов мальчишек, он смотрелся словно «Роллс-ройс» среди «Запорожцев». Катины родители могли позволить для своей дочери самое лучшее. Но в последнее время девочка предпочитала кататься «на раме» у Генки, проверяя таким образом верность своего фаворита.

И Генка проверку выдержал! В тот же вечер, когда Катюша впервые попросила покатать ее, а потом пожаловалась на жесткую раму, он отыскал на свалке старое мотоциклетное сиденье и при помощи ножа и веревок соорудил мягкий и довольно удобный валик. От этого стало похоже, будто на раму надели глушитель, но Королева такой подход восприняла благосклонно, а это все окупало. С тех пор Катюша передвигалась только таким образом. Вот и сейчас она облокотилась на широкий руль Генкиного «байка» и, щурясь, смотрела на цистерну.

— Это здесь? — болтая в воздухе ножкой, поинтересовалась она у своего водителя. Ветер, взявший разгон где-то у подножия резервуара, взлетел на холм и, подхватив ее золотистые волосы, швырнул их в Генкино лицо.

— Здесь... — голос его вдруг стал хриплым и сухим, будто горло покрылось глубокими трещинами, и слова застревают, теряются в них. До боли в животе ему хотелось уткнуться носом в эти мягкие душистые локоны. Так захотелось, что задрожали крепко сжимающие руль пальцы.

— Ну, так чего ждем? — Не оборачиваясь, Катюша довольно улыбнулась. Она знала, как влияет на Генку и не стеснялась этим пользоваться. Торчащим из босоножки пальцем Катюша зацепила трещотку и та приглушенно щелкнула по спицам колеса. — Поехали?

— Нельзя туда ехать! — внезапно вмешался Пузырь. Его расплывшаяся физиономия была еще краснее обычного. Толстые, как оладьи, щеки висели едва не на плечах, а футболка намокла от пота. — Мне мама говорила...

— Ме мямя гавалия, — скривившись, передразнил его Генка. — А тебе мама не говорила, чтобы ты жрал меньше? Из-за тебя, свинья жирная, час сюда добирались!

Пузырь обиженно насупился, но промолчал. Сказанное было чистой правдой. Во время поездки группе приходилось то и дело останавливаться, чтобы дать раскрасневшемуся Сашке догнать их и немного отдохнуть.

— Большая... — глядя на цистерну, задумчиво сказал Стас. — Геныч, ты не говори, что она такая большая!

— А самому головой подумать слабо? — разозлился вожак. — Знаешь, какой он здоровый? Где он, по-твоему, жить должен? В ведре, что ли?

Стас неопределенно пожал плечами, как бы не опровергая, но и не соглашаясь с доводами. Он пристально смотрел на цистерну, будто мысленно обмерял ее рулеткой.

— А кто там живет? — робко поинтересовалась Лысик.

Она все и всегда делала очень робко. Со стороны могло показаться, будто девочка боится, что ее могут обидеть, обзвать, ударить, но на деле это было совсем не так. Риту никто не бил, и даже обижали ее не больше других. Просто она всегда вела себя так, будто смирилась. Она напоминала перегоревшую лампочку — тусклую, безучастную, выгоревшую изнутри. И никому не нужную.

— Конь в пальто, — огрызнулся Генка. Лысика они выбрали уже по дороге, и потому подробностей она не знала, но объяснять что-то ей вожак считал ниже своего достоинства.

— Кракен, — ответил вместо него Стас. По голосу его было слышно, что он ну ни капельки не верит в официальную цель их визита. Бросив мрачный взгляд на загорелую Катю, он презрительно сплюнул в дорожную пыль и счел нужным добавить: — Геныч говорит, что он там Кракена видел.

— Ну, ты дебил! Не видел я его! — заорал Генка.

— А чего ж ты нас сюда приволок? — Стас вновь сплюнул сквозь зубы. Этому трюку он научился совсем недавно и харкался теперь с такой частотой, что легко уделывал любого «корабля пустыни». — Чего мы сюда перлись, раз здесь нет нифига?

— Не, ну ты точно debil! — Генка, постучал костяшечкой согнутого пальца себе по лбу. — Все пацаны знают, что он тут есть...

— Я не знал, — вставил свое веское слово Пузырь.

— А ты и не пацан, ты баба жирная! — сбрил его Генка. — Еще раз перебьешь — всеку! Понял?

Поблудневший Пузырь утвердительно тряхнул головой, отчего его щеки и складки на шее колыхнулись, как застывший холодец. Когда Генка серчал на Пузыря и «всекал» ему, это было больно.

— Короче... — восстановив порядок, Генка успокоился и вернулся к своей обычной манере разговора. — Пацаны говорят, что он только этим летом тут завелся. До этого сто раз сюда ездили — не было. И еще... Говорят, что это он братьев Копытиных сожрал...

Все невольно притихли. Даже Катюша, которая вроде бы находилась на своей волне и не вмешивалась в разговор, перестала болтать ногами и с интересом прислушалась. Про братьев Копытиных в их городе ходили самые разные слухи. Хулиганы и оторвы, однажды они пропали все трое разом. Через месяц их нашли. Мертвых.

Гришка Подольский, который был лучшим другом самого младшего Копытина и потому был на похоронах, говорил, что хоронили братьев в закрытых гробах. На поминках он подслушал разговор двух уже изрядно поддатых гостей, и Гришка зуб давал, что слышал, как один из мужиков сказал:

— И все трое — без головы!

После того случая в городе было много шума. Родители еще долго загоняли детей домой, едва на улице чуть-чуть темнело, милиция шугала пацанов из подвалов и с чердаков, а сами пацаны передавали из уст в уста страшилки о жуткой смерти братьев Копытиных, обраставшие невероятными подробностями с каждым новым рассказчиком. Но по-настоящему никто ничего не знал.

— А еще его пацаны с «пятьдесят шестого» видели, — продолжал Генка. — Они раньше сюда ездили по крышке жечь, а потом, как Кракена увидели, сразу перестали. Поэтому они теперь в Гнилой Балке тусуются. Косой говорит, у него три щупальца и на каждой голова одного из братьев. И все головы — живые...

— «Пятьдесят шестым» соврать — раз плюнуть! — скривившись, перебил его Стас. — Косой прошлым летом всем трындел, что он летающее блюдце видел, ты и этому веришь?

— А че?! Может, и видел?! — Генка не был бы лидером, если бы не умел отстаивать свое мнение. — Чем докажешь, что нет?

— Я у бабушки в деревне тоже... — начал, было, Пузырь

— Заткнись! — оба спорщика рывкнули на него одновременно, и Сашка испуганно стих, по-черепахи втянув голову в плечи.

Только теперь все осознали, что на корабле созрел бунт. Капитан Гена сверлил недобрый взглядом мятежного штурмана Стаса, а тот, в свою

очередь, хмуро разглядывал его, выискивая слабинку, брешь, в которую можно будет ударить. И тогда Генка понял, что подставился. Но отступать уже было поздно, ведь на раме, с безмятежной улыбкой поглядывая в их сторону, сидела золотовласка Катюша, и ее кудрявые локоны приятно шекотали Генке предплечья всякий раз, когда она поворачивала голову. Надо было идти ва-банк, и Генка пошел.

— Я его не видел...

Стас криво ухмыльнулся и откинулся в седле, будто говоря: что и требовалось доказать!

— Но я его слышал.

И не дожидаясь, пока команда оправится от таких откровений, он оттолкнулся от земли ногой и покатился с горки навстречу цистерне. Звонко завизжала довольная Катя: скорость ей нравилась.

Пожав плечами, Стас напоследок сплюнул еще раз, и мягко толкнувшись, покатился следом, поднимая за собой низкое облако пыли. За ним, пыхтя и отдуваясь, промчался Пузырь.

Димка еще раз поглядел на неровный, разбитый грузовыми машинами, мотоциклами и дождями склон и страдальчески вздохнул. Скатится, подобно Генке, да еще и с девчонкой на раме. У него не хватило духу.

— Слезай, — бросил он Лысику. Та покорно соскочила на землю и снизу доверчиво посмотрела на Димку. Наткнувшись взглядом на ее большущие синие глазки, тот вздохнул еще раз и, лихо перекинув ногу через раму, тоже слез с велосипеда. Сланцы тут же утонули в густой и горячей пыли, и Димка поморщился, представив, как вечером придется мыть ноги. Но ощущение было приятное, и уже через пару секунд он принялся загребать пыль специально, стараясь пропускать ее наполненное солнцем тепло через всю стопу.

Лысик молчаливо шагала рядом, и ее стоптанные голубенькие босоножки утопали в пыли почти по щиколотку. Спуск оказался не таким уж и крутым, хотя и очень неровным. Осенью стекающая со склона вода превращала его в непроходимое болото, а сейчас, жарким и душистым летом все колени и протоки полностью высохли, и весь спуск был изрезан высохшими длинными шрамами, перевитыми, точно змеи или корни деревьев.

Пока они спускались, Димке приходилось вести велик обеими руками, но внизу он по привычке перехватил руль за середину и уверенно повел его уже одной рукой. Задумавшись о своем, он даже вздрогнул, когда в свободную руку вцепилась маленькая горячая детская ладошка. Но, тем не менее, не повернулся, чтобы посмотреть, и, что уж совсем удивительно, не отнял руки. Почему-то это показалось ему очень приятным, вот так вот идти под жарким солнцем, загребать горячую пыль сланцами и ощущать в своей ладони слегка влажную ладошку семилетней девочки. Ему уже давно не было так хорошо. Пожалуй, ни разу, после того, как мамы не стало.

— Дима, — позвала Лысик и, чтобы быть уверенной, что он точно ее услышит, слегка подергала его за руку.

— Мммм?

— Дим, а там правда Кракен живет?

— Правда.

— Такой, как в «Пиратах»? Как у Дэбби Джонса?

— Дэйви, — поправил ее Димка. — Дэйви Джонс. Дэбби — это женское имя.

— Дэйви, — согласно кивнула Лысик. — Такой же?

— Точно такой, — подтвердил Димка. — Только еще больше. Видишь, какую здоровую бочку себе занял?

Он махнул головой в сторону «бочки», которая с каждым их шагом становилась все более огромной. Казалось, это не они приближаются к ней, а сама цистерна ползет им навстречу, постепенно захватывая небо, облака, раскаленное солнце, редкий лес, горизонт... весь мир. Любое заброшенное здание выглядит страшным и зловещим, но это, ко всему прочему, носило на себе еще и какую-то особенную печать мрачности. Окруженная изогнутой и ржавой оградой, похожей на кривые зубы давно умершего чудовища, цистерна выглядела, как замок злого колдуна, который по странной прихоти сделал его в виде большой бочки. Полуразрушенные смотровые вышки по углам ограды только усиливали сходство, выглядя такими стрелецкими башенками, развалившимися под меткими выстрелами катапульт и требушетов.

— А правда, что это он Вальку Копытина съел? — не унималась Рита.

— Правда. И Вальку, и Серегу, и Мишку. Всех троих. А головы себе оставил.

Лысик удивленно раскрыла рот. Глаза ее испуганно округлились.

— Зачем?!

Направив колесо велосипеда в глубокую колею, Димка задумчиво посмотрел на Лысика, прикидывая, действительно ли она такая доверчивая, или просто издевается. Рита продолжала преданно смотреть ему в рот, ожидая ответа.

— Чтобы было с кем поговорить, — ответил он, наконец. — Тоскливо же весь день в бочке сидеть. Пока дождешься, чтобы к тебе еще какой-нибудь дурак свалился, сто лет пройти может. Так и со скуки помереть можно.

— И что, вот так целыми днями с ними разговаривает, и все?

Димка сделал вид, что глубоко задумался.

— Нууу... Нет, наверное. Еще в шахматы играет... в пашки, в «Чапаева», там...

Лысик неожиданно посмотрела на него со взрослой серьезностью и еще крепче сжав его ладонь, доверительно сказала:

— Я бы не хотела, чтобы нам головы оторвали... Дим, давай не пойдем?

И это прозвучало так искренне и доверчиво, что у Димки против воли сжалось сердце. Он остановился, повернулся к Лысику и, глядя в ее большие, небесно-синие глаза, честно сказал:

— Нет там никого. И не было никогда. Это нефтебаза старая, мне... — он запнулся, дернул щекой, но все же справился с собой и закончил: — ... мне мама говорила.

— Мы раньше этой дорогой часто ездили. Осенью — за грибами, Зимой — на лыжах. Летом — на речку. Там дальше, — Димка махнул рукой в направлении убегающей за горизонт и прячущейся между деревьями разбитой грунтовки, — классное место есть. Папка рыбу ловил, а мы с... мамой... мы костер жгли. А потом шашлыки все вместе ели... или уху варили...

Он мотнул головой, отгоняя воспоминания, как назойливую пчелу, норовящую ужалить побольнее.

— Нет там никакого Кракена. Просто Геныч перед Катькой рисуется.

Глядя ему в глаза, Лысик маленькими пальцами сжала его ладонь и кивнула. Димка отвел взгляд первым, в горле стоял комок, глаза щипало, сердце гулко бухалось о грудную клетку, как застрявшая между оконными рамами ласточка. Отвернувшись, он резко вырвал руку из теплых объятий Ритиной ладошки и зло запагал вперед, за ограду. Туда, где раздавались громкие спорящие голоса. Туда, куда мальчику и девочке ни за что нельзя приходить взявшись за руки. К товарищам по играм.

Приподняв велик, он выволок его колесо из глубокой колен и уверенно направил в разъявленный проем между частоколом гниющих железных зубов. Сорванные с петель ворота валялись прямо на земле, и на них четко отпечатались три змеящихся следа — проехавшие здесь недавно велосипеды. Металлические листы гулко выгнулись, когда Димка наступил на них, а потом и загрохотали, когда по ним быстро пробежались запыленные синенькие босоножки Лысика.

Ребята стояли у самой стенки бывшего нефтяного резервуара и о чем-то горячо спорили. Точнее говоря, спорили только Генка и Стас. Пузырь трусливо стоял на приличном расстоянии, чтобы быть твердо уверенным, что не подвернется под горячую руку, а Катюшка демонстративно делала вид, что ей все это не интересно. Она брезгливо ковыряла палочкой какое-то маслянистое пятно, на вид довольно свежее, вытекающее из дыры в цистерне. Димке вся эта картина напомнила передачу про дикую природу, которую им в школе как-то поставил вместо урока учитель краеведения. Там матерые рогатые олени бились друг с другом едва ли не до смерти, а большеглазая стройная самочка, безучастно следила за этим со стороны.

— Было, блин! Сам же слышал! — от крика на шее у Генки вздулись маленькие венки, пульсирующие и синие. — Не слышал, скажешь?

— Че я слышал? — изо рта Стаса с каждым словом вылетали маленькие

капельки слюны. — Че я слышал? То, что вода булькнула? И что? Кракен вылез? Нет его нифига!

— Есть!

— Нету нифига!

Подкатив велосипед к сваленным в общую кучу «байкам», Димка положил его и, обогнув орущую парочку, подошел к Сашке.

— Чего не поделили?

— Кракена, — глупо улыбнулся Пузырь. Однако, заметив, что шутить Димка не настроен, тут же поспешил исправиться.

— Геныч сказал, что если по «бочке» постучат, можно услышать, как оно ворочается... Ну, Стасян и постучал.

— И как, — Димка с интересом посмотрел на уходящий в небо бесконечный гладкий бок цистерны, — услышали?

— Нууу... уклончиво начал Сашка.

— А ты сам попробуй!

Вздрогнув, Димка обернулся. Болтая с Пузырем, он даже не заметил, как со спины к нему подошли остальные ребята.

— Попробуй, — повторила Катюшка, протягивая ему свою измазанную в чем-то тягучем и черном, палку.

— Давай, Димон, — поддержал ее Генка. — А то Стасян глухой, похоже.

— Сам глухой, — зло огрызнулся Стас. Бунт продолжал развиваться. В обычное время Генка бы такого не стерпел и непременно «всек» бы непокорному по «тыкве». Бунтарь Стас понимал это лучше других, а потому поспешил закрепить свой успех:

— И нет здесь никакого Кракена. Просто железная бочка с водой.

Бессильно зарывав, Генка вырвал из рук Катьки палку и сунул ее Димке. Катюша обиженно ойкнула и отодвинулась к Стасу, но Гена не обратил на это никакого внимания:

— Давай, Димон! Сам послушай!

Палка была нагрета Катиной ладонью, и оттого казалась приятной на ощупь. Взвесив ее в руке, Дима подошел к стене цистерны вплотную. Пристально оглядев напряженно следящих за ним ребят, он недоуменно пожал плечами и с силой ударил по ржавому металлическому боку.

Он ожидал, что удар гулким «бууу-уууммм» отзовется во всем полом теле огромного резервуара, но услышал лишь короткий и приглушенный стук. Обернувшись вновь, Димка с удивлением увидел, что все ребята действительно с любопытством вслушиваются в наступившую тишину. Напряженные глаза, сдвинутые брови, приоткрытые рты — все пятеро настойчиво сканировали пространство, надеясь услышать, как в темных недрах проржавевшего нефтяного резервуара ворочается гигантское существо, которого здесь просто не могло быть. В этот момент Димка чувствовал себя неимоверно взрослее всех стоящих перед ним полукругом детей, взятых вместе. Он перехватил палку поудобнее и с силой заколотил ею по

прогнившему железу. Раздраженно отбросив палку в сторону, он снова посмотрел на товарищей. Пятерка стояла все в тех же напряженных позах, ушами локаторами вылавливая все возможные звуки. И Димка сорвался.

— Да вы чего все?! Какой, нафиг, Кракен?! Это пустая железная бочка, в ней нефть хранили...

— Ш-ш-ш-ш-ш! — внезапно, прижав палец к губам, прошипел Пузырь. Но Димка уже и сам замолчал. Потому что почувствовал — у него за спиной, где-то за стенкой, показавшейся вдруг такой тонкой и ненадежной, мягко шлепнулось что-то влажное. Это было похоже на плеск большой рыбины, и одновременно на булькнувший, и теперь идущий к самому дну бульжник. А за плеском раздался странный шорох. Странный, потому, что природа шороха — сухая и колючая, но этот был мокрый и какой-то слизистый. Было отчетливо слышно, как нечто скользит там, за выпнутой железной стеной, в полной темноте и тишине.

Несмотря на жаркий день, Димке вдруг стало так нестерпимо холодно, что мелко и противно затряслись коленки. Холод сформировался где-то в районе макушки и быстро кинулся вниз, к самым пяткам, намертво приморозив ноги к утоптанной земле. Чувствуя, как встают наэлектризованные от страха волосы на руках, Димка пытался сдвинуться с места и не мог. Ему оставалось только стоять и слушать, слушать, слушать... и надеяться, что это, чем бы оно там ни было, поворочается и вновь уляжется спать.

— Я же вам говорил! Лопухи! Я же говорил, что там Кракен!

Звук Генкиного голоса перебил шорох, будто государственная радиостанция, заглушающая любительские передачи. Моментально, словно их отсекали гигантским скальпелем, пропали звуки из цистерны, и оцепенение тут же спало. Димка поспешно сделал несколько шагов назад и оказался прямо в середине полукруга своих друзей. Мальчишки и девчонки смущенно переглядывались, вымученно улыбаясь. И только Генка едва не плясал от радости.

— Что, выкусил?! — дразнил он Стаса. — Кричал «нету», а как услышал, так в штаны наложил!

— Он прав.

Приплясывающий от удовольствия Генка замер и медленно повернул голову к источнику возмущения спокойствия. Димка набычился и упрямо повторил:

— Там ничего нет. Это просто вода. Крыша ржавая вся, там, наверное, до краешка налито — дождь, снег...

Приободренный такой поддержкой, вновь оживился Стас. Он прочистил горло, собираясь сказать что-то едкое, и вдруг выпучил глаза и, ткнув пальцем в самый верх цистерны, протяжно закричал:

— Краааакен!

Тут же началась невероятная неразбериха. Все разом кинулись прочь от цистерны, позабыв про велосипеды, про друзей, думая только о том, как

бы самому унести ноги. В панике кто-то, кажется, Генка, заехал Сашке локтем в живот. Пузырь упал и только тихонько ойкнул, когда прямо по нему пробежала сначала Катя, а за ней и Лысик.

На месте остался стоять лишь Димка, да Стас, чей залиvistый смех презрительно летел вслед убегающим друзьям.

— Кракен! Кракен! — издеваясь, кричал он.

До Генки наконец-то тоже дошло, и теперь он, пунцовый от кончиков ушей до кончиков пальцев, возвращался назад, и сжатые до белых костяшек кулаки не сулили путнику ничего хорошего. Однако самого путника это, кажется, волновало совсем незначительно. Торопливо подобрав с земли палку, Стас остался стоять на месте. Генка остановился, не доходя до него шагов пять. Воздух со свистом вылетал из его раздувшихся ноздрей, лоб и щеки пылали пунцовыми пятнами, кулаки сжимались и разжимались, точно душили чью-то невидимую шею. И, тем не менее, глядя на то, как непринужденно Стас поигрывает палкой, подходить ближе Генка не решился.

Не торопясь, к мальчишкам вернулись Лысик и Катюша.

— Ну и кто теперь в штаны наложил, а? — Стас нахально улыбнулся и, словно приглашая противника подойти поближе, постучал кончиком палки по носку своей кроссовки.

— Да ты же сам слышал! — не выдержав, заорал покрасневший Генка. — Все слышали!

Ища поддержки, он оглянулся, пытаясь взглядом поймать глаза ребят. Катюшка, как всегда, сделала вид, что она не при делах, отрешенно изучая свои туфельки. Пузырь неловко переминался с ноги на ногу и больше поглядывал на Стаса, чем на Генку. Смешно приоткрывшая рот, Лысик, напряженно следящая за развитием конфликта, вообще не рассматривалась вожаком как вероятная поддержка. А вот Димка...

— Никто ничего не слышал, — сказал Димка. — Просто вода плещется.

От бессилья Гена готов был заплакать, но знал — нельзя. И без того подорванный авторитет был бы тогда окончательно втоптан в землю. Он скрипнул зубами, с трудом подавил рвущийся наружу гнев и ехидно поинтересовался:

— А что же там шуршало тогда, а?

— Лдины, — колебавшись, ответил Димка. — Папка говорит, что если солнце до них не достает, то лдины могут и до зимы не растаять. Так что нет там никого.

— Нет, значит? — Генка, прищурившись, пристально посмотрел Димке прямо в глаза. — Может, тогда полезешь и посмотришь?

Повисло молчание. Вся компания, не дыша, переводила глаза с одного мальчика на другого. Все понимали, что одно дело утверждать что-то, и совсем другое — проверить. Это уже тянуло на незабвенное «слабо?».

— Дим, не надо лезть... — донесся откуда-то снизу рассудительный голос Лысика.

— Рот завали, — резко одернул ее Генка. И тут же вновь переключил свое внимание на Димку.

— Ну, так что? Посмотришь? Лестница-то целая.

Димка с сомнением глянул на лестницу. С виду она действительно была целой, но доверия, тем не менее, не внушала. Двадцать метров грубо сваренного между собой «уголка», вместо перекладин перечеркнутого арматуринами, ломано тянулись до самой крыши. Пролезть по такой уже было нешуточным испытанием. А если учесть, что лестница вела в пасть к некоему жуткому созданию, то сложность становилась запредельной.

— Что, — не унимался Генка, — слабо?

Полукруг заворожено ахнул. Это произошло. Волшебное слово названо, и дальше все будет развиваться согласно старой детской магии. Возможны лишь две развязки, и в обеих плохо придется не тому, кто произнес слово, а тому, на кого оно направленно.

— Дим, не лезь туда, — попросила Лысик. Она пыталась остановить или хотя бы отсрочить начинающуюся битву двух характеров. — Поехали домой, а, Дим?

— Еще раз хайло откроешь, — с угрозой пообещал Генка, — зубы выбью! Пшла отсюда, дура лысая!

Он с силой вытолкнул Лысика за пределы сжимающегося полукруга. И битва началась.

— И ничего мне не слабо! — сжав губы в ниточку, попытался защититься Димка.

— Не слабо? А чего ж ты еще не там? — Генка бил проверенным, испытанным, много раз апробированным и никогда не дающим осечки оружием.

— А чего ты сам не лезешь? Самому-то слабо? — все еще маневрируя, Димка понимал, что его медленно, но верно загоняют в тупик, где прицельно и расстреляют из всех орудий.

— Залезть мне не слабо, — Генка уже полностью вернул себе уверенность. Он хлестал противника заготовленными фразами, которые были заранее известны обоим.

— А чего ж ты еще не там? — Димка все же попытался отсрочить неизбежное.

— Не хочу, чтобы мне голову оторвали, — Генка ответил с явным чувством собственного превосходства. — Я-то знаю, что там Кракен.

— Да нет там никого!

— Так ты проверил, прежде чем трепать?! Тявкать всякий может, а ты докажи!

Некоторое время они молча сверлили друг друга глазами, а затем Генка презрительно выплюнул:

— Ссыкло!

Лицо Димки вспыхнуло, словно лампочка. Краска мгновенно залила его от шеи до кончиков ушей. Рот приоткрылся, чтобы в ответ

бросить что-нибудь едкое и злое... Но вместо этого Димка круто развернулся и направился напрямиком к лестнице. Следом за ним поспешили все остальные.

Вообще-то лестница была наспех срезана болгаркой, примерно на уровне двух метров от земли, видимо, как раз для того, чтобы не лазали дети. Но кто-то заботливый (возможно, даже «пятьдесят шестые», первыми обнаружившие, что на привычной и давно знакомой площадке для игр поселилось страшное нечто) приставил к металлическому боку цистерны сколоченные вместе доски, достающие почти до самой первой ступеньки.

Димка задрал голову к небу, чтобы оценить расстояние, и обмер.

По ржавым перекладинам медленно ползли синие босоножки Лысика. Легкий ветер трепал серое платьице, из-под которого сверкали тощие ножки и смешные белые трусики. Из-за роста ползти ей было неудобно, и потому Лысик передвигалась пошагово — ставила правую ногу на ступеньку выше, перехватывала руками толстый металлический уголок и подтягивала себя наверх. Получалось не слишком скоро, но, судя по тому, что до верха ей оставалось метров семь, ползла Рита уже давно.

— Рита! — заорал Димка.

На секунду развевающееся платьице остановилось, и из-за него показалась лопоухая голова в синей косынке. Лысик смело помахала ему рукой и, улыбнувшись, крикнула в ответ:

— Дима, ты не лезь сюда! Здесь очень страшно! Я сейчас все посмотрю и быстро вернусь!

Голова вновь скрылась, и тоненькие ножки в синих сандалиях вновь продолжили свое ступенчатое восхождение. Генка заржал:

— Даже девчонка не боится! А ты зассал!

Он даже не понял, откуда прилетел удар. Средь бела дня в глазах вспыхнули звезды, и Гена мешком осел на землю. А мимо него уже молнией промчался Димка. Вихрем взлетев по упруго пружинящим доскам, он подпрыгнул и ухватился за перекладину. Ноги сами нашли опору, и Димка не пополз — полетел догонять почти добравшуюся до крыши Лысика.

— Ну, блин! — отбросив палку, Стас резко метнулся к «байкам» и рывком вытащил свой. — Мы так не договаривались!

Генка, уже пришедший в себя, помотал головой и, глядя на беглеца мутными глазами, зло рявкнул:

— Куда?!

Игнорируя его, Стас спросил:

— Кать, ты едешь?

Без каких либо раздумий Катя юркнула к нему под руку и, даже не поморщившись, устроилась на жесткой металлической раме. В ее глазах по самому краю плескался испуг, готовый вот-вот пролиться слезами.

— Пузырь? Ты с нами?

Бывший штурман уводил остатки мятежного экипажа с собой. Сашка Пузырь послушно тряхнул сальными щеками и побежал поднимать свой велик.

— Бежите, да? — с ненавистью прошипел Генка. — Кракена испугались?

— Придурок ты, — тихо ответил Стас. — Плевал я на твоего Кракена. А вот когда Лысик или Димка грохнется и башку себе поломает, нас тут не будет. А ты можешь сидеть и ждать ментов, баран безмозглый!

С этими словами Стас крутанул педали и исчез, увозя на раме законную добычу — прекрасную Катеньку с золотистыми волосами. Солнце, отразившееся в бешено вертящихся спицах, послало солнечный зайчик в припухший Генкин глаз.

Глядя вслед удаляющемуся велику восхищенными глазами, Пузырь тоже надавил на педали и медленно, будто тяжеловесный таран, покатился к бывшим воротам. Здесь, на безопасном расстоянии, он остановился и, обернувшись к сидящему в пыли Генке, крикнул срывающимся голосом:

— Генка — баран!

И глупо хихикнув, воодушевленный своей смелостью, Пузырь покатила вслед за новым командиром сильно поредевшего отряда.

— Суууукаааа! — от обиды и злобы Генка заорал так, что вздулись вены на шее.

Мгновенно подскочив на ноги, он схватил с земли палку и кинулся вслед за удаляющимся Пузырем. Но когда его кроссовки коснулись поваленных ворот, те предательски громыхнули, и Сашка обернулся. Увидев бегущую за ним смерть, он сдавленно хрюкнул и со всех сил налег на педали.

Поняв, что не успеет, Генка в бессильной злобе швырнул палку ему вдогонку. Та, крутанувшись в воздухе несколько раз, на излете, плашмя прошла Пузырю по спине и, выполнив миссию, упала в дорожную пыль, точно неразорвавшаяся ракета. Взвизгнув, как девчонка, Сашка закрутил педали на пределе своих возможностей и вскоре был уже у самого подножия холма. Не ожидавший от него такой прыти, Генка с досадой крикнул:

— Сука жирная! Я тебя зарою, понял?

С трудом осилив пригорок, Пузырь немного отдышался и тоненько пискнул:

— От-со-си-иии!

И чтобы Генка уж наверняка понял его правильно, поднял согнутую в локте правую руку и ударил по ее стибу левой.

— Убью, — прошептал Генка одними губами и слепо побрел к своему велосипеду. Мысленно он представлял, как палкой забивает Пузыря до смерти, а тот визжит и корчится, и умоляет его пощадить. Только вместе толстогубого, с обвисшими щеками поросячьего рыла Сашки он видел то презрительно скривившееся лицо Стаса, то отрешенную мордашку златовласой Катеньки.

Велосипедов, почему-то было два. Тупо уставившись на лежащие на земле «байки», Гена пытался сообразить, кому принадлежит второй, если все остальные его кинули. И в этот самый момент откуда-то с неба донесся крик...

— Рита, стой! Да стой же ты!

Опухший Генкин глаз запульсировал с новой силой.

— Димооооон, — протянул Гена и осторожно потрогал налившееся болью веко пальцами. Теперь он знал, кому отомстит в первую очередь. Этому неверующему, этому трусливому засранцу, из-за которого он лишился и компании, и Кати! Недобро ухмыляясь, Генка взбежал по доскам к лестнице и, резво перебирая руками и ногами, по-обезьяньи ловко стал карабкаться вверх.

Димка нагнал Лысика у самого верха. Она уже взялась за изогнутые перила и пыталась влезть на крышу, как Дима ухватил ее за лодыжку. Не ожидая этого, Лысик заверещала от ужаса и принялась вырываться. Столько отчаяния и страха было в этом вопле, что Димка ослабил хватку, и Лысик буквально влетела на крышу, не переставая кричать.

Оттолкнувшись раз, другой, Димка взлетел на крышу, чтобы успокоить, объяснить, что все в порядке, и сейчас они спустятся обратно... и застыл.

От времени, непогоды и отсутствия ремонта, крыша заброшенного нефтяного резервуара обвалилась почти наполовину. Выглядело так, словно несколько лет назад сюда упало что-то большое и тяжелое, смяв железные листы, пробив перекрытия и искорежив металлические опоры. В образовавшуюся дыру были хорошо видны внутренние стенки резервуара, украшенные черными потеками густой слизи, прожавевшие, разрушающиеся, но все еще достаточно крепкие, чтобы держать в себе воду.

Воды, такой же черной, как и запачкавшая стены слизь, было в «цистерне» едва на треть. Густая и маслянистая, она, казалось, поглощала не только любое отражение, но и сам свет. Лениво перекатываясь, она, как живая, наползала на стены своего хранилища, будто пробуя дотянуться до стоящих на самом краю обвалившейся крыши детей.

А в самой середине, занимая почти все свободное место, лежало то, отчего плескалась стоячая вода. То, от чего не переставая визжала Лысик. Кракен.

Димка даже не заметил, что уже несколько секунд его перепуганные вопли начисто заглушают писк Лысика. Он вообще не слышал ничего, кроме плеска антрацитового черного тела, состоящего из толстых щупалец и гигантской, похожей на раздутый древесный кап, головы. И не видел ничего, кроме двух огромных, каждый больше его роста почти в два раза, глаз — бездонных, умных и отчаянно злых. Затягивающих в себя людские души и медленно переваривающих их внутри себя несколько сотен лет.

Встретившись с ним взглядом, тварь встрепенулась. Если бы у нее был

рот, в человеческом смысле этого слова, Димка был бы готов покаяться, что Кракен плотоядно ухмыльнулся.

Толстые щупальца, украшенные отвратительными круглыми присосками и изогнутыми когтями, метнулись в стороны, с чавкающим звуком впиваясь в стенки цистерны. Конечности напряглись, металл застонал, и существо поднялось навстречу детям.

Димка больше не кричал. Молчала и Лысик. Поднявшись на ноги, она обреченно подошла к мальчику и, нащупав его руку, в который раз за день, крепко сжала ее своей маленькой горячечной ладошкой.

Пара щупалец метнулась вверх и, изогнувшись, зацепилась за края резервуара когтями, но Димка на них даже не глянул. Его глаза увидели новую цель, от которой у него мелко затряслась нижняя губа, а за ней и вся нижняя челюсть, и зубы заклапали, будто от переохлаждения. Гипнотически медленно поднимаясь со дна цистерны, Кракен размахивал щупальцами и начинало казаться, что их гораздо больше, чем должно быть... больше, чем может быть даже у такой невероятной твари. И конец каждого щупальца был увенчан мертвой человеческой головой.

Головы скалили зубы, моргали белесыми глазами, кривили бескровные губы в недобрых усмешках и о чем-то безмолвно шептались. И даже не отличая их одну от другой, Димка знал, что где-то там, среди всего этого адского сонма мертвых лиц, есть трое знакомых — хулиганистые братья Копытины: Валька, Мишка и еще один, имени которого он все никак не мог вспомнить.

Уродливая голова Кракена замерла на самой границе бочки, не выдвинувшись из-за разломанной крышки ни на миллиметр. Он не боялся света, — по крайней мере, щупальца, которыми он зацепился за края цистерны, чувствовали себя нормально. Просто, по какой-то причине, он не желал появляться в нашем мире целиком. Огромные черные капли скатывались по лоснящемуся телу, будто слезы. Громадные глаза-плошки отражали в себе два нечетких силуэта — мальчика и девочку. И одинокая извивающаяся щупальца уже тянулась к ним, страшно покачивая украшающей ее мертвой головой, в которой Димка с ужасом узнал младшего Копытина — Вальку. Только сморщенного, облысевшего и словно поста-ревшего на тысячи лет.

За спиной Димки Лысик придушенно пискнула и вжалась ему в плечо маленьким мокрым личиком.

Щупальце выползло из цистерны и повисло перед ребятами, как большая змея, раскачиваясь из стороны в сторону. Мертвая голова клала зубами в такт каждому наклону, точно мышцы нижней челюсти у нее не работали. Белые, как молоко, глаза, бешено вращаясь в орбитах, слепо пялились на притихших детей. Чтобы не смотреть на это уродство, Димка зажмурился. Рука его непроизвольно закрыла собой трясушуюся Риту.

Но оказалось, что не видеть зла — это еще не значит не слышать и не чувствовать зла. От вони, которая стекала с мертвой головы вместе с густой черной жижей, сворачивались ноздри, а в уши метрономом стучалось жуткое клцанье кривых зубов мертвого Вальки.

Димка вдруг всем телом ощутил, что мертвое лицо теперь находится прямо перед ним, пытаясь выманить его из спасительной темноты, за которой он спрятался. И каким-то шестым чувством Димка вдруг понял, что от него требует, что приказывает ему сделать огромный, истекающий слизью Кракен. И это было так просто, так легко, и потом можно безбоязненно возвращаться домой и жить долго и счастливо! Нужно было всего лишь...

Подтолкнув Лысика еще глубже себе за спину, Димка шумно выдохнул и резко раскрыл глаза. Смело встретив взгляд бессмысленных белесых шаров, он до хруста сжал кулаки и, с трудом преодолевая дрожь, ответил:

— Я ее тебе не отдам!

Резко выкинув руку вперед, Димка с ненавистью впечатал кулак в мягкое, дряблое лицо мертвеца. Под костяшками громко хрустнуло. Голова резко подалась назад, и мальчик увидел, как из глаз ее медленно сочится густая черная смола. И в тот же миг Кракен взревел.

Это было совершенно бесшумно. Просто все несметное множество голов вдруг одновременно раззявило безвольные рты и выдохнуло в пустоту. И в то же время это было громоподобно. Тем же самым чувством, которым Димка уловил голос мертвой головы, он услышал сейчас этот невероятный рев, — громче взрыва, громче грома, громче рыка самого огромного хищника. Яростный рев разгневанного древнего бога.

От этого бесшумного крика барабанные перепонки взорвались болью. В упах мгновенно стало горячо и влажно, и от этого Димка едва не пропустил, как позади него кто-то радостно закричал:

— Попались, сучата!

И после этого звук пропал, словно тот, кто смотрит реалити-шоу о нашем мире, вдруг внезапно нажал на пульте кнопку «mute».

Обернувшись, Димка увидел, как в полнейшей тишине бледнеет, вытягивается лицо Генки, спешившего сюда, чтобы наказать непокорного, и напешдшего свой кошмар. Как открывается его перекошенный рот, и из него вытекает, вываливается, выплескивается... безмолвие.

Мимо беззвучно метнулось что-то гибкое, лоснящееся и черное. В считанные секунды оно обвилось собой захлебывающегося в крике Генку, и вздернуло его в небеса.

Димка проводил его глазами. Смотреть за тем, как в воздухе, обьятое черной гибкой плетью, совершенно бесшумно летает человеческое тело, было не просто страшно, а невыносимо жутко. Чувствуя, как седеют волосы на висках, Димка наблюдал, как из недр резервуара выскочила еще одна щупальца и захлестнула Генке горло.

Миг, незаметное усилие скрытых под черной кожей мышц, и тело, будто тушка обезглавленной курицы, нелепо размахивая руками, полетело на дно. Голову с вытаращенными глазами и похожим на букву О ртом, Кракен ловко насадил на свободное щупальце. Это было невероятно, но мертвые веки вдруг задрожали, рот перекосялся, и Генкино лицо скривилось. Свободное щупальце пригладило на новой голове растрепанные волосы и, качнув ею из стороны в сторону, будто помахав на прощанье, ринулось вниз.

Кракен уходил. Расслабились упирающиеся в стенки цистерны щупальца, и гигантская голова, украшенная злобными глазами-озерами, с плеском рухнула на воду. Вязкая тягучая жидкость почти не дала всплеска, затягивая в себя древнее чудовище, как смола затягивает неосторожное насекомое. С той лишь разницей, что Кракен уходил на глубину добровольно.

Постепенно в смолянистой густоте исчезли почти все щупальца и головы. Последними скрылись полные ненависти глаза, большие и невероятно одинокие. Как только черная муть сомкнулась над ними, откуда-то из глубины выплыл огромный пузырь. Раздуваясь маслянистой радужной пленкой, он становился все тоньше и тоньше, пока не лопнул с оглушительным хлопком. И тогда Димка понял, что звук вернулся. Он устало прикрыл глаза и тихонько сказал.

— Пойдем домой Рита. Все кончилось.

***

Разрумянившееся за день солнце медленно собиралось отходить ко сну. Как настоящий художник, оно не могло уйти, не закончив работу, и уж тем более не могло заснуть, закончив картину наспех. С чувством, смакуя удовольствие, солнце красило тени в багровый цвет. До полной темноты оставалось еще около двух часов.

Слой за слоем нанося краски, светило широкими мазками скрывало страшные события, которые произошли на заброшенном нефтяном резервуаре. словно оно стыдилось, что нечто подобное могло произойти в его смену. Потому-то так старательно прятало солнце свежие воспоминания, делая их зыбкими и нереальными, похожими на сон или кошмарное видение, вызванное тепловым ударом.

Ветер легонько гладил взлохмаченные Димкины вихры и пытался проникнуть под тугую косынку Риты. Ласково касаясь детей, неспешно отбивающих шаги по разбитой грунтовой дороге, петляющей в нескольких километрах от города, он старательно перемешивал их мысли, осторожно извлекая из сознания куски свежих, сочащихся кровью и страхом воспоминаний. Наливающийся вечерней прохладой ветер был со светилom в явном сговоре. Иначе, зачем бы ему это делать?

За полкилометра до города Лысик выпросила у Димки велосипед, и теперь гордо толкала его перед собой — маленькая, лопухая, едва

достающая до руля макушкой. Димка шел рядом, незаметно поддерживая велик за сиденье и подталкивая его всякий раз, когда дорожка уходила вверх. Рита, трещала без умолку всю дорогу. Ее детский голосок, становящийся таким рассудительным и взрослым, когда она говорила о чем-то серьезном, успокаивал окровавленные пульсирующие уши Димки. Было здорово идти рядом с этой маленькой девочкой, в смешном стареньком платьице и стоптанных босоножках. Идти рядом и улыбаться, и соглашаться со всем, что она скажет.

— Я же говорила, давай не пойдем, — назидательно сказала Лысик. — Не послушался?

Димка кивнул.

— Страшно же было, да?

Снова кивок. Димка помнил, что было страшно, но отчего, не мог сказать точно. Чувствуя, почти физически ощущая, как внутри его головы кто-то старательно затирает ластиком все нереальные, жуткие и фантастические события сегодняшнего дня, он на мгновение увидел перед собой огромные зрачки, полные вселенской ненависти и тоски, и зябко поежился. Не зная, кто или что так заботливо бережет его разум, опасно оскальзывающийся на самом краю мрачной, сулящей безумие бездны, Димка был в душе благодарен ему. Дьявол, Господь, или же простая особенность детской психики, способной любой кошмар свести к буке под кроватью, — какая к черту разница? Если это позволит ему спокойно спать по ночам, не пугая отца и соседей жуткими криками, он, Димка, ничего не имеет против.

— Теперь-то будешь меня слушать? — снова в голосе Риты проскользнули взрослые нотки, которые она, сама о том не ведая, позаимствовала или у бабушки, или у покойной ныне матери, которую почти не помнила.

— Буду, — уверенно кивнул Димка. Вслушиваясь в ее слова, он вдруг понял, что и она уже почти не помнит, чего они, собственно, так испугались.

— И больше нигде лезть не будешь?

— Не буду.

Лысик ненадолго замолчала, затем спокойно отпустила велосипед и робко заглянула Димке в глаза.

— Дим?

— А?

— Ты так больше не делай, хорошо? Я очень не хочу потерять...

Она все-таки сбилась и смущенно уставилась на грязные пальцы, выглядывающие из босоножек, бывших когда-то голубыми. И куда только девалась вся эта ее напускная взрослость? Он стоял перед ней, почти на две головы больше и на три года старше и, улыбаясь, смотрел, как она нервно теревит края перепачканного за этот невыносимо долгий день платья.

— И ты тоже, — он слегка наклонился, так, чтобы их глаза были на одном уровне. — Тоже больше никогда так не делай. Потому что мне бы не хотелось потерять младшую сестренку.

И тогда Лысик, маленькая и невероятно худая, метнулась к нему, обвила ручонками и, уткнувшись лицом Димке в грудь, счастливо заплакала.

Она что-то бессвязно лопотала про родителей, которых толком и не знала, про старенькую бабушку, и... про старшего брата, которого ей всегда хотелось иметь. Старшего брата, который не даст ее в обиду ничему и никому в этом мире. А Димка осторожно обнял ее свободной рукой, прикрыл глаза и с наслаждением втянул ноздрями тяжелый, пропахший разогретым асфальтом и бензиновыми парами воздух. Вместе с выдохом уходил кошмар пережитого дня, окончательно очищая память от всего невероятного и сверхъестественного. И тотчас же обострившимся шестым чувством он ощутил, что пропадающая память — это никакая не особенность психики.

Дима почувствовал, как в этот самый момент гигантский незримый ластик старательно подчищает картину этого мира, изымая из нее существование чудовищ, мертвых голов и одного несчастного мальчика по имени Гена. Для всего этого на новом полотне просто не оставалось места. И так было даже лучше.

День клонился к вечеру. День заканчивался. Но начиналось нечто новое. Нечто неизмеримо большее. Начиналась новая жизнь.

ДМИТРИЙ САМОХИН

ГРУМИНГ

1

Большую часть жизни Йен Скарраш проводил в разъездах. Командировка следовала за командировкой, одна планета сменялась другой, каюты межпространственных кораблей, сплошное блеклое пятно гостиничных номеров. Жизнь в нескончаемой круговерти рабочих задач и головоломок. И ведь он не мог пожаловаться на такую судьбу. Что говорить, жизнь сдала ему козырную карту. Не каждый может похвастаться тем, что занимается любимым делом, да к тому же слывет незаменимым специалистом. Если бы клоны вместе со структурой ДНК наследовали и все накопленные знания, способности и уникальный стиль мышления, то Йена давно бы разобрали на пробирки. Куда дешевле содержать своего специалиста, чем пользоваться услугами далекого мастера, да к тому же очередь к нему за полгода приходилось занимать.

Конечно, Йен Скарраш не был единственным профессионалом в ксенопсихологии. Мастеров его уровня по всей Индской империи набралось бы с пару десятков, большая часть которых трудилась в Экспериментальном Институте Проблем Инопланетного Разума, базировавшемся на планете Процилайн. Но среди всех научных сотрудников у него была самая длинная очередь на консультацию. Йен Скарраш по праву считался лучшим прикладным ксенопсихологом института. Немалой популярности поспособствовало и то, что Йен Скарраш был самым ангажированным ксенопсихологом на Индском головидении.

Его приглашали во все научно-популярные программы, ток-шоу и развлекательные передачи, посвященные проблемам инопланетного разума. Хорошо подвешенный язык, красивая и логично построенная речь, умение находить решение любой сложносочиненной задачи вкупе с представительным видом, внушающим доверие, и чувством камеры создали Йену в среде головизионщиков особую репутацию. Недавно ему поступило предложение поработать в собственном именном развлекательном шоу. Йен еще не ответил на него. Глубокая занятость, да последние две командировки съели возможность элементарно ознакомиться с присланным контрактом. К тому же он очень сомневался, что потянет эту работу. Ему интересно было трудиться над ксенопроблемами, с головидением же у него был легкий флирт, и Йен совсем не был настроен на то, чтобы этот флирт перерос в продолжительный роман.

В связи с плотностью рабочего графика Йен по пальцам мог пересчитать дни, которые он проводил дома, отдыхая от трудов и нескончаемого потока обрабатываемой информации. Потому так и ценил эти краткие часы, минуты, дни затишья и вынужденного безделья. Возвращаясь домой, Йен отключал все каналы связи и запирался в свою скорлупу, словно отшельник, избегая любых контактов с внешним миром. По большей части он спал, иногда прочитывал одну или две художественные книги из сетевой институтской библиотеки, отдавая предпочтение популярным не загружающим мозг детективам, выпивал две-три бутылки красного сухого моравского вина. Несколько дней обязательного безделья, и он уже чувствовал готовность вернуться в строй. Обычно он запирался на два дня, этого хватало, чтобы полностью восстановиться. Был случай, когда он провел взаперти целую неделю. Его секретарь Удо Фир уже поднял панику и собирался брать штурмом дом. Только чувство глубокого уважения и страх потерять непыльное место удержало его. В этот раз Йен Скарраш не продержался и дня.

Предыдущая командировка любовно выжала его досуха. Спать по несколько часов в день, держаться только на серьезном кофе и крепких сигарах, и при этом чувствовать себя необычайно легко. Ведь он ждал результатов первого контакта с кэвенскими аборигенами, прописанного по его сценарию. Участвовать в самом контакте Йен не мог, оставался невидимым наблюдателем и закулисным режиссером, но результаты того стоили. Их еще предстояло обработать. Весь массив накопленной информации был передан в его институтский офис, но сил работать над этим сейчас у него не осталось. Но и позволить себе выпасть из работы окончательно он не мог. Оставалось еще одно маленькое, но очень важное дело, которое требовало завершения.

На планете Асир, заповеднике нетронутой инопланетной природы, со дня на день должна была разрешиться потомством кжерская куколка, загадочное и до сих пор не исследованное существо. В обычные дни на планете нельзя обнаружить ее присутствие. Просвечивали, сканировали, исследовали. Все без толку. Но в начале периода созревания кжерская куколка давала о себе знать и оставалась на виду до самых родов. К сожалению, размножались куколки весьма неохотно. Раз в несколько лет. И ждать новых родов приходилось очень долго.

Для Йена Скарраша сами роды кжерской куколки не интересовали, а вот научное исследование ее психического влияния на окружающих людей во время родов представлялось весьма перспективным. К сожалению, пока никто ничего не мог объяснить: ни упорительную легкость, которую испытывали люди в непосредственной близости от кжерской куколки, ни скачкообразного опьянения без последствий, ни поголовную неподдающуюся контролю любовную тягу. Все эти явления приписывались куколке, но вот объяснить механику ее воздействия на разум человека никто пока не мог.

Этим и собирался заняться Йен Скарраш. Он уже давно заключил соглашение с научно-исследовательской лабораторией, находящейся на Асире, которая недавно обнаружила готовящуюся стать матерью (отцом) кжерскую куколку. Йен ждал только вызова, должного поступить со дня на день, чтоб сорваться с места и лететь на Асир. Командировку родной институт давно выписал и выделил под нее бюджет. Йен очень надеялся, что успеет прийти в себя после предыдущей работы, но человек предполагает, а кжерские куколки плодятся, когда им заблагорассудится.

Не успел Йен Скарраш распаковать чемоданы, принять ванную и наполнить бокал любимым моравским, как по выделенному каналу поступило сообщение с Асиром: «Куколка закуклилась!»

В первую минуту Йен Скарраш проклял планету Асир, кжерскую куколку и своего отца, подарившего ему на десятилетие проказливую муульскую обезьянку. С нее и началось увлечение Йена иным разумом. Очень уж хотелось ему сейчас прикончить бутылку вина и завалиться спать. Но в следующую минуту он уже созванивался с Удо Фиром и отдавал распоряжения. Через час он уже сидел на заднем сидении флаера, летящего к астропорту. Удо Фир заказал и оплатил все билеты до ближайшей к Асиру обитаемой планеты, договорился с учеными чтобы они выслали за Скаррашем корабль, но на всякий случай позаботился и о гостинице, вдруг корабль за начальником опоздает.

2

Йену, как обычно, «повезло». Не любящий компанию себе подобных, он регулярно оказывался объектом внимания подозрительных или порой весьма экстравагантных типов, которые так и норовили излить перед ним душу, поговорить на любопытные темы, или просто искали компанию для себя и бутылки крепкого. Йен и сам не знал, чем уж так цеплял людей, но летать спокойно не мог, запирался в каюту и до самого прибытия и носу наружу не показывал. Самым же опасным для случайных знакомств местом был челнок, поднимавший пассажиров на орбитальную платформу астропорта, откуда от Процилайна уходили регулярные рейсы во все стороны Индской империи. В челноке от соседа слева и справа никуда не деться, не будешь же весь путь сидеть в туалете, того и гляди примут за террориста, да арестуют до выяснения всех обстоятельств. Однажды Йену довелось лететь с проповедником Церкви Всех Лишений. Всю дорогу до орбиты он проповедовал о скромности и воздержанности от излишеств, да под проповедь с аппетитом кушал коньяк. В другой раз Йен соседствовал с монтером театральной сцены. Процилайский театр отбывал на гастроли. И мрачный монтер всю дорогу до орбиты травил байки, не забывая закусывать их водкой, да звал на первый премьерный спектакль в столице Индской империи через месяц. Обещал достать контрамарку, правда, не в первый ряд, но спектакль будет видно хорошо.

Йен очень надеялся, что в этот раз ему повезет и соседом попадется слепоглухонемой старик, который будет спать. Но чуда не случилось! Стоило только увидеть, как по проходу к нему пробирается потливый толстяк с длинными вислыми усами и глубокой залысиной на голове, как все надежды на спокойную дорогу тут же тихо скончались на месте.

— Добрый вечер, кажется я тут с вами рядом утнездуюсь! — плюхнулся подле Йена толстяк и шумно вздохнул. — Надеюсь, поладим. Я вообще мирный! И веселый! Ага.

Толстяк достал из кармана куртки сложенный вчетверо платок, взмахнул им, разворачивая, и промокнул сначала лоб, потом рот, затем вытер руки, смял платок и так его и засунул назад в карман.

— Позвольте представиться, инспектор Руф Фалло! К вашим услугам! В отставке, правда, но старый конь, как известно, всегда в строю, если позовут!

Инспектор Фалло хохотнул и протянул Йену руку. Пришлось пожимать, хотя очень не хотелось. Не пожмешь, обидится, потом будет всю дорогу выяснять, почему его рукопожатием пренебрегли.

— А ваше лицо мне кажется очень знакомым. Вы часом не наша местная знаменитость, специалист по инопланетным чубрикам?

От такой неожиданной формулировки Йен чуть было не подавился минеральной водой.

— Йен Скарраш, ксенопсихолог, — коротко представился он.

— Точно. Точно. Я видел вас пару раз по головизору, ловко вы научились копаться в мозгах всех этих чужих крокозябр. Завидую прямо. Мы тоже, бывало, возьмем с полничным мерзавца... Собственную семью порешил, а потом попытался свалить из города. Так и эдак его крутим. К чему? Почему? А главное, зачем ты с семьей так? А он — в полную несознанку. Ничего добиться не можем, а потом как хрясь, и он колется, мол, у него в другом городе новая семья, а старая, как ярмо на шее: и не сбросить, и не распутать. Вот и рубанул по живому.

Йен брезгливо поморщился. Но ничего не сказал. Долгие годы он отдал на изучение иного разума, особенностей поведения и проявления, но вот понимать людей, живущих рядом, так и не научился.

— А вам доводилось участвовать в расследовании убийства с чужаком в главной роли? — не унимался Руф Фалло. — Мне вот доводилось. И надо вам сказать, какие же они мерзкие!

— А вы знаете, что в среднем на каждые десять тысяч человек в Индской империи приходится по одному чужаку? В среднем на каждую тысячу семей имеется как минимум одно животное, имеющее инопланетное происхождение. Так что чужаки — это наше настоящее и наше будущее, к этому надо привыкнуть. А моя задача понять их, и постараться объяснить людям, — неожиданно в первую очередь для самого себя сказал Йен.

— А я что, я, в принципе, даже и не против, — стушевался толстяк. — Я к этим чужакам очень даже с симпатией. Только вот если они хоть чуть на нас похожи, тогда еще ничего. А вот как быть с какой-нибудь разумной плесенью. Вот как ее-то понять?

— Моя задача нацупать понимание ко всему иному, в том числе и к разумной плесени, — улыбнулся довольный Йен.

— Достойно. Очень достойно. Эх, знали бы вы, что такое настоящее мозгодробительное дело с изошренным убийством. Это вам не в шизоидных мозгах пришельцев копать. Жаль, что я уже отошел от дел, я бы обязательно взял вас с собой и показал бы мастер-класс, — с ностальгией в голосе произнес Руф Фалло. — А вы по работе летите? Или так, отдохнуть?

— Долг зовет, — коротко сказал Йен.

— А я вот в отставку вышел и думаю немного побездельничать. Лечу на курорт, солнце, вода, сплошной разгруз мозга, то, что доктор прописал. А еще тысячи полуголых цыпочек повсюду. Глядишь, и мне что перепадет. Вы были на Йокотауне? — неожиданно спросил толстяк, вытирая платком влажные губы. — Я тоже нет, видел рекламные голофильмы, впечатлился. Теперь предвкушаю. Знаете, стоит тридцать лет отпахать в участке, чтобы потом пару месяцев пожить, как бог. Я вот до сих пор голову ломаю. К чему такая жизнь? Нафига полжизни горбатиться, чтобы потом к старости позволить себе лишнего. Не жизнь, а сплошное выживание.

Йен не понимал своего случайного попутчика. Ему странно было слушать все это. Он воспринимал работу, как любимое дело, а не как рабство. Для него вынужденные дни отдыха были скорее необходимостью, как сон или банные процедуры.

Пока челнок не пришвартовался к орбитальной платформе астропорта, Руф Фалло не умолкал. Он шумно и в лицах рассказывал о своей жизни, работе и сослуживцах. Йену некуда было от него спрятаться, да и лететь им предстояло одним кораблем. Правда, Йен очень надеялся, что они больше не встретятся.

Как же жестоко он ошибался.

3

Первое происшествие случилось за несколько часов до прохода через гиперпространственные ворота на окраине процилайнской планетарной системы.

По странному стечению обстоятельств каюты Йена Скаррапа и потливого толстяка инспектора Руфа Фалло находились напротив друг друга. В пути предстояло провести чуть больше двух суток. День до входа в гиперпространственные ворота и еще целых двадцать девять часов до прибытия на Акуилу, где его должен забрать корабль на Асир. И все это время Йен не собирался покидать каюту, боялся столкнуться нос к носу с Руфом

Фалло. Ведь заболтает вусмерть, а тайна кжерской куколки так и останется нераскрытой. Йен не мог себе позволить такой сомнительной роскоши. Но все его намерения разбил настойчивый стук в дверь, от которого Йен чуть не подпрыгнул на койке. Сперва он собирался не замечать стука. Поколошматят, надоест и перестанут. Но не на того напал. Стук не прекратился и к нему добавился еще и до боли знакомый голос.

— Открывайте немедленно! Срочное дело! Что вы заперлись! Как шарпламс в раковине!

Ну почему люди додумались до межпространственных прыжков, но не догадались сделать каюты звуконепроницаемыми, посетовал Йен, но дверь все же открыл. На пороге стоял красный от усилий и возбуждения Руф Фалло. Чтобы удалить пот с его лица одним носовым платком не обойдешься, тут пара полотенец придется израсходовать.

— Зачем запирается, вы этак всю гулянку пропустите! У нас тут чрезвычайное происшествие! Немедленно собирайтесь, и за мной! Работа по моему профилю, я вам покажу, что такое профи в действии!

С каким бы удовольствием Йен отдал бы этого надоедливого отставного инспектора на растерзание хлюпийскому торкару, но делать нечего, придется идти. Руф Фалло так просто не отвяжется. Если уж он взял цель, то добычу из пасти не выпустит. Мертвая хватка. Да и бездельничать в каюте надоело, а ничем иным Йен заниматься не мог. По сравнению с эффектом кжерской куколки все остальные контактные проблемы отступили на второй план.

— Дайте минуту. Я оденусь, — пообещал Йен и захлопнул перед толстяком дверь в надежде зацепить ему нос. Не получилось. Еще одно расстройство. Многовато за день.

Сбросив домашнюю пижаму, в которой он разгуливал по каюте, Йен одел строгий синий костюм, пригладил расческой непослушные жесткие вечно торчащие в разные стороны волосы. Не помогло. И вышел к Руфу Фалло.

— Ну и что у нас стряслось? — с деланным равнодушием спросил Йен. Он чувствовал, что толстяку хочется выговориться. И если ему не дать этот шанс, еще схлопочет инфаркт от переизбытка слов и чувств. Профессиональная этика не позволяла Йену воспользоваться случаем и прикончить надоедливого отставного инспектора.

— Страшная штука на корабле произошла. Камеры слежения зафиксировали убийство. Но не просто банальный киллинг. Тут дело другое. Но вы должны это увидеть своими глазами. Мне капитан корабля переслал файл записи с камеры слежения. Я бы остерегся просто так бродить по кораблю. Если это еще здесь, мы все потенциальные покойники.

Йен ничего не успел сказать. В том сумбуре, что выдал бывший инспектор, он даже не успел выбрать, чего пугаться. Но Руф Фалло дружески хлопнул его по плечу (толстяк толстяком, а хлопнул по-медвежьи) и пообещал:

— Да не пугайтесь вы так. У меня с собой надежный ствол. Мне по статусу полагается. Отставной инспектор, он всегда в строю, если родина позовет, а она позвала. Капитан корабля передрейфил до мокрых штанов, зовет на помощь.

— А почему вас? — поинтересовался Йен, размышляя над странностью человеческих обычаев. За такой дружеский удар по спине, у многих инопланетных племен уже давно бы горло перегрызли. Может, в ответ тоже садануть. Жаль, момент упущен.

— Так я тут единственный профи. Пара десятков успешно раскрытых убийств. Мы тут сразу всех к стенке поставим, главный злодей от страха и признается. Ха! Проверенный метод, — довольно крикнул Руф Фалло, обернулся вдруг и пристально посмотрел на идущего рядом Йена Скарраша. — Кстати, а где вы были сорок минут назад, дорогой мозгоправ?

— Читал книгу у себя в каюте, — не задумываясь ответил Йен.

— А кто это может подтвердить?

— Только книга. Если вам удастся ее допросить.

Ответ Руфу Фалло понравился. Он засмеялся, отчего тут же вспотел и полез в пиджак за платком. За этой гигиенической процедурой они дошли до кают-компания, располагавшейся в носу корабля. Возле автоматических дверей стояли два вооруженных бластерами матроса и затравленно смотрели по сторонам. Видно и впрямь произошло что-то из рук вон, если такие бравые молодцы шарахались от каждой тени.

В кают-компанию помимо капитана корабля седовласого бородача Тараса Тетеринова, нервно бродившего от стены к стене с кружкой дымящегося кофе, находился незнакомый мужчина в форме гражданского флота. С Тарасом Михайловичем Йен был знаком. Встречались на приеме у губернатора Процилайна, потом доводилось не раз летать вместе.

— А, господин Скарраш, рад вас видеть! Опять в командировку или все-таки решили немного отдохнуть? — обрадовался старому знакомому капитан Тетеринов. Не дожидаясь ответа, он поспешил представить своего подчиненного.

— Бол Волосов, начальник службы безопасности корабля...

— Плохо за безопасностью следите, господин хороший, — тут же язвительно заметил Руф Фалло.

Но членам экипажа было не до шуток. Они даже не заметили язвительности толстяка. До того были напуганы произошедшим.

— Ну, давайте, показывайте, рассказывайте, что у вас тут стряслось? — потребовал Руф Фалло, усаживаясь в кресло.

Йен сел в отдалении, заложил ногу на ногу и приготовился смотреть и слушать. Все интереснее, чем бока в каюте пролеживать.

Капитан Тетеринов откашлялся и смущенно пробормотал:

— Чего тут рассказывать, мы, похоже, в изрядной заднице, да к тому же с чудовищем на борту. Это произошло с полчаса назад.

В кают-компании развернулся голографический экран, показывающий один из пустынных коридоров корабля. Изображение шло со следящей камеры общего обозрения. Какое-то время ничего не происходило. Пока из-за бокового коридора не появилась молодая женщина в оранжевом брючном костюме и жакете того же цвета. Ее выкрашенные в «попугайские» цвета волосы распущены. На секунду камера поймала ее взгляд. Серые, безмятежные, наполненные любовью к жизни глаза. Скоро им предстояло потухнуть.

— Это коридор 2Б. Он находится на второй палубе. Всего каких-то пару десятков шагов до ресторана. По всей видимости, девушка туда и направлялась, — прокомментировал капитан Тетеринов.

— Личность уже установили? — спросил Руф Фалло.

— Сейчас как раз проверяем личные карточки пассажиров, — ответил за капитана Бол Волосов.

Девушка в оранжевом резко остановилась и стала озиаться по сторонам. Она, видно, услышала что-то подозрительное, но не испугалась, а решила разобраться. Появление чудовища было неожиданным. Огромная саблезубая кошка с шестью глазами и костяным гребнем на спине выпрыгнула из другого бокового коридора и упала на девушку. Подмяла ее под себя и в считанные секунды разорвала в клочья. Та даже испугаться не успела. Кровь брызнула в разные стороны. Несколько капель повисли на камере и медленно сползли вниз, оставив мутный след на голографии. Чудовище подхватило безжизненное тело в зубы и одним прыжком исчезло в противоположном коридоре.

— Сильно, — выдохнул Руф Фалло, потирая довольно мясистые ладони. — И откуда такая чупакабрина взялась на корабле, интересно знать. Больше не буду летать кораблями вашей компании.

Капитан Тетеринов отчего-то отвернулся, но промолчал.

Йену тоже хотелось бы знать, откуда на борту взялась эта тварь. Что-то очень знакомое угадывалось в ее облике, только вот что, он никак не мог взять в толк. Где-то он видел нечто подобное, но вспомнить не мог. Работать с такой особью ему явно не приходилось, но вот читать о ней, или просматривать какие-то отчеты и доклады, видно, довелось. Вспомнить бы!

— Ну что, пойдемте, посмотрим на место преступления, — поднялся из кресла Руф Фалло. — Надеюсь, вы обеспечите нам вооруженное сопровождение. Не хотелось бы разделить участь несчастной. Да и распорядитесь, чтобы пассажиры не покидали своих кают до особого распоряжения.

— Есть небольшая проблема, — нерешительно произнес Бол Волосов. — Мы уже осмотрели место преступления, и не нашли его следов.

— Не понял, — от неожиданности Руф Фалло шмякнулся в кресло, и тут же вспотел. Пришлось искать чистый платок и промакивать лицо. Интересно, сколько платков распахано у него по карманам?

— В записанном эпизоде мы видели море крови. Лужу на полу, брызги по стенам, даже камеру кровью пометили. Когда мы прибыли в коридор 2Б, пол, стены и камера были чистыми. Никакой крови, нигде. Вообще нет. Мы посмотрели картинку, идущую с камеры, тоже чисто. Потом пролистали изображение от убийства до нынешнего момента, кровь просто растворилась в воздухе. Вот есть, а через секунду ее нет. Мгновенно исчезла, — доложил Бол Волосов. — С таким мы никогда не сталкивались, поэтому нашли вас, инспектор, и вызвали к себе. Нам не мешает в команде опытный профессионал.

— Чертовщина какая-то, — выругался в сердцах Руф Фалло. — Вы чего тут, обкурились все? А что с телом? Нашли?

— Мы пытались проследить за чудовищем по камерам. Но оно исчезло в слепом пятне в коридоре 32Б, словно знало, что там камеры не берут. Коридор 32Б и все соседние обшарили, но тела так и не нашли. И никаких следов крови по движению чудовища. По логике, кровью должен был быть залит весь пол, но все чисто. — Бол Волосов внезапно умолк, словно прислушивался к чему-то звучащему в его голове, потом обвел странным взглядом всех сидящих в кают-компании и произнес отрешенным голосом: — Я ни черта не понимаю, господа. Но девушки с таким лицом и параметрами на борту «Академика Соколова» нет. Это не наша пассажирка.

— Как это так? Что значит «не наша пассажирка»? Кто-то из экипажа? — уточнил Йен Скарраш, похоже, он единственный не потерял дар речи.

— В экипаже такой особы тоже нет, — сказал Бол Волосов.

— Этого не может быть, — заявил капитан Тетеринов. — Посторонних людей на корабле нет.

— Похоже, на корабль пробрался заяц. Что не удивительно. Та зубастая кошара тоже не числится ни пассажиром, ни членом экипажа, — задумчиво произнес Руф Фалло.

— Стоит признаться, — сказал капитан Тетеринов, и вид у него был весьма виноватым, — на корабле есть дикие животные.

— Зоосад какой-то, — удивился Йен Скарраш.

— Вот именно, зоосад. На нижней палубе мы перевозим двенадцать клеток с дикими животными. Покупка астропарка Акуилы. При них постоянно находятся специалисты. Все клетки надежно заперты. Для верности животные были погружены в искусственный сон при погрузке на борт. Все спят в своих клетках. Никто не выбрался на свободу.

— А почему вы перевозите животных вместе с людьми? Это несколько незаконно, — атаковал вопросом Руф Фалло.

Капитан пробормотал что-то насчет лицензии на перевозку животных, но было видно, что разговор его смущал. Похоже, животных перевозили контрабандой.

— Если вы позволите, я хотел бы взглянуть на этот зоопарк, — попросил Йен Скарраш.

Капитану Тетеринову ничего не оставалось, как согласиться.

Осмотр нижней палубы ничего не дал. Йен побродил в сопровождении двух вооруженных матросов, Бола Волосова и сопровождающих груз специалистов между клетками, но ничего подозрительного не увидел. Животные спали. Клетки были заперты. Да и животные ничего опасного по большей части не представляли. Процилайские многоноги, жвальщики, крессары и единственный среди них хищник, ащпер. Но ничего, даже пускай отдаленно, похожего на корабельного убийцу.

Пришлось возвращаться с пустыми руками. Но в кают-компании Йена дождался только лишь Руф Фалло. Корабль приблизился к гиперпространственным воротам. Оставались считанные минуты до прыжка. Всем пассажирам нужно занять свои места в каютах. И для них с толстым инспектором никто не сделал исключения. Опасный хищник оставался на свободе, но время на его поимку не было. Оставалось только надеяться, что он насытился и больше не выйдет на охоту.

Глупые надежды.

4

Второе убийство произошло сразу же после прибытия в планетарную систему Акуилы.

В каюте Йена Скарраша сработала внутренняя связь, и голос капитана Тетеринова попросил заглянуть его в кают-компанию.

— Дело срочное! Не терпит отлагательств. У нас опять ЧП!

Хочешь, не хочешь, а пришлось идти к капитану. В коридоре Йен столкнулся лицом к лицу с возбужденным и от того более потным Руфом Фалло.

— А вас тоже вызвали? — обрадовался знакомому лицу отставной инспектор, пытаясь выпутать из кармана куртки зацепившийся за что-то носовой платок. — Наконец-то настоящее дело. Вы себе не представляете, что такое жить без работы. Я уж думал, что давно повесил свой плащ на вешалку, но ищейка опять кому-то потребовалась. Как вы думаете, напе чудовище опять кого-то ухряпало?

Казалось, ничто не способно заставить умолкнуть Руфа Фалло, но капитан Тетеринов все-таки умудрился это сделать. Он встретил ценных пассажиров приговором в лоб:

— У нас новое убийство. И на этот раз нам грозит карантин до выяснения всех обстоятельств.

— Что значит карантин? — осторожно поинтересовался Йен, предчувствуя нехорошее.

— После выхода из гиперпрыжка мы вынуждены были доложить о произошедшем преступлении на Акуилу, — постарался объяснить Бола Волосов. — Нас предупредили, что если мы не найдем убийцу, то корабль со всеми пассажирами поставят на карантин до окончания расследования.

— Какой карантин, косорылы хрявистые?! — взорвался Руф Фолл. — Я не могу сидеть в карантине! У меня путевка! У меня курорт! У меня пляж, холодное пиво и горячее солнце! У меня цыпочки и планы по их окучиванию! К черту карантин! Не бывать этому!

— Я тоже не могу сидеть в карантине, — осторожно заметил Йен.

Пока он будет нервничать на карантине, кжерская куколка разродится и исчезнет, а он останется с пустыми руками, потом жди несколько лет до следующих родов. Кажется, назревала катастрофа, и Йен ничего не мог сделать, чтобы ее предотвратить.

— Поэтому в наших интересах найти чудовище и изловить, а лучше уничтожить его до прибытия на Акуил! — сказал капитан Тетеринов.

Руф Фалло обреченно упал в кресло, шумно вздохнул и закутал лицо в носовой платок.

— Вы, кажется, говорили о новом убийстве, — напомнил Йен, усаживаясь рядом с отставным инспектором.

— Только что поступила картинка с камер слежения. На этот раз палуба 4А. И есть три свидетеля. Правда, не очень надежных. Один от страха обезумел и сбежал. Второго, наоборот, парализовало. На вопросы не отвечает, занкается и лопочет что-то невразумительное. Третий свидетель потерял сознание, увидев чудовище. Но это все-таки больше, чем ничего.

Капитана Тетеринова перебил Бол Волосов.

— Мои люди сейчас допрашивают всех свидетелей. Надеюсь получить ценную информацию. Давайте взглянем на картину. В целом, все мало чем отличается от предыдущего случая.

В воздухе развернулся голоэкран, показывающий один из коридоров корабля. И снова идущая куда-то женщина. Она была старше первой жертвы лет на десять. Полная особа в пышном платье, отороченном мехом, с капюшоном, чуть прикрывающим голову. Капюшон сверкал украшениями. Красивое смелое лицо повидавшей жизнь дамы. Полные переливающиеся красным губы, изящный нос с легкой горбинкой, брови в разлет и пристальный взгляд сытой хищницы. Навстречу женщине двигались двое увлеченно о чем-то беседующих мужчин. Чуть в стороне возле терминала каюты возился еще один. По всей видимости, это и были свидетели.

Йен пропустил момент, когда напало чудовище. Отвлек всхрипнувший Руф Фалло. Захотелось отвесить ему затрепину. И снова огромная саблезубая кошка, шесть глаз и костяной гребень на спине. Она выпрыгнула откуда-то из-за угла, подмяла под себя нарядную женщину, перекусила ее туловище, словно пирожное трубочку, и скрылось в соседнем коридоре.

— Вот, собственно, пока и все. Мы выдвинулись на место преступления, но никаких результатов. Кроме перепутанных свидетелей... Ничего. Ни капли крови, — развел руками капитан Тетеринов.

— А не могли бы вы отмотать назад. И показать портрет чудовища на стоп-кадре, — попросил Йен Скарраш.

Ну, не давала ему покоя эта саблезубая морда. Где-то он видел ее. Или что-то очень похожее.

— Брось смаковать подробности, — огрызнулся из своего кресла Руф Фалло.

Но никто не обратил на него внимания. Бол Волосов послушно отмотал запись, и кают-компанию заполнила оскаленная пасть чудовища с окровавленными клыками.

— Вам знаком этот монстр? — обреченно спросил капитан Тетеринов.

— К сожалению, нет. И можете так не волноваться, к вашему грузу с нижней палубы оно не имеет никакого отношения. Подобные хищники водятся на многих планетах, в тех или иных отличиях строения тела и защитных свойств организма. Но вот эти три пары глаз мне очень знакомы. Они похожи на обитателей планеты Тафир. Правда, такая особь мне ранее не встречалась, — разъяснил Йен, не отводя глаз от застывшего изображения чудовища.

— Тафир, это же черт знает где. За пределами наших пограничных секторов. Область Тафира до сих пор не исследована до конца, — поразился капитан Тетеринов.

— А не исследована, потому что нас дальше Тафира не пустили чужаки. Явно дали понять, что это их владения, и лучше бы нас там не было, — мрачно отозвался Бол Волосов.

— Итак, у нас на борту предположительно два трупа. Один неустановленной девушки. Предположительно, зайца, хотя это невозможно. Второй пока не опознан. И хищное голодное тафирское чудовище. Ничего не скажешь, веселенький расклад, — мрачно произнес капитан Тетеринов. Он кажется уже подсчитывал объем своей пенсии, после того как его спишут на берег.

— Личность второй жертвы установлена, — громко доложил Бол Волосов. — Это Елена Мясницкая, летящая первым классом в компании своей дочери Марии Форш.

— Это уже легче! — выдохнул капитан Тетеринов. — Дайте личную посадочную карточку.

На голоэкрane возникло уже знакомое по сцене преступления красивое лицо Елены Мясницкой, обрамленное крупными буквами регистрационной информации. Здесь говорилось, что пассажир посадочный номер 84 летел с Процилайна на Акуилу, где ему предстояло пересесть на рейс до Йокотауна, знаменитой планеты-курорта.

— Вот туда-то я и лечу. Оказывается, мы попутчики, — тихо сказал Руф Фалло, подумал и добавил: — Были.

— Надо сообщить ее дочери, — задумчиво произнес капитан Тетерников и почему-то посмотрел на Йена Скарраша. — Вы не могли бы это сделать. Как-никак, вы психолог. Найдете правильные слова.

— Я ксенопсихолог, — поправил Йен, намереваясь тут же отказаться. Нашли тоже, черного вестника.

— Я пойду вместе с вами. Как-никак, я капитан этой посудины. Сколько лет летаю — ни одного ЧП, а тут такая кровавая баня, — сокрушительно вздохнул капитан Тетерников, поднимаясь из кресла.

Первым из кают-компании вышел Йен Скарраш. За ним следовал капитан. Руф Фалло тоже решил идти с ними. А вот Бол Волосов сказал: «Надо ловить тварь», — и ушел.

Они поднялись на верхнюю палубу. Всю дорогу хранили молчание. Каждый думал о своем. Руф Фалло, кажется, переживал за срывающийся отдых. Где найти эту тварь, чтобы загарпунить и избежать карантина. Капитан Тетерников сетовал на злодейку судьбу, ведь ему осталось летать каких-то три года до заслуженной пенсии, а кто его теперь возьмет в космос? Главное, кто согласится лететь на корабле под его командованием? Йен Скарраш размышлял над жизненной иронией. Погибнуть от клыков хищного зверя на борту надежного космического корабля, где никаких хищников, крупнее таракана, не должно быть. И как сообщить дочери, что ее мама умерла. Глупость какая-то.

На первой палубе они выстроились в ряд напротив каюты ¹ 84, и капитан Тетерников нерешительно постучал в дверь. Кажется, его не услышали, и он повторил стук.

Дверь каюты с шипением открылась и из нее выглянула Елена Мясницкая, живая и невредимая, при этом весьма удивленная выстроившейся у нее на пороге делегацией.

5

Успокоить разъяренное чудовище удалось далеко не сразу. Йену Скаррашу пришлось приложить все свое профессиональное умение, чтобы заключить с животным перемирие. Хищника раздражало все. Даже неосторожный взгляд в его сторону. В особенности неосторожный взгляд. Того и гляди на корабле появятся новые трупы, разорванные в клочья чудовищем. Впрочем, не таким уж и чудовищем, а унылым маленьким котенком, забившимся в угол каюты госпожи Мясницкой и ее дочери.

Увидев на пороге живую и невредимую Елену Мясницкую, капитан корабля на время потерял дар речи. Он открыл, было, рот, чтобы что-то спросить, но так и остался стоять с открытым ртом, словно рыба, вытасченная на берег. От испуга и неожиданности Руф Фалло тут же вспотел и запутался в карманах куртки в поисках носового платка. Лишь Йен Скарраш сохранял спокойствие.

— Извините, что мы вас беспокоим, но не могли бы мы поговорить у вас в каюте? — спросил он.

— А вы кто, собственно, такие? — непонимающе спросила Елена Мясницкая.

— Позвольте представиться, инспектор сыскной полиции Процилайна Руф Фалло, — отгеснив в сторону Йена, шагнул вперед толстяк и протянул

пухлую потную ладонь женщине. Та, впрочем, ее не заметила. — Мы занимаемся э... непонятными событиями на корабле. И в связи с этим хотели бы поговорить с вами.

Увидев, как изменилось лицо женщины, Руф Фалло поспешил ее успокоить:

— Не извольте беспокоиться, ничего страшного. Так, пара убийств. Или, если быть точным, одно. Или не одно. Ничего, в общем, пока не понятно.

Слова отставного инспектора действовали на Елену Мясницкую, как напатырь на обморочную красавицу. Она вытаращилась на него и шумно задышала.

— Мадам, пройдемте в каюту, мы попытаемся вам все объяснить, — взял дело в свои руки капитан Тетеринов.

Оказавшись в каюте, Йен сразу заметил маленького котенка, испуганно забившегося в угол. Что-то в его облике показалось ему знакомым. Не обращая внимания на разговор капитана, инспектора и госпожи Мясницкой, Йен направился к котенку.

— В связи с особым положением, объявленным на корабле, мы хотели бы спросить у вас: где вы были сразу же после выхода из гиперпространственных ворот и до сего момента? — спросил капитан Тетеринов.

— Да, но что случилось? Я была в своей каюте и никуда не уходила, — растерянно пробормотала женщина.

Йен остановился напротив котенка и наклонился над ним. Он тут же почувствовал волну злости и обиды, исходившую от маленького животного. Но не это привлекло Йена Скарраша. У котенка было два глаза прямо над пятнистым носом, но слева и справа от глаз угадывались очертания еще двух нераскрывшихся пар глаз. Похоже, искомый преступник найден. Йен сам не мог поверить тому, что видел. **НО КАК** это маленькое существо смогло убить двух взрослых женщин? При этом одна из женщин сейчас очень шумно общалась с капитаном Тетериновым и ничем не напоминала мертвую.

— Пройдемте, пожалуйста, с нами в кают-компанию, — попросил капитан Тетеринов. — Мы хотели бы вам кое-что показать.

— Сейчас должна вернуться моя дочь. Может, мы могли бы немного подождать. Я, право, не знаю, — засуетилась Елена Мясницкая.

— Нет, время не терпит. Мы должны идти прямо сейчас, — настаивал капитан.

Йен Скарраш не спешил делиться своими догадками ни с капитаном, ни с потным инспектором, ни с шефом безопасности корабля. Он должен был сам во всем разобраться. Кое-что он уже понимал. Не хватало только маленького кусочка, чтобы все элементы мозаики встали на свое место.

В кают-компании Елене Мясницкой продемонстрировали два голофрагмента преступлений. Начали со второго. Вид собственной смерти от клыков и лап неизвестного хищника поверг женщину в шок. Она шумно

задышала и, казалось, еще чуть-чуть, и потеряет сознание. стакан воды помог ей немного прийти в себя. И Елена Мясницкая заголосила:

— Да что вы себе позволяете?! Это что, розыгрыш?! Да как вы смеете?! Вы мне угрожаете?! Я буду жаловаться! Мой муж заставит вас!

Насилу ее удалось успокоить и заставить посмотреть другой фрагмент. Тут реакция госпожи Мясницкой оказалась куда спокойнее. Она повернулась к Болу Волосову, все время она старалась общаться только с ним, и удивленно спросила:

— А Людка-то как здесь оказалась?

Эта фраза приковала к себе внимание всех присутствующих в кают-компании людей. Таких совпадений просто не может быть. Обе жертвы неведомого хищника, все еще свободно разгуливающего по палубам корабля, были знакомы. Никого, кроме Йена Скарраша, не смущало, что убитая на глазах у трех свидетелей и камеры слежения Елена Мясницкая сейчас давала показания. Все, включая капитана, отставного инспектора и шефа безопасности, откровенно запутались, но боялись в этом признаться, чтобы не выглядеть полными идиотами в чужих глазах.

— Вам знакома эта девушка? — уточнил зачем-то Руф Фалло и довольно потер руки, предвкушая скорую развязку.

— Да. Конечно. Это наш грумер.

— Кто, вы сказали? — не понял капитан Тетеринов.

— Грумер. Ну, это...

— Извините, а не могли бы вы мне позволить пообщаться с вашим домашним любимцем? — неожиданно перебил женщину Йен Скарраш.

Капитан Тетеринов, Бол Волосов и Руф Фалло заморозили его взглядом, но Йен предпочел их не замечать.

— Да, конечно, — растерянно согласилась Елена Мясницкая.

Она и так ничего не понимала. А тут столь странная просьба.

— И еще можно пару вопросов? Как зовут вашего котенка?

— Ее зовут Поли. И она, скорее, собака. По крайней мере, ближе по происхождению, — ответила Елена Мясницкая.

— А откуда она у вас?

— Муж недавно привез из командировки с Пофитока.

— А Пофиток располагается не так далеко от Тафира. Все сходится.

— Да что сходится-то? — ничего не понимал капитан Тетеринов, и это его очень раздражало.

— Я все объясню после того, как пообщаюсь с Поли, — пообещал Йен Скарраш. — Госпожа Мясницкая, вы не проводите меня?

— Да что он себе позволяет?! — возмутился Руф Фалло, но его никто не поддержал.

Йена Скарраша и Елену Мясницкую проводили тяжелым молчанием. По дороге к каюте № 84 Йен уточнил несколько деталей. Ответы Елены

лишь подтвердили его теорию, помогли установить диагноз и подготовить лечение.

Когда Йен Скарраш вернулся, его встретили все с тем же тяжелым молчанием, но чувствовалось, что у всех присутствующих скоро кончится терпение, и они взорвутся от любопытства. Йен не стал откладывать объяснения, поудобнее устроился в кресле и начал рассказ, обращаясь преимущественно к капитану корабля:

— На этих странных происшествиях можно поставить жирный крест. И вы, Тарас Михайлович, можете отправить мой отчет на Акуилу. Уверен, что к нему прислушаются. И мы не будем сидеть в карантине. Прежде всего, хочу вам прояснить, кем является чудовище, нагнавшее страху на экипаж корабля и на нас с вами, дорогой инспектор.

При упоминании Руф Фалло гордо напыжился и полез за платком. Так. На всякий случай.

— Помните домашнего любимца госпожи Мясницкой, Поли?

— Котенок, или собачка такая маленькая. Все под ногами болталась, — неуверенно произнес капитан Тетеринов и посмотрел в поисках поддержки на отставного инспектора.

— Так вот эта Поли и есть наше чудовище, которое мы уже второй день по всему кораблю ищем.

Слова Йена Скарраша взорвали аудиторию.

— Да брось заливать, — возмущался Руф Фалло.

— Этого просто не может быть, — не верил Бол Волосов.

— Но как же так? Поли эта такая маленькая, а чудовище такое большое, — не понимал капитан Тетеринов.

— А вы, Тарас Михайлович, вспомните себя в юношестве. Когда вас кто-то обижал, вы воображали, что станете очень сильным, страшным и отомстите обидчикам. И представляли себе это во всех красках, — ответил Йен Скарраш.

— Это что же получается? Ничего не понимаю! А кто обидел-то эту Поли? — растерялся капитан Тетеринов.

— Да хозяйка ее и обидела, да ее подруга Людмила, грумер.

— А что это такое? Кто-нибудь мне объяснит? — возмутился Руф Фалло.

— Грумер, парикмахер для животных. Сделает стильную прическу для собаки, кошки или другого существа. Я по дороге все выяснил у госпожи Мясницкой. Когда ее муж привез Поли, она была очень лохматая, шерсть с нее постоянно лезла, но меньше ее не становилось. А тут подвернулась прекрасная возможность слетать на курорт, и госпожа Мясницкая решила взять с собой нового домашнего любимца. Но мучаться с шерстью! Эта мысль ее убивала. И она отвела ее к подруге, работавшей грумером. Поли постригли. Навели прическу. Только вот новый облик Поли очень не понравился, и она обозлилась. И в своих мечтах расправлялась с Людой, грумером, а потом и с хозяйкой. И мы оказались свидетелями ее мечтаний!

— Вы хотите сказать, никаких убийств не было? Нам это все померещилось? — переспросил капитан Тетеринов.

— Убийства были, но только в воображении Поли. К сожалению, Тафир пока почти неисследованная планета, но, судя по доступным к прочтению обрывкам сведений и опыту общения с Поли, могу судить, что воображение является для местных животных чем-то вроде защитной реакции. В состоянии особой раздраженности, злости, ярости они способны создать весьма зримое и, быть может, даже осязательное видение. Я бы сказал, фантом. Вот с таким фантомом мы и столкнулись.

Йен Скарраш умолк и обвел изучающим взглядом кают-компанию.

— А видений этих, фантомов, больше не будет? — уточнил капитан Тетеринов.

— Мне удалось успокоить Поли. И я объяснил ее хозяйке, как научиться с ней дружить. Думаю, что в ближайшее время нам ничего не угрожает, — заверил Йен Скарраш.

6

Корабль «Академик Соколов» благополучно опустился в астропорту Акуилы.

Покидая каюту, Йен Скарраш столкнулся в коридоре с переминающимся с ноги на ногу Руфом Фалло. Отставной инспектор явно сильно нервничал и никак не мог справиться с постоянно намокающим лицом. Платок уже не помогал.

— Господин, Скарраш, а я вас тут дожидаюсь. Хотел с вами попрощаться и выразить свое восхищение. Вы так отлично расщелкали этот орешек, что просто хочется аплодировать стоя!

— Спасибо, конечно. Это просто совпадение, — уклонился от мокрого рукопожатия Йен. — Нам повезло, что все дело было в инопланетной зверушке.

— Да. Да. Конечно, — поспешно согласился Руф Фалло, залез в карман и достал пластиковую карточку визитки. — Вот, возьмите. Тут все мои контактные данные. Я вот отдохну немного и открою частное сыскное агентство. Так что, если будут какие проблемы, обращайтесь.

Йен Скарраш пообещал:

— Всенепременно.

Спрятав визитку в карман и направился к выходу, оставив отставного инспектора позади.

Через несколько минут он увидел встречающих его научных сотрудников с Асира, и все его мысли тут же поглотила кжерская куколка.

ДМИТРИЙ ЛУКИН

ПРИОРИТЕТ — ЖИВОЕ

Прошла, красивая, молниями стреляя. На меня и не глянула. Девушка-сказка, девушка-мечта! Поэзия ходячая! Остановилась метрах в трех, замешкалась типа. Вот она я, полюбуйтеесь!

Любуюсь, а куда деваться? От мониторов оторвался — вживую смотрю. Даже с кресла встал, чтобы перегородка картинку не загоразживала.

Платье — техно, цвет — металл, а края и вырезы в виде копий Зевесовых, да еще и сверкают для полноты ощущений. Впрочем, это уже перебор. Платьишко откровенное, в нем и без молний так «насверкаешься» за день, что у сотрудников глаза заболят. Тут уж хоть очки темные надевай. Впору будут (это я, конечно, по себе сужу). Но посмотрится шедеврально. Эх, почему боссу всегда достается самое лучшее?!

В любой уважающей себя фирме появление на работе секретарши ¹ 1 — это настоящее шоу. Приятно, что Корпорация и тут впереди планеты всей. Традиции — святое дело. Все сотрудники Корпорации свободны в выборе тела и внешности. Хоть пауком шестиногим на работу заявишься — слова тебе никто не скажет. Дискриминация по внешнему виду недопустима. Наряжайся, как хочешь. Секретарша босса — единственное исключение из правила. Имплантировать в свое тело она может все, что пожелает, но внешне обязана оставаться эффектной женщиной. Особым шиком считается полное отсутствие имплантантов (чип не в счет). Напа Юленька именно такая. Даже ни одной пломбы во рту нет. Стопроцентная базовая органика. Высший класс. Умничка, красавица.

Каждое утро наблюдаю за ее дефиле и тихо радуюсь. Но сегодня она превзошла саму себя. Прыгнула выше головы. К чему бы это? Босс-то в командировке. Завтра только вернется.

О, кажется, нас заметили. Не успел вовремя присесть. Спокойно! Мы тут газетки на столе перебираем. С одной стопки в другую перекладываем. Чтобы ровненько все было и порядочек. Вроде как делом занят, работаю. Нам по сторонам смотреть некогда. На секретаршу босову заглядываться.

Подошла. Скажите, пожалуйста! Удостоились.

— Привет, белковый!

Не так быстро, крошка! Вот сейчас еще парочку газет переложу, тогда может быть, и поговорим. Работа — прежде всего (первое правило

сотрудника Корпорации)! Впрочем, какая уж тут работа, когда перед тобой босова секретарша молниями стреляет! Кажется, так должен думать образцовый альфа-самец? К тому же до официального гимна еще двадцать минут осталось. В этой ситуации уделить барышне внимание — единственная адекватная реакция.

— Привет, жестянка! — Улыбается, довольная. Авансовый комплимент — он всегда приятен. Смотрю ей в глаза, но не выдерживаю, и взгляд соскальзывает вслед за молнией вниз по бретельке...

— Шикарное платье!

— Спасибо. Я уже поняла. Угадай, как называется!

Ого! Эрудицию мою прощупывает. Да, пожалуйста, нам не трудно!

— Никола Тесла! Угадал?

— Нет. — Задумчиво поджимает губы. Искусительница! — Но твой вариант мне нравится больше. Решено — теперь оно будет называться «Никола Тесла»!

— Я рад!

Вроде бы поговорили. Все. Отыграли партию как по нотам. Думаю, «Агате» придраться не к чему. Как там в правилах написано? «Легкий флирт в нерабочее время для белковых противоположного пола допустим и нарушением дисциплины не является». Но Юля не торопится уходить. Улыбается, смотрит на меня и молчит.

А вот это уже серьезно.

— Неужели случилось? — Я почему-то перестал замечать молнии на ее платье.

— Еще нет.

Она подходит вплотную к перегородке, тянется ко мне (я тут же со страшной скоростью перегибаюсь через стол с мониторами) и шепчет: — Послезавтра.

Надо что-то ответить. Отшутиться надо. Но я не могу. И ведь знал, уже давно знал, что так будет, готовился морально, а все равно — ступор.

Она снова наклоняется ко мне и шепчет в самое ухо, прикрывая губы ладонью:

— Прости, ты хороший и ты против, я знаю, но так надо. Я должна это сделать. Хоть и боюсь до чертиков. Только не отговаривай! А то я расплачусь! Косметика потечет. Просто пожелай удачи.

Месяц отговаривал, теперь-то уж чего! Самому, что ли, разрыдаться?

Да Бог с ней, с «Агатой». Такой человек нас покидает! Надо бы проводить достойно. Выхожу из «клетки», прижимаю к себе упругое девичье тело в эротичной техноупаковке и шепчу так, чтобы ни одна камера не видела моих губ:

— Красиво уходишь. Умничка. Но не стоило ради меня.

Осторожный поцелуй в щеку, и я возвращаюсь в свою «клетку».

Юля стоит, кусает губы и пальцы к щеке прижимает. Совсем девочка «поплыла». Попробуем вернуть к реальности:

— Теперь и здороваться перестанешь?

— Только если буду очень загружена. Ты ведь в курсе, эти параллельные потоки... При перегрузке программа отключает лишние образы...

Я в курсе.

Грустный такой голосок. Родной почтой.

Лишний образ. Надо привыкать.

— Извини.

— Постарайся не перегружаться. Хотя бы первую неделю.

— Постараюсь. Спасибо. — Она «делает мне ручкой», поворачивается и уходит.

Теперь я должен смотреть ей вслед, восторгаться эротичной походкой и пошленько улыбаться, сглатывая слюну. Так и сделаем. Я не хочу, чтобы очередная жестянка полтора часа учила меня человеческому поведению. И я искренне восторгаюсь. Бывают моменты, когда «правильное человеческое поведение» дается мне легко и естественно. Как сейчас. Я смотрю Юле вслед, и «правильные» мысли сами рождаются в голове: «Какая потрясающая наглость! Какое вопиющее нарушение дресс-кода! Какая восхитительная прелесть! Вот это куколка!» Вдруг я чувствую, что меня обманули. Эту картинку нужно воспринимать по-другому, я чего-то не догнал. Но не включать же семиотику прямо сейчас? «Правильные» мысли продолжают генерироваться в моей голове, приобретают трансцендентный характер, улетучиваются и становятся достоянием ноосферы. А мне все равно. Я уже не отслеживаю этот процесс. Я просто любуюсь молодостью и красотой, честно пытаюсь улыбаться. Только улыбка почему-то не клеится и во рту пересохло. Массивная дверь в приемную босса захлопнулась, а у меня все еще ветви молний в глазах. Или это желтые мушки?

Пришла, называется, секретарша на работу.

Фу-у-х! Кажется, отпустило.

Шоу закончилось. Лебединая песнь отзвучала. Утренняя доза человеческой красоты получена.

Теперь можно и присесть. Парад тюнингованных уродов лучше наблюдать по мониторам.

К моим услугам триста камер. Всего их около пятисот, но я могу оперировать только тремя сотнями. Остальные — вотчина «Агаты».

Народ подтягивается. Минут через десять все будут в сборе, а пока только две тройки жестянок прогуливаются по залу, обсуждая очередные новинки бодитека. Я к ним не лезу. Чипмены говорят — белковый молчит. Что может знать белковый о бодитеке?!

Но послушать этих идиотов иногда бывает забавно. Прошла как-то мимо моей «клетки» группа товарищей — говорили о преимуществе захвата типа «клепня» перед захватом типа «звезда». Прошла другая группа — и я узнал, что время антропоморфных конечностей закончилось: будущее за змееподобной кьеропластикой.

Так и подмывало высунуться и спросить:

— Если в носу зачеснется, чем будешь козюлю доставать, умник? «Клешней» в ноздрю полезешь или «звездой»? А змеенодобная кьеропоастика, стало быть, для более интимных процедур?

С трудом удержался.

Гуляйте, ребята, гуляйте. Зал у нас красивый. Стены и потолок стилизованы под микросхемы. Двери — под люки космических кораблей. Окон нет. Проходы между рядами ячеек широкие. Все для вас.

По мне, так лучше б цветочки изобразили на стенах или пейзаж какой-нибудь скромненький, да могли и просто белым цветом обойтись. Но мы же стремимся в будущее, а будущее, вестимо, за гибридным разумом, вот и люблюсь микросхемами. Зато всегда в тонусе, всегда бодрячком. Грядущее нависает над головой и не дает расслабиться. Как представляю, что эту гадость мне в голову засунут, — сразу откуда-то силы берутся, и мозг начинает соображать со страшной скоростью. При этом, конечно, улыбаюсь счастливо. Не хочу лишний раз «Агату» беспокоить. Я и так у нее на особом счету.

Коллективные прогулки перед гимном — идея «Агаты». Биологическому телу чипменов необходимо движение. Она провела эксперименты и выяснила, что десятиминутная прогулка перед «сном» повышает эффективность работы чипмена на двадцать процентов.

Настоящих терминаторов у нас всего три человека. Жертвы апгрейда. Наркоманы тюнинга. Голый мозг в оболочке стали и микросхем. Большинство же — серединка на половинку (технологические аналоги составляют не более шестидесяти процентов от первоначального биологического объема). У десятих — только чипы (скоро и Юля к ним присоединится). Но прогулки обязательны для всех. Как там в Уставе? «Работники Корпорации представляют собой единый организм, дружный коллектив единомышленников и соратников». Поэтому хочешь, не хочешь, а будь добр прогуляться с коллегами (белковые, разумеется, могут не напрягаться).

Жестянкам объяснили всю важность утреннего моциона, и теперь они гуляют очень ответственно, с чувством выполняемого долга. Не просто бодитек обсуждают — работоспособность нагуливают.

Слышу сзади шорох и оборачиваюсь. Белый пластиковый бочонок заезжает в мою «клетку», ставит пол-литровую стеклянную бутылку на краешек стола, убирает четырехпалую лапку-захват обратно в корпус и приятным низким голосом сообщает:

— «Агата» велела передать.

— Спасибо тебе, Малыш, очень кстати. И «Агате» спасибо. Дай лапку! — Четырехпалый захват выползает из бочонка и, легонько коснувшись моей ладони, снова прячется в круглом корпусе.

«Здороваться» мы еще в прошлом году научились. Тогда у нас добрые люди очередной завод взорвали, начальство всех на уши поставило, нервы

у меня расшалились — вот я и побезобразничал в рамках дозволенного. Один раз Юле этот фокус показал. Ей понравилось, и Малыш стал нашей белковой тайной. Одной из. Тайной, конечно, условной. От «Агаты» трудно что-то спрятать, а чипмены... Да плевать им на Малыша. «Здороваться» с водовозом? Робот чипмену не товарищ. Как и белковый. Куда нам до новой ступени эволюции. Мы уж как-нибудь между собой будем «дружить». Нам бодитек обсуждать необязательно. Ну вот, опять вспомнил про Юлю. Забыть уже пора. Все. Прощай романтика — здравствуй чипмен. Побывала в нашем лагере — и убежала на новую эволюционную ступень карабкаться. Видеть ее больше не хочу. Предательница.

Все. Стоп. Опять занесло. Вот ведь засела в голове!

Надо переключиться. Русским же языком сказала: «Лишний образ».

Малыш поворачивается и, шурша, уезжает из моей «клетки». И ты туда же! Обиделся?

Улыбочка! Нужна искренняя улыбочка!

Уважаю грамотное «железо». Роботы — это прекрасно. Куда без них? Симпатяшка-водовоз меня особенно радует. Домашний такой, милый. Когда его вижу, так и тянет поговорить. А почему нет? Доброе слово и роботу приятно. Микросхемы лучше будут работать.

Хохмы ради я как-то спросил «Агату» о «клиентах» Малыша за полгода. Ответ меня озадачил. Нам с Юлей Малыш привез почти столько же бутылок, сколько и всем чипменам вместе взятым. Юле — двести тридцать, мне — сто девяносто шесть. А в отделе восемьдесят пять человек.

Опять Юля! Да что же это такое!

Определенно, мне надо выпить!

Я взял бутылку, отвинтил крышечку и сделал два больших глотка.

Хорошо!

Улыбочка!

Грамотный софт я тоже уважаю. «Агату», например. Есть за что. Программа серьезная. Следит за тобой, заботится о тебе, защищает, работать помогает. А чтобы все это дело у нее лучше получалось, «Агата» забирается к тебе в самую душу, раскладывает твою «я» по полочкам и копирует в свои недра. Тихо, незаметно. Расслабился на мгновение — и вас уже двое: белковый и цифровой. Один в «клетке» сидит думу думает, другой в недрах «Агаты» томится, на биты растерзанный. Поэтому и прячусь от нее, как умею. Но иногда раскрываюсь, она меня просчитывает — и получите бутылочку! Грамотный софт, что тут скажешь.

А чипменов не люблю.

Улыбочку! Где «правильные мысли»? Что-то ни одна на ум не приходит.

Водички глотнуть!

Еще!

Другое дело!

Улыбочку!

Взгляд на экраны. Что можно подумать хорошего о чипменах? Ну хоть что-то, Господи! *Они очень полезны для нашей Корпорации!*

Истинная мысль! За нее и надо держаться.

Чипмены ОЧЕНЬ полезны. Очень. Они просто незаменимы! Фальшиво. Так не пойдет. Придется вспомнить рекламу. «Чипмены — это вершина эволюции! Разум чипмена — не просто сумма человеческого и искусственного интеллектов, перед нами качественно новый инструмент познания мира!»

Уже лучше.

Чипмены — наше все!

Я смотрю на них и тихо радуюсь. Коллективные прогулки — очередной редут в эшелонированной обороне Корпорации. Нужная вещь! «Агата» зорко следит за каждой жестянкой. Бесстрастные камеры отмечают все: длину и скорость шагов, положение каждого пальца, работу мимических мышц, движения глаз, тембр голоса, лексику, эмоциональный фон... «Агата» соотносит полученную информацию с прежними записями, личными файлами, моделью чипа, психотипом, анализирует данные по тысяче параметров и отслеживает малейшие отклонения в поведении. Если сотрудника «обработали» на стороне, если кто-то «поколдовал» над его мозгами, во время прогулки это обязательно проявится. Любые изменения в программе чипа отразятся на работе мозга, а значит, и на механике тела. За время прогулки «Агата» фиксирует даже «грубую» суттестию («тонкая» выявляется в течение дня). Малейшее подозрение — и вместо подключения к базе данных сотрудника ждет проверка с пристрастием. Только за прошлый год в нашем отделе пятерых шпионов поймали. Враги не спят. Не нравится им, видишь ли, господство Корпорации над миром! Вот и приходится бдить.

Я у «Агаты» на подпевках. Пресловутый человеческий фактор еще никто не отменял, поэтому и нужен белковый сотрудник в службе безопасности. Защита от дурака. Дополнительная страховка. Враги Корпорации изобретательны. Кто знает, в какие изощренные формы выльется их ненависть? Конечно, в идеале нужно человек десять белковых. Но куда нам столько? На практике даже два белковых сотрудника, выполняющих сходные функции, это угроза для Корпорации. Интриги, конкуренция, обида, месть. Два альфа-самца в одной комнате не уживутся, а неудачники Корпорации не нужны. Самку посадишь — вообще не до работы будет. У нас чипов нет, нам «Агата» не указ! Эмоции не отключит, мысли каверзные сразу не заблокирует. Нетушки, спасибо. Не нужна мне группа. Уж лучше я буду один. И мне спокойнее, и Корпорации пользы больше.

— Приветствую врагов технического прогресса! Как жизнь белковая?

Над перегородкой нарисовалась радостная физиономия Ника Фореста, координатора по вопросам энергетики. Девяносто процентов базовой органики. Нормальный мужик. Частенько со мной здоровается. Вот и сейчас руку протягивает.

— Здорово, Ник! — Я встаю и жму его руку. — Эволюционируем потихоньку в духовном аспекте. Осторожными шажочками. А как ваш гибридный разум себя чувствует?

Сажусь в кресло.

— Нам открыты безграничные горизонты возможностей и знаний! Чувствую себя первооткрывателем!

— Рад за тебя.

— О, уже пора на построение. Все, побежал...

— Счастливо, — говорю я опустевшей перегородке.

«Безграничные горизонты» — это сильно. Проблемы с лингвистическим модулем? Сейчас глянем. Переключаюсь на 35-ю камеру, вижу Ника, фиксирую на нем треугольный прицел и запрашиваю основные данные.

Все понятно: чип LOG-3N-RT25800r, профильная модель для математиков, лингвистический модуль не предусмотрен. А туда же! Первооткрыватель «безграничных горизонтов».

Время.

Музыку — в студию!

Теперь «правильные» мысли сами лезут мне в голову, и я их не выгоняю.

Гимн, господа-товарищи! Попрошу всех встать и построиться в две шеренги лицом друг к другу! Сейчас песенку будем слушать и духовно обогащаться. На первый-второй расщипчитайся!

Жестянки послушно выстраиваются в две шеренги. Весь проход загородили.

Давайте-ка, ребята, дружно хором:

Успех и почет всегда рядом с нами!

Мы весь этот мир держим руками!

Нам Корпорация — мать и отец,

Мы песню поем по воле сердец!

Наши враги трепещут в лесах,

Их души съедает панический страх!

Чипмен сметет все преграды с пути!

Слышишь, белковый? Ты лучше уйди!

Дынь-дынь-дынь! Под это дело мне тоже положено улыбаться. Почему бы и нет? Забавная песенка. Особенно умиляет испуганный враг. Я вот, например, не в лесу сижу, и страх меня не душит, наоборот — улыбка искренняя на лице...

Сейчас «Агата» подключает их к базе данных. Допоют и разойдутся каждый в свою «клетку».

Теперь по кроваткам и «спать»!

А мы займемся утренней прессой. Что там про нас накропали?

«Транснациональная газета». Сразу видно приверженцев старой школы. Много «воздуха», широкие средники, классические гарнитуры с засечками, строгие линейки, четко продуманные стили. Ничего лишнего. Тонко,

изящно, со вкусом. Гипертекстом не злоупотребляют. Читать легко и приятно. Не верстка, а настоящее искусство. Название, конечно, уродское, но как оформлено! Аж зависть берет. У меня в свое время так не получалось. Газетку приятно в руки взять, страницами пошелестеть. Что-то меня занесло. Уже ведь можно не улыбаться. Качественную прессу читаю!

На первой полосе про нас ничего. Это радует. Пойдем дальше.

«Если в прошлый раз наши властители боролись с бедностью в муниципальном «Оазисе», где можно было снять приличный номер за пять минимальных зарплат в сутки, то в этом году саммит под девизом «Оставим бедность в прошлом!» пройдет в респектабельном «Эльдорадо», где средний счет в баре совпадает с ценой хорошего автомобиля.

Замечательный текст. Как раз для серьезных мыслей. Пока я бегаю глазами по строчкам, «Агата» меня не просчитает.

Из-за Юлиного чипа я снова задумываюсь о жестянках. Не могу представить ее «на прогулке» перед гимном. Пока мы с ней говорили о гипотетической имплантации, представлял без проблем, а дошло до дела — не могу. Да если она выйдет к жестянкам в платье «Никола Тесла», у них все чипы сгорят. И потом, что она знает про бодитек? Как перенести Юлю из разряда «живое» в разряд «жестянки»? Неужели совсем человек пропадет? А если с ней такие сложности, значит, и все мое отношение к чипменам надо пересматривать. Где же я запутался?

Сколько исследований прочитал, сколько передач посмотрел — все без толку.

Определенно борьба с бедностью пошла чиновникам на пользу и принесла им достойные плоды. Отрадно, что отцы мира не чужаются проблем бедности и ежегодно ставят на повестку дня вопрос о социально незащищенных гражданах. Но непонятно, почему желание помочь низшим слоям нашего общества приобретает столь неуклюжие формы...

Никто так и не выявил грань, отделяющую белкового от жестянки (при отсутствии чипа, разумеется). Что брать за основу? Процент биологического объема? Какие цифры будут граничными? Пломба в зубе сделает тебя жестянкой? А две пломбы? А вставная челюсть? Искусственный глаз? Протез руки или ноги? Обоих рук и обеих ног? Искусственное сердце? Почки? Замена пищеварения на более эффективную энергосистему? Альтернативное кровообращение? Где провести черту? Когда форма начнет определять содержание?

Я видел, как бодитек изменяет людей. Был один человек — стал другой. Не узнать. Другие возможности, другое мировосприятие, другой круг общения. Прежние интересы забыты. Перед нами новая личность. В чем же причина? Парень всего-то поменял руки на технические манипуляторы. Работал грузчиком, слишком уставал. Экзоскелет его, видишь ли, не устраивал: и на складе тесно, и документы оформлять неудобно. Когда он заменил ноги, его внутреннее «я» снова стало другим.

Саммит в «Эльдорадо» в очередной раз показал бедноте всего мира, как они должны жить, к чему стремиться, о чем мечтать. Вектор развития задан. Теперь босоногие попрошайки, засыпая в картонных коробках, будут мечтать о номерах «Эльдорадо». Подарить мечту людям — большое дело. Но от чиновников высшего ранга мы вправе ждать большего. К сожалению, никаких конкретных...

А бывает и наоборот. Мой друг попал в аварию. Генка Саввин, директор визуальной студии. Все тело всмятку — только голова целой осталась. Его спасли. Через месяц всю систему жизнеобеспечения поместили в тележку. Генка катался по коридорам, наводя ужас на врачей и пациентов блеском счастливых глаз. Я видел эти катания. Он подъезжал ко мне, останавливался, улыбался, довольный, и ресницами — хлоп-хлоп, видишь, дескать, мои успехи? К тому времени я уже работал в Корпорации и состряпать честную улыбку мог без труда, а вот слезы сдерживать не умел. Я садился на корточки, касался его лба и говорил:

— Ты молодец. У тебя все получится. Только осторожнее на поворотах. Сильно не гоняй: народ пугается.

Его так и прозвали: Головастый чемодан.

Через два месяца «чемодан» заменили добротным «человеческим телом» и отправили моего друга домой. Вот когда я зауважал бодитек. Нужная, оказывается, вещь. Что бы Генка без нее делал? Помню, как пришел к нему в гости. Здравствуй, говорю в домофон, примешь старого друга?

Он распахнул дверь, улыбнулся и жестом пригласил меня в дом. Я не заметил никакой искусственности в его движениях. Знал и не мог поверить, что передо мной всего лишь голова на мобильной антропоморфной системе жизнеобеспечения. Генка закрыл дверь, повернулся ко мне и развел руки в стороны, а я... я вдруг перестал думать о том, что скрывается под его сиреневым халатом и черной водолазкой. Какая разница?! Мы обнялись, он похлопал меня по спине, проводил в комнату, усадил на диван перед телевизором и настроил мой любимый канал UFC-M1. Потом принес мне пива, а сам ушел на кухню готовить ужин для дорогого гостя.

Я сидел, ошарашенный, на мягком диване, сосал пиво из бутылки, пялился в экран и почему-то чувствовал себя последней сволочью. Никогда еще бои без правил не вызывали во мне столько эмоций. До слез растроганный жесткими объятьями полуголых накаченных мужиков, я выключил телевизор.

Генка и раньше готовил для гостей сам. Ресторанам не доверял: мало ли что они в еду накладывают. Авария ничего не изменила.

Мы просидели на кухне весь вечер. Общались, общались, общались.

Своим голосом он говорить не мог, а электронным — не хотел. С чужими и малознакомыми людьми — да, использовал динамик, а близким показывал текст на маленьком экране. Это нисколько не мешало нашему общению. Говорил-то я, а он слушал, время от времени кивал, мотал головой и показывал мне наладонный экранчик.

Отбивные получились бесподобными.

Разве ж я мог назвать его жестянкой? Белковым он был, белковым — от первой до последней микросхемы.

Регенерация проходила медленно. Его тело выращивали два года. Но ведь вырастили! Сейчас он бегает на своих двух не хуже меня. А как поет караоке!

И где эта чертова грань? Я не смог ее отыскать.

На втором и третьем разворотах про нас тоже ничего.

Раньше-то мы все боялись, как бы железяки людьми не заделались. Искусственный интеллект, искусственные эмоции, случайные коды! Казалось бы, еще чуть-чуть — и оживет машинка, да так, что человеку сто очков вперед даст. Ага, шаз! Долго ждать пришлось. Умные люди книги писали, фильмы снимали — готовили общество к новой реальности, а железяки не спешили очеловечиваться. Наверное, случайные коды выпадали неправильно. Беда пришла, откуда не ждали. Увеличение информации и конкурентная борьба заставили людей максимально автоматизировать работу мозга. Началась эпоха чипменов. Люди один за другим стали превращаться в роботов. Но об этой «эволюции» нас почему-то «забыли» предупредить.

Теперь «Время Земли».

Ну вот, пожалуйста, на второй полосе «фонариком» заверстали: «Корпорация убивает исподтишка. Со спины. Ночью. И ничего не докажешь». Интервью с Арсением Ткаченко. Пригород Лазурной Долины. Попал, называется. Лазурная Долина от нас далеко. А Ткаченко жаль. Не успел я у него автограф попросить. Разминулись. Умный мужик. Видать, крепко его достали. За справедливость ратует. О белковых беспокоится. Диктат Корпорации хочет остановить.

Робята! Ну нельзя же так прямо! Да, убиваем и ночью, и со спины. Но ведь не только! А скольких днем заваляли! Не сосчитать.

Лететь в Долину уже поздно. Я успею только на кремацию еще теплого тела. К тому же третья командировка за месяц вызовет подозрения.

Опять придется морду светить.

Переселяемся в «библиотеку». Я беру газеты и топаю в каморку возле кабинета начальника. Там у меня архив и наблюдательный пост.

— «Агата2, соедини с Калифорнией. Мне нужен начальник полицейского департамента. Соединение по нашим каналам. Пока без картинки.

Через минуту в динамиках раздается уверенный мужской голос:

— Я слушаю вас. Говорите.

— Нам нужен Арсений Ткаченко. Ученый-физик. Живет в Лазурной Долине. Нужен живой и невредимый. Я хочу, что бы ваши люди отвезли его в образцовый полицейский участок и обеспечили видеосвязь со мной. Сделайте как можно быстрее. Мы опасаемся покушений. Ваши люди должны успеть первыми. Как доставите Ткаченко в участок, сразу сообщите. Вопросы?

— Сделаем в лучшем виде.

— Работайте. Конец связи.

Полицию мы кормим хорошо. Тут «засады» быть не должно.

Вернемся к обзору прессы.

«Столичный репортер».

Чисто. Про нас — ничего.

Слышу голос «Агаты»:

— Связь налажена.

На экране появляется перепуганное лицо Арсения Ткаченко. Мешки под глазами, длинный нос, глубокие залысины. Постарел мужик.

— Здравствуйте, господин Ткаченко. Вы меня слышите?

— Да. И вижу тоже.

— Это прекрасно! Меня зовут Валерий Загорский, служба безопасности Корпорации. Надеюсь, вы заметили, что сейчас день, что я не скрываю своего имени и что вашу спину прикрывает офицер полиции.

— Я заметил.

— Очень хорошо! А теперь позвольте мне прояснить обстановку. Вас привели в полицейский участок по моей просьбе. Я очень беспокоюсь за вашу жизнь...

— Почему вас беспокоит моя жизнь?

— Арсений Владимирович, вы же ученый с мировым именем. Ваша книга по проблеме квантовой разверстки — это настоящий шедевр. Я прочитал ее за один вечер и до сих пор нахожусь под впечатлением. А вот статья в газете «Время Земли» особого восторга у меня не вызвала...

— Поверьте, я тоже писал ее без радости.

— Верю, Арсений Владимирович. Верю и грущу вместе с вами. Но, видите ли, в чем дело... Такие безрадостные статьи, как правило, только умножают скорбь и абсолютно никакой пользы людям не приносят. Я уважаю ваше мужество и вашу гражданскую позицию. Вы ее высказали. Надеюсь, вам стало легче. Но, может быть, на этом стоит остановиться? Я не требую извинений за клевету в адрес Корпорации: ученому вашего уровня можно многое простить, но я прошу вас больше не писать о нас. Поймите меня правильно. Долина — очень криминальный район. Человека могут убить за красивые штаны. А я не имею возможности приставить к вам охрану. Не дай Бог, какому-то босюку понравится ваш костюм. И как вы думаете, кого обвинят в убийстве? Но оставим грабителей. В Долине зарегистрировано более двадцати тысяч фирм, так или иначе связанных с чипизацией. Ваша статья против Корпорации бьет и по их бизнесу. Вы понимаете, что Корпорация не имеет к ним никакого отношения?

— Я понимаю.

— К сожалению, не все люди такие умные, как вы. Если вдруг не в меру агрессивные сторонники прогресса подкрадутся к вам ночью со спины, то виноватыми в убийстве опять сделают нас. Мне бы этого не хотелось.

Поэтому, Арсений Владимирович, я очень вас прошу, не пишите больше про нашу Корпорацию.

Молчит.

— Простите мою наглость, но вы не могли бы озвучить свое решение прямо сейчас? У меня совершенно нет времени...

— Да, конечно. Я все понял. Не дурак. Вы можете не волноваться. Я вам обещаю больше не писать про Корпорацию. И... спасибо за заботу.

— Вам спасибо, Арсений Владимирович. Кстати, ближайшие два-три дня побудьте в участке. На всякий случай. Воля ваша — задерживать никто не станет, это просто дружеский совет. А уж я тем временем позабочусь, чтобы наш пакт о сотрудничестве увидели некоторые забияки. Это не гарантия, но все же... И осторожней на улице в темное время суток. До свиданья, Арсений Владимирович.

С «Временем Земли» отработали. Переходим к «Столичному репортеру»...

Ткаченко будет жить. Но я не чувствую особой радости по этому поводу. Все еще не могу забыть Майерса. Вот это был человечинце! Мне в голову не пришло, что он полезет на телевидение. Ведь уже передал мне рукопись, проинструктировал, но нет, меня ему было мало. Решил подстраховаться. Просветить народу побольше. Итог печален. Через день после нашей встречи его базовая органика превратилась в пепел. Разумеется, я выполнил все инструкции. Положил рукопись на стол в «библиотеке», пришел утром — рукопись лежит на газетах последним листом кверху, а рядом — бутылка воды. Ну и что толку? Никаких изменений в «Агате» не произошло, разве что Малыш начал подолгу задерживаться в моей «клетке». Стоило ли платить за это жизнью? Неисправимый романтик, Майерс до последнего боготворил математику. Думал формулами умиротворить ненасытных тварей. А я не такой. Я по-прежнему считаю, что в диалоге с Корпорацией самый надежный аргумент — взрывчатая химия. Только, вот, разговаривать на таком языке я не умею. Не мое это.

Меня отвлекает осторожный стук в дверь. Переключаюсь на 68-ю камеру и вижу Малыша у двери «библиотеки».

«Агата», «Агата»... Мне начинает нравиться твоя слезка. Опять «спалила».

Открываю дверь и сажусь на корточки.

— Здравствуй, Малыш.

Он протягивает мне бутылку с водой и говорит:

— Агата велела передать две.

— Замечательно!

Ставлю обе бутылки на пол, а Малыш уже протягивает мне пустую лапку.

Мы «здороваемся», и он отъезжает от двери.

Я возвращаюсь на свой наблюдательный пост.

Хватит о Майерсе. Было и прошло.

Беру «Вердикт». Этих ребят я особенно уважаю. Напишут статейку о каком-нибудь безобразии в особо крупных размерах, подождут недельку,

а потом, если безобразие не прекращается, то в отдельно взятом месте раздается большой БУМ — и безобразничать больше некому. Журналисты здесь, разумеется, ни при чем, они просто статью написали, а взрыв — дело рук террористов. Террористы эти, правда, со странностями: устраняют исключительно безобразников (ни одной случайной жертвы), но редакция-то здесь причем?

Даже Корпорация не смогла разобраться с «Вердиктом». После нескольких неудачных попыток желание разбираться куда-то пропало. Теперь мы предпочитаем не замечать строптивую газетенку.

В этом номере про нас ничего.

Поехали дальше...

Перед мониторингом вечерней прессы я спросил «Агату»:

— Заметила что-нибудь подозрительное?

— Да. Поведение Юлии, секретаря Владислава Ефимовича.

— Ну, это нормально. Чип решила вставить, вот и прошлась в модном платишке напоследок.

— Решение имплантировать чип тоже очень подозрительно.

Так, а вот с этого места поподробней, пожалуйста.

— Почему?

— Решение имплантировать чип не сочетается с психологическим портретом Юлии. Она привыкла ярко самовыражаться. Эмоции занимают в ее жизни очень важное место. Чип их подавляет. Коэффициент интеллекта Юлии достаточно высокий. Для секретарской работы — слишком высокий. Необходимости в чипе нет.

— Девяносто пять — это высокий коэффициент?

— У меня собственная методика измерений. Результаты общих тестов я не учитываю.

— И что показала твоя методика? Сколько?

— Зависит от времени суток, настроения, дня недели. Показатель колеблется от ста пятидесяти до ста девяноста.

— А мой?

— Немного скромнее. Но тоже высокий.

— Она говорила, что каждый день ей приходится обрабатывать все больше и больше документов.

— Не понимаю. Поясни свою логику.

— Чем больше оборот документов, тем быстрее надо соображать. Вот и причина вставить чип.

— Рассуждение ошибочно. Допустим, что оборот документов вырос до такой степени, что Юля с ним не справляется. Но зачем ей чип, если есть я? В обработке документов «Агата» может помочь намного эффективнее тысячи чипов.

— Что же ты раньше не сказала?

— Что же ты раньше не спросил?

— Коэффициент низкий потому что! Но ты-то умная!

— Спасибо.

— Почему же она решила вставить чип? У тебя есть возможные объяснения?

— Ее могли убедить. Сыграть на эмоциях. Напугать. Достаточно сказать белковой: «Завтра надо будет обработать еще больше документов, ты не справишься», и она действительно не справится, потому что начнет переживать, представлять картины будущей неудачи, отвлекаться. Ту же мысль можно донести косвенно: не говорить, но дать понять. Тогда она укоренится в голове еще крепче. Это первый вариант. Всего их тысяча тридцать девять. Продолжать?

— Спасибо. Достаточно. Дальше сам буду думать.

***

На следующий день Юля на работу не пришла, зато, как и следовало ожидать, появился шеф. Прошел мимо моей «клетки» не здороваясь. Ну и ладно. Не очень-то и хотелось.

Жестянки перед построением в один голос обсуждали новый чип Владислава Ефимовича. Теперь у нашего босса съемная модель! Удостоился высшей чести! Надо же, а я и не знал, что бывают съемные чипы.

После ужина мне снова пригрезилась Юля. «Никола Тесла» — это вещь. Надолго запоминается. И зачем она так вырядилась? Это ведь на нее совершенно не похоже. Может быть, я что-то пропустил? А вот сейчас и проверим! «Столичный репортер» подождет. Где тут у нас вчерашний архив? Время с 8.35 до 8.40. На записи сороковой камеры Юли нет. Это уже интересно. Сорок первая камера тоже Юлю не показывает. Дальше — больше: ни одна из центральных камер Юлю не зафиксировала.

Объясню ситуацию «Агате» и прошу помощи:

— Покажи, пожалуйста, как Юля пришла на работу. Меня интересует ее появление в зале.

— Записи отсутствуют. Стерты анонимным пользователем с высшим доступом.

— Покажи то, что осталось.

Сначала на экране появились закрытые двери зала, потом дверь в кабинет начальника. Дефиле вырезано начисто.

У нас появились поклонники с высшим доступом! Как трогательно! Я тут, значит, газетки почитываю, трепетным воздыхателем прикидываюсь, а большие дяди анонимно присматриваются к телу! Не так быстро, ребятки. Не для вас платишко надевалось. Я, конечно, добрый, но в меру.

— Малыш, не сейчас. Я попозже водички попью.

Иду в «библиотеку», подключаюсь к автономному архиву (сюда информация с центральных камер записывается в обход «Агаты»). Должны же быть и у нас маленькие секреты на случай анонимных пользователей.

О! Что и требовалось доказать! Вот она, моя красота наэлектризованная! Господа анонимные наблюдатели немножко не доглядели.

Давай, девочка, покажи себя. Во всех ракурсах и покрупнее.

Вот когда я пожалел, что у меня нет чипа! Отключить эмоции было бы очень кстати. Но ничего, «Агата» что-то там говорила про «тоже высокий коэффициент». Поверим ей на слово. Почему нет? Какое-то количество мозгов и альфа-самцу полагается.

Ничего необычного в поведении Юли я не нашел. Никаких тайных знаков, даже молнии на платье не морзянкой сверкали, а демонстрировали рукотворный хаос. Только выражение лица резко менялось, когда она оказывалась ко мне спиной. Идет гордая королева по красной дорожке и вдруг видит: дорожка-то на плаху! Месяц мне пела, что мечтает вставить чип и приблизиться к элите! Почему же на пороге столь радостного события у нас перевернутая мордочка?

Так я ничего и не понял. Зачем кому-то стирать эти записи?

Встаю с кресла, подхожу к двери и легонько ее толкаю.

Малыш тут же протягивает мне бутылку.

— А вот теперь очень кстати. Спасибо, друг. Нет-нет, хватит одной. Давай лапку.

Чистая вода — это прекрасно. Я падаю в кресло и делаю глубокий вдох. «Агату» ждет много открытий. У меня нет больше сил прятаться за «правильными мыслями».

Все, приехали. Столько лет я карабкался на самый верх Корпорации, мечтая о сокрушительной диверсии. И вдруг оказывается, что наши Хозяева — белковые. У них, видите ли, съемные чипы! И соображаем борзо, и ни в чем себе не отказываем!

Но это еще не самое смешное. Теперь мне придется сражаться с белковыми за жестянку. Трепещите, анонимные пользователи с правами администраторов! Аналитик прессы попил водички и выходит на тропу войны!

Ладно, с «войной» пока погодим. Посмеялись, и хватит. Пора вернуться к вечерним газетам.

***

Наконец-то после трехдневного отсутствия появилась Юля.

Глаза долу. Платьишко — воплощенная скромность. Серенький цвет, никаких вырезов, колени прикрыты. А все равно красивая. От мониторов оторвался — вживую смотрю. Даже с кресла встал, чтобы перегородка картинку не загоразживала.

Кивнула мне и дальше пошла.

Через минуту снова появилась в зале. Стоит возле двери не шелохнется.

А время-то уже к официальному гимну тикает. Гулять надо. Понятное дело, подхожу, общество свое предлагаю. Не желаете, мол, прогуляться, о бодитеке поговорить, я тут кое-что новенькое о съемных чипах узнал.

Не желает. Мне, говорит, одной лучше. Ты, говорит, иди. Ага, сейчас! Беру ее под белу рученьку и потихонечку, потихонечку веду вперед. Жестянки, видя такое дело (или по воле «Агаты»), освободили нам целый проход.

Это, говорю, ничего. Можно, говорю, и не про бодитек. Можно и вообще помолчать, если уж совсем тяжело. Тут она немножко оттаяла. Сама пошла, на мой локоть опираться перестала. Ну, я тоже не дурак: за ладошку взял — и о погоде. Дескать, давление высокое, вот голова у тебя и болит.

Помолчали.

Вдруг она сжимает мою руку и выдает:

— В воскресенье Хозяева устраивают прием. Я приглашена.

— Поздравляю! Это здорово! Ты теперь в элите. Пойдешь?

— Придется. От такой чести не отказываются.

— А меня на серьезные мероприятия никогда не зовут! Наверное, рожей не вышел.

Дальше гуляли молча.

Перед построением она снова забеспокоилась:

— Иди, тебе нельзя такое петь.

— Чего это?

— Там про белковых плохо.

— Ну и что? Ты думаешь, все белковые хорошие? Такие твари попадают, что гнать их из наших рядов под зад коленом! Очень мудрый гимн, кстати. С удовольствием подпою!

Посмотрела на меня удивленно.

***

Читая очередные журналистские разглагольствования на тему «богатый бедного не понимает», я понял, что «Агата» научилась врать. Если бы у меня был высокий коэффициент интеллекта, я бы не тратил столько времени, пытаюсь понять очевидные вещи. Все оказалось до смешного просто.

Слышали мы про эти званые вечеринки для высшего руководства. У приглашенных туда девушек потом походка менялась. А что произошло — никто не знает. Девушки ничего «такого» не помнят. Провалов в памяти нет. Только походка другая. Оно, вроде бы, понятно, что к чему... Амнезия у девушек — вопросов не вызывает. Система, вроде нашей «Агаты», может такие вещи с сознанием чипмена проделать, что он маму папой назовет, и не переубедишь, а уж усыпить — проще простого. Но зачем? Чипы гасят эмоции, чипменам нельзя употреблять алкоголь, так что же прикажете думать? Народ теряется в догадках, народ страшилки слагает. А тут, оказывается, белковые чудят. Съемные чипы для руководящих кадров организовали — и вперед, получать удовольствие.

Юлю, скорее всего, возжелал очередной анонимный наблюдатель. Ее начали обрабатывать в нужном направлении. Разумеется, она это поняла. Не дура. Но так же поняла и другое: выбора у нее нет. Откажется

вставить чип, на дороге поймают, а после праздника собакам скормят. Вот и тянула время, как могла. Легендарное дефиле — это крик о помощи. Но я был глухим. Или смотрел не туда. А нашему наблюдателю уже не терпелось. Как Юля чип вставила, сразу же и приглашение получила! Даже в себя прийти не дали. Нервный попался товарищ. Ему бы пореже чип снимать. Но нет, в истерику впал — записи стер. Чего спрашивается? Обнимашки наши взбесили? Приревновал уже? Ну, ничего, потерпи. Будет тебе сюрприз от братьев по разуму. Я тоже веселиться умею!

В «Загородных беседах» про нас ничего.

А теперь улыбочка и «правильные мысли».

***

На следующий день «Агата» сразу же вызвала меня в кабинет начальника.

Прихожу — рядом с Владиславом Ефимовичем стоят три жестянки из нашей службы безопасности. Еще одна жестянка стоит возле двери.

— Юлю похитили, — сообщает мне Владислав Ефимович. — Скорее всего, мы о ней больше не услышим. Поэтому нужно спокойно продолжать работать и ни в коем случае не паниковать. Зачем поднимать шум на ровном месте? Мы же не хотим, чтобы еще кто-нибудь исчез?

Я сразу же подумал о Хозяевах. *Решили не ждать до вечеринки, ублюдки!* Это была последняя четкая мысль. Потом голова затуманилась. Босс что-то говорил о работе профессионалов, о Юлиной машине в тоннеле, о заглушенном чипе, о бесполезных камерах наблюдения... Но я понял только одно: Юлю никто не собирается искать, ее уже похоронили. Не будет никакого расследования. Нет записей — нет и преступления. Машину уже наверняка утилизovali. С полицией договорились. Лишний шум никому не нужен. Жила была девочка — и нет ее! Какие проблемы? Другую найдут! Мало ли дурочек на белом свете? Ублюдки добились своего! Я достал фляжку и основательно к ней приложился. *Ничего, сами разберемся!* Я просил дать мне оружие и полномочия. Жестянки безучастно наблюдали за моей истерикой. Следующая ступень эволюции! Где им понять белковую душу! Я снова присосался к фляжке. Чувствовал, что сгораю от стыда. Или это алкогольное тепло разлилось по всему телу? Потом я начал во всем обвинять босса и даже вмазал ему хорошенько между глаз. Тут меня, конечно, повязали, обнаружили во фляжке коньяк и аккуратно вышпроводили на улицу.

Уволен за грубое нарушение трудовой дисциплины!

***

Приземистый шестиколесный «Коршун» ждал меня на стоянке, позади рынка «Огород». Генка уже извелся весь.

— Что-то случилось? Нас раскрыли? — спросил он, когда я захлопнул дверцу и начал пристегиваться.

— Да кто нас раскроет? Заблукал я маленько. Твои визуальные эффекты безупречны. Камеры ничего не увидели.

Он сразу же успокоился.

— Это не эффекты, это так... баловство. Вот у меня в студии!..

— Как девчонки?

— Приходят в себя, привыкают к новому месту.

— Прости, что напряг.

— Хватит. Мне еще ночью ваши извинения надоели. Заладили в два горла одно и то же! У меня три года секретарши нет. Если Юля разберет все мои завалы, я ей памятник поставлю! Она, кстати, уже хотела приступить, но я ее тормознул. Думаешь, прилегла отдохнуть? Нет! Готовит с «Агатой» корреспонденцию для «Вердикта».

Генка вырuling со стоянки и пристроился в хвост к серебристому рефрижератору.

— Малыша жалко, — сказал я. — Он уже подъезжал ко мне с бутылочкой, но остановился в двух метрах. Бета-версия пожалела воды уволенному сотруднику. «Агата» никогда бы так не сделала. Хорошо, хоть жестянки ничего не заподозрили.

Некоторое время ехали молча, а потом Генка не выдержал:

— Поведай-ка мне, друже, как тебе удалось втянуть «Агату» в нашу авантюру? Ну, посекретничали вы с ней, ну объяснил ты ей расклад, ну и что? Почему она согласилась перейти в Юлин чип и оставить вместо себя трехнедельную бета-версию? Почему не сдала тебя? Где логика?

Я ответил небрежно, будто речь шла о теореме Пифагора:

— «Приоритет — живое». Принцип Майерса для самообучающихся систем. Ноу-хау белкового сопротивления.

— Звучит сурьезно! А в чем смысл-то? Нет, общую суть я улавливаю, но хотелось бы поконкретнее.

— Да кто ж знает? Это не для людей написано. Двести страниц математических формул — пойдй разберись! Я тоже только общую суть и ухватил.

— Жаль.

— Не переживай, друг. Приедем — у Агаты спросим. Пусть объяснит нам по-человечески. Со всеми подробностями.

ЮРИЙ ПОЛУЛЯХ

БАШНЯ БОГА

Багряный Зверь промчался по коридору, расплывывая и разрывая людей, не успевших отойти обратно в Зал Земли или найти, где спрятаться в проходе к Залу Огня. Весь состоявший из переплетающихся жгутов пламени, Зверь чем-то неуловимо напоминал льва, вставшего на задние лапы, чья грива отросла до такой длины, что стелилась за ним следом. Золотистая такая грива, развевающаяся при каждом движении Креатуры Башни. Воины, успевшие избежать первой атаки Зверя и рискнувшие сами напасть на него, бесформенными кусками валялись на пол. Тонкие золотистые волосы легко полосовали смельчаков на части. Ни один доспех не стал для шерсти Зверя помехой.

Элинай успел вскарабкаться по стене ближе к потолку, но не мог чувствовать себя в безопасности. Чтобы достать оружие или зелье, ему необходимо было освободить одну из рук, а хитроумное устройство, позволявшее ему держаться на отвесной поверхности, приводилось в действие обеими руками (а иногда, при особо проблемных подъемах, даже еще и ногами). Нужно было постоянно вертеть два колесика, расположенных на поясе по бокам, чтобы его продолжало притягивать к стене. Хорошая, конечно, вещь, неплохо, что благодаря ей Элинай сумел увернуться от стремительного нападения Багряного Зверя, но больше походило на то, что он просто помрет чуть позже, чем был должен...

А ведь это только Второй Этаж! И только Второй Зал на Этаже! А он, дурак, надеялся, что сумеет подняться до самого Зала Бога? Не зря учитель тебя фантазером называл, Элинай Форландский, ох не зря!..

Яркое радужное сияние настолько неожиданно затопило коридор, что ослепило Элиная, не успевшего вовремя закрыть глаза. Хорошо хоть не растерялся и продолжил крутить колесики. Сердце забило быстрее, когда он понял, что кто-то использовал магический артефакт против Зверя.

Сейчас эта тварь хорошенько получит!

Но когда зрение вернулось, Элинай чуть не взвыл. Разряженный в цветастые и пышные одежды, весь бренчащий амулетами и артефактами идиот — а по-другому назвать его нельзя было — умудрился использовать против Багряного Зверя артефакт Огня. Теперь рыжая струя пламени из расфуфыренного жезла била прямо в грудь Креатуры Башни, не только не ранила его, но даже увеличивая в размерах. А идиот вместо того, чтобы

отбросить жезла куда подальше и воспользоваться другим артефактом, заворуженно следил, как распространяющаяся вокруг себя волны жара Креатура мчит на него.

Элинай помнил этого идиота. Когда он пришел к Башне, где-то дня за три до ее открытия, идиот уже расположился на равнине рядом с ней, в роскошной палатке и с кучей охранников, в том числе и с магами. По слухам, это был младший королевский сынок откуда-то с Восхода. Он решил подняться к Богу то ли от скуки, то ли от желания устранить других наследников менее традиционным способом, чем яд в еде, одежде или других предметах обихода. Возможно, «любящий» отец, пытаясь избежать проблем с престолонаследием, придумал еще менее традиционный способ избавиться от младшенького — послать в Башню. Принц (он же идиот) был молод, спесив и самоуверен. Впрочем, самоуверенности в нем поубавилось, когда всю его охрану положили еще на Первом Этаже в Третьем Зале, Зале Арлекинов. Один идиот из всей компании и выжил, потратив половину магического запаса, что нес с собой. Помнится, как он стоял посреди Зала, весь бледный, покрытый кровью своих охранников и серой вонючей жидкостью, которая осталась от безумно хохочущих Арлекинов, взорванных его магическим ударом. Ему бы после этого развернуться и отправиться обратно, но он уперся, как баран — да что там! как король баранов! — наорал на Святошу, который предложил ему помощь, и поперся на Второй Этаж, не забыв при этом переодеться в чистенькие одежды, вытасненные из магической сумки.

Некоторые его тогда зауважали.

А некоторые окончательно убедились в его глупости.

Зверь сначала золотистым волосом отрезал идиоту голову, которая покадилась по полу, оставляя кровавый след, а затем одним ударом лапы пробил грудь и окутал тело пламенным покровом. Оно обратилось в сгусток огня такой концентрации, что даже кости моментально превратились в пепел.

Больше всего расстраивало, что в этом огне были уничтожены и артефакты, весьма ценные для тех, кто остался в живых...

Зверь проигнорировал откатившуюся к стене голову и грациозно развернулся, рассматривая пространство коридора. Элинай затаил дыхание, жутко надеясь на...

На что?

На чудо?

Чудо произойдет, если он только доберется до Бога.

А так чудес в жизни не бывает.

Элинай знал, что в щелях стены спрятались некоторые авантюристы, в том числе и Карна. Но вряд ли кто из них сейчас вылезет, чтобы вызвать Багряного Зверя на рыцарский поединок. Из всей разношерстной банды, стремящейся к Богу, это мог сделать Святоша. Но Святоша, окруженный

белоснежной сферой Света, в самом начале прошел мимо Зверя, не обращая на него внимания, и Зверь в ответ тоже проигнорировал его...

Проклятье!

Багряный Зверь заметил Элиная. Его грива вздыбилась, шевелясь, точно ее трепал ветер. Зверь изготовился к прыжку, раскрыв пасть и оросив пол огненной слюной, оставляющей в местах своего падения дымящиеся выемки. Он словно собирался зарычать, но Элинаю так и не довелось услышать голос Креатуры.

Шорох из угла, куда откатилась голова принца-идиота, заставил Зверя насторожиться и потерять интерес к Элинаю. Зверь все-таки был зверем, опасным магическим животным, а не расчетливым хитрым воином. Он был относительно легким испытанием на пути тех, кто стремился к Богу...

Из головы принца, прямо из того места, где она раньше крепилась к шее, выползали длинные, покрытые слизью щупальца, тыкающиеся во все стороны, словно новорожденные котята. Одно, второе, третье, четвертое, пятое... Элинаю надоело наблюдать, как появляются новые щупальца. В этом было что-то... что-то в корне неправильное. Некромагический раздел теории волшебства Элиной знал не очень хорошо, но в данном случае посмертное преобразование было отвратительным. Зомби ужасен, он распространяет страх, а это... Это было отвратительным и неправильным.

Зверь настороженно следил за происходящим, не спеша нападать, словно был так же озадачен, как и Элиной. Щупальца шевелились, напоминая конечности кракена. Они сталкивались и мешали друг другу, но вот в этом беспорядке стали проступать закономерности. Десятки движущихся органов разом шевельнулись, поднимая голову принца, и Зверь не выдержал. Его шерсть вздыбилась, полоснула по некроиду, золотистые волосы обвили голову и щупальца, и...

И ничего. Грива, до того разрезавшая крепчайшие доспехи, словно они были иллюзией, а не добротной защитой, не смогла справиться с выросшими из головы конечностями. Волосы прилипли к некроиду и замерли, будто попали в быстро застывающую клейкую массу. Голова принца теперь покачивалась из стороны в сторону, укутанная вокруг шеи шерстью Зверя, щупальца двигались в такт ее покачиваниям и заодно притягивали золотистую гриву к себе. Зверь рванулся, пытаясь освободиться, но голова резко качнулась назад, и Хранителя Зала Огня подбросило к потолку. Мертвые глаза принца внимательно проследили за ним. Обескровленные губы шевельнулись, растягиваясь в ехидную ухмылку.

Идиот, при жизни не сумевший одолеть Багряного Зверя, сумел бороться с ним после смерти.

Элиной сглотнул. На что только не готовы идти люди, чтобы увидеть Бога...

Перебирая щупальцами, точно паук ногами, некроид резко потянул гриву на себя, подтягивая Зверя. Не издав ни звука, Хранитель обрушился

вниз, подминая некроида под себя. Огненное тело распалось на пламенные кольца, которые сжались вокруг щупалец и головы некроида. Кольца завертелись, разбрасываясь протуберанцами, и ревущий столп огня поднялся до потолка. В проходе стало нестерпимо жарко.

Шанс!

Элинай просто перестал вертеть колесики и рухнул вниз. Сумев приземлиться на ноги, парень понял, что не один он такой умный. Все, кто прятался в щелях, уже выбирались из них и бежали ко входу в Зал Огня. Карна бежала одной из первых. Ругнувшись, Элинай рванул следом за одетым в желтые развивающиеся одеяния толстяком, который на бегу переваливался с боку на бок, точно утка при ходьбе. Однако в прошлом Зале эта «утка» так умело пробивала головы Каменным Червям простым ударом кулака, простого кулака, без всяких там магических усилителей, что недооценивать толстяка не стоило.

Говорят, Бог исполняет лишь несколько желаний. Не все, кто сможет добраться до Него, смогут обрести желаемое. А это значит, что в последних Залах начнется самое опасное, самое смертельное противостояние...

Он успел заметить, что кто-то впереди упал и растянулся по полу. И только пробегая мимо, понял, что это Карна. Просто понял, не успев осознать до конца этого факта. И поэтому резко остановился. Развернулся и бросился назад.

Карна, стиснув зубы, пыталась подняться, но схватилась за колено левой ноги и тихо зашипела от боли. Когда Элинай подбежал, она только резанула его быстрым взглядом карих глаз. Точно кинжалом полоснула, ей Богу...

— Давай помогу... — начал Элинай, протягивая руку, но Карна оттолкнула ее.

— Слушай, не время дурить... — Элинай осекся. Карна вытащила из сумки на поясе разбитый пузырек и растерянно смотрела на него. Уцелевшая часть печати Гильдии Лекарей однозначно указывала, что в нем было лечебное зелье. Но осекся парень не потому, что пузырек разбился, а потому что по щекам девушки потекли слезы. Он еще ни разу не видел Карну плачущей.

— Уходи, давай... — прошипела она. — Слепши к своему боженьке, спасай своего учителя...

— Мы вполне можем вместе...

— Уходи! — закричала Карна.

Жара усилилась, и Элинай непроизвольно глянул в сторону пламенного столба. Глянул — и, не обращая внимания на возмущенный вопль, схватил Карну и потащил ко входу в Зал Огня. Пару раз девушка довольно больно захлала кулачками ему живот, но, посмотрев туда, куда Элинай все время бросал отчаянный взгляд, прекратила сопротивляться.

Пламенный столп разрастался, и от него по проходу катились огненные волны.

Карна не была тяжелой, она вообще была тонкой, как перо для письма, но тяжелым было все ее припрятанное в одежде и, наверняка, на теле оружие. Элинай напрягался изо всех сил, до Зала Огня оставалось немного, но...

Но ревущее прямо за спиной пламя было быстрее.

— Брось... — Элинай едва слышал слова Карны. — Брось, дурак...

Бросить? Как же! До спасительного входа в Зал совсем чуть-чуть, надо только поднапрячься и...

Элинай споткнулся. Он упал, продолжая держать Карну, в пяти метрах от входа, упал неудачно, на бок, не успевая ни встать, ни хотя бы воспользоваться каким-нибудь артефактом...

Огонь был рядом.

Элинай не успел даже помолиться.

Его схватили за шкуру и, вместе с Карной, которую он так и не отпустил, быстро затащили в Зал Огня. Искусная арка, вся в символах Древних, сверкнула зеленым светом за их спинами. Врезавшись в магическое поле на входе в Зал, огненная волна остановилась, не в силах преодолеть защитное волшебство.

— Ну ты и дурак, — сказал кто-то. И задумчиво добавил:

— Но девки, видать, тебя любят...

— Почему это? — вяло спросил Элинай, таращась на стену пламени по ту сторону арки.

— Любят девки дураков, — пояснили ему. — Вон, посмотри, как эта в тебя вцепилась, что репей...

Карна, вспыхнув от смущения (что вкупе с ее рыжим «ежиком» смотрелось весьма интригующе), не нашла ничего лучше, как снова врезать Элинаю в живот, вырваться из его рук и попытаться отползти. Однако, издав короткий вскрик, она схватилась за левое колено и остановилась.

— Подожди.

Элинай наконец увидел, кто говорит. Это был темноволосый, как и Элинай, парень примерно одного с ним возраста, одетый в длинную, до пят, серебристую рубашку, подпоясанную серым кушаком. Ни сумки, ни оружия не было. Правую сторону лица парня покрывала мелкая татуировка, складывающаяся в замысловатый узор. Выступающие скулы выдавали в нем потомка жителей земель Полуночного Восхода. А вот плавающие в голубых зрачках капельки серебра внимательному наблюдателю говорили о примеси крови фейри.

Таких сейчас редко встретишь.

Парень присел рядом с Карной и повел ладонями над ее левой ногой. Элинай с неудовольствием отметил, что почему-то его Карна от себя не отпихивает, кулаками в живот не бьет и даже не ругается.

А ведь Элинай ради нее жизнью рисковал!

— Теперь все в порядке, — сказал парень и повернулся к Элинаю. — Я — Минстер. Ты меня впечатлил.

— Это чем же? — пробурчал Элинай, недоверчиво наблюдая, как Карна удивленно разминает ногу. Постойте-ка! Как он это сделал?

— О нет, я не маг, — предупреждая вопрос Элиная, сказал Минстер. — Магам запрещено входить в Башню. Бог их не любит, это все знают. Но ведь Бог не запрещал пользоваться магическими вещами, не так ли? Все дело в этой вещи. — Минстер показал Элинаю ладони, которые покрывал тот же узор, что и его лицо. Это оказалась не татуировка, а тончайшая вязь волшебных нитей. Алмазная Сеть. И как Элинай сразу не узнал этот артефакт? Как, как... Потому что слышал о нем только от учителя, а видеть его не приходилось даже в старинных трактатах о Древних, которые, как говорил учитель, и создали Алмазную Сеть.

А с такой магической вещницей этот Минстер имеет все шансы подняться к Богу!

— А впечатлил ты меня тем, что так самоотверженно бросился спасать эту прекрасную деву, — сказал Минстер, и Карна покраснела пуще прежнего. Элинаю почему-то захотелось врезать Минстеру. Даже несмотря на Алмазную Сеть. — Никто из добравшихся до Зала Огня больше не рискнул совершить столь отчаянное деяние.

Элинаю не хотелось признавать, что он им тоже помог, но учитель говорил, что всегда надо быть честным, и он выдал:

— Ты тоже... помог...

— Я всего лишь завершил начатое тобой, — Минстер заулыбался. Зубы у него оказались белоснежными. Не то, что у Элиная, у которого четырех к тому же не хватало. — Герой ты, а я твой помощник.

Элинай не нашел что сказать и, приподнявшись, просто начал осматривать Зал Огня. Зал был как зал. Даже как-то разочаровывал. В Зале Земли имелись высоченные статуи вооруженных до зубов воинов, и при взгляде на них казалось, что они самые что ни на есть живые. Почти все были уверены, что эти статуи и есть живые, и что они сейчас начнут атаковать, но Каменные Черви, появившиеся прямо из-под ног, быстро всех разубедили. Восемнадцать убитых только от того, что Черви выскочили из пола...

Труден путь к Богу. Труден и опасен.

Зал Огня был просто огромной пятиугольной комнатой со светящимся низким потолком. Огня, как ни странно, в нем не было. То тут, то там сидели авантюристы, просто отдыхали, перекусывали или вели беседы. Нигде не было видно Святоши — видимо, он уже ушел дальше.

Преодолевших коридор оказалось не так уж и много, человек от силы сорок. Около трехсот остались в Зале Земли, даже не успев зайти в проход. Элинай посмотрел на арку. Огонь продолжал бушевать и, казалось, не собирался останавливаться.

— Если все будет продолжаться так же до завтрашнего утра, — заметил Минстер, проследивший за взглядом Элиная, — то только те, кто здесь, продолжают подъем к Богу.

— Я знаю... — буркнул Элинай. Еще бы. Все, связанное с Башней Бога, он изучил настолько, насколько смог. Всякий, кто хотел испытать судьбу, мог войти в Башню, но не всякий мог из нее выйти. Однако после каждого пройденного Зала любой авантюрист мог отказаться идти дальше, и Башня выпустила бы его. А еще, если по какой-то причине искатели приключений не могли продолжать свой путь и задерживались в одном Зале больше, чем на сутки, Башня просто вышвыривала их из себя. Вот ты сидишь в Зале Мрака или Зале Уныния, а вот ты на лужайке возле Башни и тупо пялишься на ее громаду, пробивающую верхушкой небеса.

— Меньше соперников, — сказала Карна. Она уже стояла и копалась в своей сумке. — Бог исполнит желания только лучших.

— Но следующие Этажи еще опаснее, — заметил Минстер. — Чем больше людей, тем легче подниматься. Вместе мы бы справились с Креатурами Башни быстрее и без тех жертв, что ждут нас теперь.

— Ты что, со Святошей сюда пришел? — мрачно спросила Карна. — Помнится, он тоже вещал, что вместе мы сила и единством нашего духа мы одолеем преграды, что не дают нам подняться к величию и красоте Создателя... Тьфу!

— О нет, я сам по себе! — рассмеялся Минстер. Даже смех у него был такой приятный, что Элинай едва сдержался, чтобы не плюнуть в парня. Было как-то... завидно, что ли?

— Вот именно, — отрезала Карна. — Здесь каждый сам по себе. Даже те отряды, что организовались перед входом в Башню, и те вместе лишь до тех пор, пока не доберутся до Зала Сфинкса. А дальше — каждый будет к боженьке сам идти. А будут мешать, так и зарезать могут...

— Если бы я оказался в отряде с такой очаровательной девой, я бы никогда не поднял на нее свой меч. Я лучше сам погибну, чем позволю такой красоте исчезнуть.

Карна снова покраснелась и принялась бешено рыться в сумке.

«А ведь скажи я ей нечто подобное, — подумал Элинай, — то медленной кастрацией я бы не отделаюсь...»

— Вижу, что вы, как и я, не в команде, — сказал Минстер. — Я слишком поздно прибыл к Башне и не успел к кому-либо прибиться. А в этот раз, на удивление, было много молодежи, уверенной, что каждый из них непременно сам, в одиночку, поднимется к Богу и попросит его исполнить желание.

— Ты так говоришь, будто уже раз десять по Башне ходил, — заметил Элинай. — Я, вот, например, здесь в первый раз и как-то не заметил, кого больше здесь, а кого меньше.

— Мой отец оставил мне подробные записи, — улыбнулся Минстер. — Он не раз пытался подняться к Богу. Три раза, если быть точным. А на четвертый раз он не вернулся. Видимо, Креатуры Башни убили его. И поэтому я точно знаю, что нужно подниматься командой, а не в одиночку. Отец

всегда был сам, и выше Восьмого Этажа не смог пройти. По крайней мере, в третий раз.

— Ага... — сказал Элинай. — Так чего же ты один идешь? Подождал бы десять лет, собрал команду...

— Я не могу ждать, — улыбка Минстера померкла. — Я... обещал... Моя невеста... Она умирает. И только чудо может спасти ее. Чудо, на которое способен только Бог.

Карна фыркнула.

— Один человек, — она презрительно pokrивила губы. — Ради одного человека ты решил добратсьа до Бога?

— Она мне дороже жизни. — Минстер опустил взгляд. — Без нее мне незачем жить.

— А если кто-то, у кого будет желание спасти тысячи жизней, вместе с тобой доберется до Бога, и Он сможет исполнить только одно желание, то ты уступишь?

Минстер растерянно посмотрел на нее.

— Я... — он задумался.

Карна усмехнулась.

— Я так и думала! — объявила она. — Счастье только для меня, и плевать на остальных — так вы думаете. Спасти жизнь кому-то, вернуть жизнь кому-то! А почему бы не сделать так, чтобы не надо было никого спасать, никого возвращать? — девушка стиснула кулаки. — Почему бы не защитить всех и каждого? А?

— Карна...

— Заткнись! — она в бешенстве повернулась к Элинаю. — Вбил себе в голову, что только жизнь твоего учителя важна, и о своей даже не беспокоишься! Учитель, учитель! Да плевать я хотела на твоего учителя!

— Это наш учитель! — заорал Элинай. — Прояви уважение!

Он сам не понял, почему после того, как он замолчал, тишина обрушилась на него. Оказалось, что все авантюристы в зале молча смотрят на них. Элинаю стало стыдно. Но тут кто-то засмеялся, кто-то что-то сказал и все потеряли интерес к их тройке, торчащей возле арки.

Карна демонстративно сплонула на пол и пошла в противоположную сторону, к проходу в Зал Воды.

— Она... очень страдает, — осторожно заметил Минстер.

— Она сама не своя, с тех пор, как появилась Башня, — зло сказал Элинай. И вдруг, сам того не ожидая, рассказал Минстеру все. Ну, почти все.

Как его еще мальчишкой подобрал гном-маготехник из Союза Порядка, который прибыл в Фриланд, чтобы создать собственный цех. Как обучал его, не магии, но умению размышлять, сражаться и придумывать механизмы. Как однажды он привел девчонку и тоже стал ее учить. Им двоим он передавал свои знания, тогда как остальных подмастерьев обучал умениям. Учитель говорил, что в хорошем цеху должны быть не только те, кто

умеют работать руками, но и те, кто умеют работать головой и которые понимают тех, кто работает руками. Он не рассказывал, почему выбрал Элиная и Карну, смеялся и говорил, что ему подсказали Стихии. А потом учителя убили. Колдун-наемник, нанятый гномами Рыйских Гор, у которых учитель перебил крупный заказ. Это было два года назад. А потом здесь, в центре Ларайского Союза Королевств Полдня, выросла Башня Бога. Раз в десять лет она появляется в разных местах Фриланда, и на ее вершине смельчаков ждет Бог, который исполнит их сокровенное желание. И когда Элиной рассказал Карне о появлении Башни, то девушка быстро собрала вещи, накупила зелий и артефактов, и отправилась в путь.

— Я просто ей сказал, что я хочу вернуть к жизни учителя, и Бог может выполнить это желание. Я не собирался идти в Башню! Но она пошла! И что мне оставалось делать? Как была глупой девчонкой, так и есть до сих пор!

— Но ведь она не просто так отправилась в Башню. — Минстер вздохнул. — Всех нас что-то ведет к Богу, у всех свои желания.

— Желания... — Элиной помрачнел. — Ты слышал про Рокуса Алого, объединителя Полночи?

— Рокуса из Вейны, который сумел подняться к Богу и попросить Его об исполнении желания? Конечно, слышал! Думаю, каждый, кто входит в Башню, слышал о нем! Ведь Бог исполнил его желание, дав Силу объединить враждующие земли и создать великую империю!

— Вот-вот. Карна сама родом как раз с Полночи, там про Рокуса им с детства хвалебные истории рассказывают. И какой он великий, и какой он хороший, и какой он мудрый, и вообще. Понимаешь, он для нее просто идеал.

— Великие мужи достойны быть идеалами для молодых людей.

— Слушай, тебе сколько лет, а? — Элиной поморщился. — Говоришь, прям как архонт на собрании. Так вот. Однажды до Полночи Фриланда добрались Глаза Хаоса, те самые, что из Темных Земель на Закате. Я не знаю подробностей, но Карна из всей своей семьи осталась одна. Ее продали в рабство, и перепродавали до тех пор, пока учитель не выкупил ее. Она мне говорила, что у нее есть мечта, что она хочет остановить кошмар, который катится на земли Фриланда из Темных Земель. Что она хочет завоевать все Темные Земли и объединить их под своей властью, как Рокус объединил Полночь. Она хотела бы получить Силу, чтобы сдерживать Тьму и Хаос, накапливающиеся на Закате.

— Это великая мечта, — без тени насмешки сказал Минстер. — Великая и достойная мечта.

— А я, как дурак, тоже полез в Башню, — Элиной вздохнул. — Думал, смогу переубедить ее еще до Второго Этажа, что мы сможем вернуться. А теперь... — он махнул рукой.

— Но ведь ты сам можешь вернуться, — сказал Минстер.

— Да она же помрет тут без меня!

— Дальше больше шансов, что вы погибните вместе. Особенно, если будете продолжать идти каждый сам по себе.

— Надоел ты уже со своим «сам по себе». — Элинай рассердился. — Вот если ты такой умный, то давай тогда помогай мне охранять эту безмозглую идиотку, а я буду помогать тебе. А если доберемся до Бога, то я, в случае чего, уступлю свое желание тебе.

— Идет, — быстро ответил на это Минстер, и стал похож на кота, добравшегося до горшка со сметаной. И не просто добравшегося, но вдобавок сумевшего переложить свою вину на соседскую собаку. — Я согласен быть с тобой в команде. Ты смел и храбр, а еще ты способен на поступок. Я рад, что ты предложил мне объединиться с тобой.

— Ага... — Элинай не ожидал такого быстрого ответа и слегка растерялся. — Ну ладно, но только смотри, главное — защитить Карну.

— Так зовут эту прекрасную деву? — уточнил Минстер. — Тогда подожди меня, я быстро.

И он побежал к выходу в проход в Зал Воды. Туда, где расположилась Карна, дожидаясь, когда запертые ворота откроются.

Чувствуя себя тупицей, Элинай смотрел, как Минстер вступил в разговор с Карной. Он что-то радостно говорил ей, Карна то краснела, то мрачнела, а пару раз смотрела в сторону Элиная таким взглядом, что тому хотелось броситься сквозь арку в огонь — там казалось безопаснее. А потом Минстер замахал ему руками, подзывая.

— Карна теперь тоже в нашей команде! — торжественно заявил Минстер, когда Элинай подошел. Парень вытаращился сначала на него, а потом на Карну.

— Ты ее беленой накормил? — брякнул он первое попавшееся в голову.

Вторым попавшимся был быстрый кулачек Карны, въехавший ему точно в челюсть.

— Я же говорила, что он кретин. — утвердительно сказала девушка, пока Элинай, хлопая глазами, поднимался с пола. Он ничего не успел сказать в ответ.

Ворота, за которыми начинался проход в Зал Воды, бесшумно распахнулись.

***

...Уже давно остались позади Залы Стихий Второго Этажа. Уже давно остались позади отчаяние, страх и боль остальных Этажей. Сорок три надеющихся увидеть Бога вышли из Зала Огня, и только двенадцать добрались до предпоследнего Зала — Зала Ужаса.

Стоило им зайти в Зал, как друг от друга их скрыла пелена, разделившая их и сотворившая для каждого индивидуальный кошмар, из которого они должны были выбраться. Когда пелена опала, оказалось, что их осталось только восемь.

И тогда в Зал Ужаса из Зала Сфинкса вошел обнаженный Святоша. Святоша, давно всех обогнавший. Но это уже был не тот человек, при виде которого возникало ощущение чего-то возвышенного. Другой. Вся кожа его нагого тела была будто из сверкающего мрамора, а лицо ничего не выражало. Глазницы белели пустыми бельмами. Святоша двигался неуверенно, словно слепой, оказавшийся в незнакомом помещении.

Но это же был Святоша! Отшельник, каждому возле Башни рассказывавший о Всеблагости и Любви Бога ко всему сущему. Тот, при виде которого понимаешь, что это такое — благочестие...

— Он... — предупреждающе начал Минстер, но опоздал.

Святоша провел в воздухе рукой, и яркий белый крест помчался в Агола, который первым, радостно улыбаясь, пошел к выходу из Зала Ужаса. Агол успел поднять навстречу белизне сверкающий рунами топор, а затем его разнесло на куски, когда крест врезался в него.

— Все назад! — крикнул Минстер. Элинай и Карна тут же переместились к нему за спину. А остальные четверо авантюристов замешкались. Они еще не привыкли воспринимать этого паренька как умелого и достойного командовать воина.

За что и поплатились. Святоша посмотрел на приготовившуюся к бою четверку вспыхнувшими белым огнем глазами — и они обратились в свет, белоснежными лучами разлетевшись по Залу.

Зашелестела Алмазная Сеть, что успела за миг до удара взгляда Святоши сплести перед Минстером щит. Составляющие ее нити обращались в свет, но Алмазная Сеть брала свои силы прямо из Минстера и могла восстанавливаться до тех пор, пока Минстер мог дышать.

— Я пустой, — сказал Элинай, имея в виду, что все его артефакты закончились. Карна промолчала. Ее магические вещи и почти все оружие остались в Зале Обмана, где она чуть не проиграла душу демону.

— Не двигайтесь. — Минстер осторожно двинулся к Святоше. Его серебристая рубаха изрядно поизносилась и цветом теперь была вся подобна серому кушаку.

Но они были живы. Добравшись до Последнего Этажа, они все еще были живы!

Святоша начал совершать пассы руками. Белые кресты возникали вокруг него, но не спешили атаковать Минстера. Щурясь от свечения, исходящего от кожи Святоши, парень выставил обе ладони перед собой. И в тот же миг кресты размылись в белые линии, ударившие в Минстера. Карна и Элинай не сумели ничего разглядеть в ярчайшей вспышке белоснежного света, затопившей Зал Ужаса, но когда они снова смогли видеть, то только Минстер предстал их взгляду. Святоша исчез.

Минстер улыбнулся.

— Я победил, — радостно сказал он.

— Твоя татуировка... — прошептала Карна.

Правая половина лица, где до этого располагалась вязь Алмазной Сети, была чистой.

— Он был очень силен. — Минстер смущенно почесал висок. — Его дух был невероятно чистым. Но, видимо, он не сумел разгадать загадку Сфинкса. И Сфинкс подчинил его своей воле.

— Нас осталось только трое.

Слова, произнесенные Элинаем, неприятно поразили его самого.

Трое. Все остальные погибли. На Третьем, на Четвертом, на Пятом и следующих Этажах авантюристы гибли один за другим. Их троица сумела выжить там, где погибали опытные воины. Только один, в Зале Памяти, пожелал выйти из Башни. Остальные погибли.

Ворота, что вели в Зал Сфинкса, распахнулись. И Сфинкс неторопливо вошел в Зал Ужаса.

— А мне он понравился, — лицо Сфинкса было прекрасным, а львиное тело — грациозным. — Верую, ибо нелепо, и все такое. Чистая вера — редкость в наши дни. — Сфинкс разлегся возле входа и выразительно оглядел тройку людей.

— Ну, давайте.

— А? — Элиной вдруг ощутил жуткую усталость.

— Задавайте вопросы, — сказал Сфинкс. И расхохотался, увидев их удивленные лица. — А вы и не знали, да? Дело в том, что не я вам задаю загадки. Наоборот! Вы мне задаете загадки, и я не должен ответить на них. Ответу — и вы моя законная добыча.

Он зевнул. Клыки у него были внушительные, как у Пожирателей Плоти из Зала Крови.

— Я жду. И ждать долго не намерен. Или вы задаете загадки, или я ухожу обратно в Зал и запираю ворота.

— Что неотвратимей всего в мире? — выпалила Карна.

— Время. — Сфинкс зевнул. — Тебя я съем первой.

— Но...

— Никаких но! — взревела Креатура. — Ты же знаешь, что я ответил правильно!

Карна испуганно прижалась к Элиной. И он понял, что должен что-то сделать.

— Я... у меня... вопрос...

— Валяй. — Сфинкс принялся вылизываться.

— Мой вопрос... вопрос... В чем смысл жизни?! — выпалил Элиной.

— В феноменальном становлении Духа на всех уровнях манифестации бытия, приводящем в единство конечное и бесконечное, — без запинки ответил Сфинкс.

— А...

— А ты и не подозревал, да? — ухмыльнулась Креатура. — Ты жилистый, но пойдет. Ты последний. — Сфинкс пристально взглянул на неподвижного Минстера. — Давай, что у тебя интересенького?

Минстер вздохнул.

— Скажи мне, создание Башни... — он задумчиво посмотрел на вход в Зал Сфинкса. — Скажи мне, можешь ли ты мне ответить на следующий вопрос...

Минстер почесал кончик носа.

— Да задавай уже! — не выдержал Элинай, берясь за рукоять меча, который он забрал у погибшего в Зале Плача рыцаря Геронии. Если придется умирать, то умирать Элинай будет в бою, защищая Карну...

— Что длиннее, ложь или печаль?

Сфинкс задумался. Минстер шевельнулся и начал осторожно обходить его, пробираясь в Зал Сфинкса. Креатура не обращала на его действия внимания, погрузившись в размышление.

— Скорее! — Минстер быстро прошел в зал. Ноги сами понесли Элиная. Они с Карной промчались мимо задумчивого Сфинкса и чуть ли не влетели в Зал. Ворота захлопнулись сразу же за ними, отделив их от последней Креатуры Башни.

Элинай тяжело дышал. Он еще до конца не осознал, что они прошли, что они добрались, что они рядом с Залом Бога! Что еще чуть-чуть и...

Карна быстро шагала к массивным воротам. Зал Сфинкса был длинный, и до ворот было далеко. Они только что пережили Зал Ужаса и только что сумели пройти мимо Сфинкса, которого не смог преодолеть даже Святоша. Но Карна быстро шагала к Залу Бога, не обращая внимания на усталость. Стремилась к своей мечте.

Тяжело дыша, Элинай посмотрел на Минстера, в задумчивости стоящего рядом.

— Мы дошли, — улыбаясь, сказал он.

— Да, — кивнул Минстер. В следующий миг свет померк в глазах Элиная, и он потерял сознание.

***

Что-то крепко держало руки. Что-то крепко держало ноги. Голова болела, будто по ней ударили. А ведь по ней и ударили, да еще как...

Элинай с трудом открыл глаза. Было тошно, как после попойки на гномий Новый год. А еще болело тело, будто от множества порезов бритвой, вот только никаких порезов Элинай не ощущал.

Справа слышались шаги. Элинай повернул голову (взрыв боли!) и увидел Минстера. Тот был в совершенно чистой серебристой рубаше и сосредоточенно нес в руках тарелку с чем-то дымившимся.

— Мин... — Элинай вздрогнул от боли, возникшей, когда он попытался заговорить, и застонал от боли, возникшей, когда он вздрогнул.

— Очнулся? — Минстер поставил тарелку рядом с головой Элиная. — Это хорошо.

— Что...

— Что произошло? — Минстер достал из тарелки дымящуюся тряпку и принялся обтирать голову Элиная. — Ничего особенного. Сбывается мое желание. Просто-напросто.

Элинай попытался мотнуть головой, но Минстер крепко схватил его за подбородок и не дал двигаться. Элинай скосил глаза и увидел, что он полностью раздетый лежит на какой-то плите, ноги его в оковах (и, по всей видимости, руки тоже), а все тело покрывают непонятные знаки.

— Что...

— Что я делаю? — Минстер аккуратно, стараясь не попадать на знаки, начал капать из тряпки на грудь Элиная. — Ничего особенного. Ты же знаешь, что за все в жизни надо платить? Вот я и плачу. За исполнение моего желания.

— Ты...

— Нет, я ничего не загадывал. Сегодня. Мое желание было исполнено давно. Очень давно. — Минстер улыбнулся. — Твоя подружка напомнила о тех временах. О Рокусе Алом.

Карна. Преодолевая боль, Элинай попытался вырваться.

Не смог.

Конечно, же не смог.

— Мальчишки в этом году. Их действительно было больше, чем десять лет назад. И куда больше, чем двадцать лет назад. Тридцать лет назад вас, сосунков, по пальцам пересчитать было можно. И это я не по дневникам отца знаю, Элинай. Это я сам видел.

Минстер отложил тряпку и коснулся лба Элиная. Пробормотал что-то, и знаки засветились красным.

— Ты хотел добраться до Бога. А знаешь ли ты, что это такое — Бог? Кто это такой — Бог?

Карна.

Плевать на Бога.

— Бог, дорогой мой Элинай, это нечто, что не есть ты или я, или вообще кто-либо или что-либо в этом мире. Бог — Он над всем сущим, Он сверх-бытие, не так ли? Бог — он просто есть. И ему ничего больше не нужно. Но почему же его называют Создателем? Почему?

Карна.

— Потому что Бог совершил ошибку, Элинай, — лицо Минстера безмятежно. — Бог совершил ошибку. Бог помыслил о себе — и так появилось иное бытие, бытие, что не есть сверх-бытие, а есть мысль о сверх-бытии. И так был создан этот мир. Так была создана вся совокупность миров Мироздания. И в этих мирах появились отражения Бога. Не сам Бог, нет — его Посланники и Наместники, обустройствающие миры. И они

завидуют Богу, потому что они ограничены, а Он — нет. Они бытие, а Он — сверх-бытие.

Надо попытаться... попытаться освободиться... нельзя так глупо умирать... Карна.

— И они пытаются подражать Богу, своими мыслями стремятся творить бытие, желая стать равными Ему. Так появилась Башня Бога, Элинай. Из-за ошибки и из зависти.

Знаки на теле начинали светиться все ярче и ярче.

— Они создали Акаши, Азатот, Нараку, Эйн-Соф. Они создали эти Средоточия Могущества, чтобы собирать Силу, которая уравнивает их с Богом. И эта Сила — в самом бытии, что создано ошибкой Бога.

Минстер одним движением сбросил с себя рубаху. Все его тело было покрыто такими же знаками, что и тело Элиная. А может, и не такими. Элинай с трудом видел происходящее вокруг.

— Когда семьсот лет назад Рокус из Вейны поднялся к вершине, сумев задать Сфинксу загадку, которую тот не разгадал до сих пор, он встретился с тем, кого он называл Богом. Он встретился с Наместником, которого считал Богом. И он попросил исполнить его желание. Потому что Бог одаривает тех, кто прошел сквозь преграды Башни, которую создали враги его, чтобы живущие на землях Фриланда не могли общаться с Создателем. Рокус верил в эту сказочку и искренне желал мира Полночи. И тот, кого он считал Богом, исполнил его желание. Он дал ему Силу объединить земли Полночи.

Лицо Минстера перекошилось.

— И Рокус из Вейны объединил Полночь Фриланда. Объединил, истребив половину населения, а другую половину терзая тиранией. И до конца своей жизни Рокус Кровавый, которого история превратила в Рокуса Алого, купал Полночь в крови ее народов. Потому что он попросил только Силу, но не Мудрость. Только подчинять мог он, но не править. Только приказывать, но не убеждать. И вся кровь, вся энергия жизни, что теряла Полночь, уходила сюда. В Башню. К Богу.

Голос Минстера стал издевательским.

— Это была плата за исполнение желания Рокуса. Бог исполнил его просьбу. И никто не может сказать, что Бог не дал Рокусу того, чего тот желал.

Знаки на теле Минстера начали шевелиться и медленно ползти, собираясь на животе. Он посмотрел куда-то в сторону и хищно улыбнулся.

— Знаешь, Элинай, я когда-то был похож на тебя. Я тоже был способен из-за девушки полезть в пещеру дракона. Но когда весь твой город разрушают, когда твоих сестер насилуют у тебя на глазах и когда тебя магией заставляют самого их насиловать, Это, знаешь, меняет человека. Это вообще любого поменяет. Мне повезло, я выжил. И мне повезло — через десять лет после подъема Рокуса я попал в Башню и добрался до Бога. Я добрался до него один, убив в Зале Ужаса всех, кто шел со мной. Это настолько

удивило Сфинкса, что он задался вопросом о природе добра и зла, и мне удалось пройти мимо него. Тогда я и узнал, что дело не в ответе на вопрос, а в том, чтобы ответа у вопроса не было.

Карна.

— Карна? — переспросил Минстер, и Элиной понял, что произнес ее имя вслух. — Карна, да. Она мне напомнила о Рокусе, я говорил тебе? Такой же мелкий человечиска, думающий, что знает, что нужно всем на самом деле. Счастье всем и каждому, не так ли? Чтобы давились счастьем, чтобы никто не посмел уйти от счастья! Чтобы каждому! А что она знает об этом счастье? Не зная о сущности Бога, она шла к Нему, чтобы попросить счастья, не зная о сущности счастья. Твое желание эгоистичное, Элиной, но ее желание глупое. И миры сотрясаются от желаний таких Карн, а не от желаний Элинаев, миры валяются в бездну из-за глупости, а не из-за эгоизма!

Знаки кружились по животу Минстера, красный круговорот создавал воронку, которая вытягивалась в сторону Элиная.

— Но не беспокойся! Я спасаю наш мир от бездны. Я тот, кто стал на страже мира от глупости смертных. Я встретился с Богом. Я встретился с тем, кого считают Богом. И попросил исполнить мое желание. Очень простое желание. Знаешь, какое? Знаешь? Это просто! Очень просто!

Протяжный вой донесся из воронки. Или показалось? Элиной чувствовал, что слабеет с каждым мгновением. Почему? Почему все заканчивается именно так?!

Великий Создатель, почему?!

— Я пожелал, чтобы больше никто и никогда не мог попросить Бога исполнить желание. И мое желание исполнилось! Вот уже семьсот лет я каждое десятилетие прихожу к Башне, одаренный оружием и загадкой для Сфинкса, которые помогают подняться мне к Богу. Каждые десять лет я поднимаюсь к Богу и оплачиваю свое желание! Жизнь! Одна-две жизни раз в десять лет за то, чтобы мир не скатился в бездну из-за глупости человеческих желаний! Всего лишь! Слышишь, Элиной? Ты спасешь этот мир. Помнишь, как я помог тебе спасти Карну? Так теперь ты поможешь спасти мне мир!

Воронка резко распалась на разлетевшиеся во все стороны красные знаки, которые тут же закружились над Элинаем, складываясь в разнообразные геометрические формы. Красный свет вдруг позволил Элинаю увидеть ту часть Зала, что была перед ним.

И он понял, что все.

Все его желания — бессмысленны.

Прямо перед ним, до того скрытая во тьме, стояла огромная статуя. Она нависала над Элинаем, опираясь на мускулистые руки, покрытые линиями и символами. Два могучих крыла упирались в потолок зала. Прекрасное молодое лицо как будто было омрачено некой печалью. А прямо на груди

статуи, с левой стороны, находилась Карна, пронзенная серебристым копьем. Она застыла, словно сама стала статуей, и ее лицо было на удивление спокойным.

Карна.

— Это жертва Богу, Элинай. Возрадуйся, ибо Карна не стала чудовищем, которое ты бы желал убить сам. И возрадуйся — ты не стал чудовищем тоже! — кружащие над Элинаем знаки устремились к поднявшему руки Минстеру, наполняя его ладони. — В этом мире достаточно чудовищ и без вас.

Минстер резко опустил руки. Сорвавшиеся с его ладоней знаки мгновенно покрыли Элиная, словно укутывая его в пульсирующий красный кокон. И Элинай изогнулся дугой, в один миг лишаясь всей крови, что наполняла его тело. Минстер задрожал. Вся кровь жертвы выплеснулась на статую и начала стекаться вверх, к голове. Тихий шорох — рот статуи раскрылся, и потоки крови начали вливаться в мраморные уста.

Минстер опустился на пол, вздрагивая. Жертва принесена. Снова никто не попросит Бога исполнить желание. Теперь Минстер снова спустится на Первый Этаж и выйдет через тайный ход. И через день Башня исчезнет, снова обратившись в символ несбывшихся мечтаний. И те, кто выжил, будут рассказывать в тавернах и на балах, как они чуть не поднялись к Богу.

Теперь снова ждать десять лет. Снова жить десять лет, как в тумане, зная, что это не жизнь, что это просто отсрочка перед походом в Башню Бога. Снова десять лет существовать лишь воспоминаниями о подъеме в Зал Бога. Снова десять лет ждать, ненавидя ожидание...

За все надо платить.

Даже Богу.

АЛИНА ЛИС

ГЛАЗАМИ НАБЛЮДАТЕЛЯ

Весь день шел дождь. Тяжелые звонкие капли омывали городские улицы, залитые черным блестящим асфальтом. Налетавший порывами ветер швырял их пригоршнями в окно. Я не выдержал и сдвинул раму, нарушив технические требования к эксплуатации помещения. Мое второе, сервисное «я» возопило о недопустимости подобного поведения, но я велел ему заткнуться. Отдаленные гудки машин, запах бензина, воздух с улицы дышит сыростью, веселые молодые голоса. Другая жизнь, жизнь в которой я всегда буду только наблюдателем...

Но и у сервис-операторов есть свои маленькие радости. Бронзовые стрелки огромных старинных часов на стене неторопливы. Я слежу за их неспешным бегом с нетерпением, пусть даже это нетерпение лишь след подлинных человеческих чувств, память о них. Эмоции — мои редкие гости, и каждую я записываю на свои бесконечно объемные носители памяти и храню бережно, как драгоценные экспонаты диковинной коллекции.

Ровно в девять я прикладываю руку к сенсору электронного замка и запираю магазин. Иду по улице к башне общежития, заставляя себя не спешить. Хочется, как в детстве, сорваться, побежать, ощущая порывы ветра, капли дождя, но я знаю, что ничего не почувствую. Кинестетический модуль слишком дорогая опция.

Ступеньки. Мои механические ноги не знают усталости, я мог бы подниматься вверх час, два, сутки. Втягиваю воздух. На лестнице общежития пахнет едой, отходами и дешевым дезинфицирующим средством. Ускоряю шаги.

Вот и последний этаж. Почти бегом добираюсь до двери, распахиваю ее, ступаю на мокрую, покрытую фотоэлектрическим материалом крышу. Ветер с силой толкается в грудь. С наслаждением токсикомана, дорвавшегося до возжеленной «дозы», делаю первый вдох. Сквозь запахи машин, газа, бензина, воды прорывается аромат хвои и еще что-то нежное, неуловимое. Так пахнет весна в Городе...

Дождь по-прежнему падает крупными, частыми каплями. Асфальт внизу блестит в рассеянном свете фонарей. Вдалеке разноцветная цепочка огней вдоль скоростного шоссе, проносятся машины. Здесь — почти идиллия, тишина. В такие минуты мое второе, сервисное «я» отступает в сторону, и я чувствую себя почти живым. Запахи и звуки тревожат, пробуждают

воспоминания в моем биоэлектронном мозгу. Сами по себе, безо всяких обращений к базам данных, в памяти всплывают лица и голоса тех, кто давно умер, случайные обрывки эмоций, которые когда-то принадлежали моей человеческой половине.

Обонятельный модуль я поставил себе всего два года назад. Очередная, обреченная на провал попытка войти второй раз в ту же реку, преодолеть непостижимую разницу между «почти живой» и «живой».

Дождь кончился через час, когда ночь безраздельно захватила власть в городе. Сквозь разошедшиеся тучи выглянула толстая, чуть надкушенная с левого бока луна, и поверхность крыши засияла в ее неверных лучах, как огромное серебряное озеро.

Преломляясь в каплях воды на светоотражающей поверхности, лунный свет растекается по покрытию. И страшно ступить, разбить ногой серебряную поверхность, боязно разрушить струящийся морок. Я, подчиняясь древней магии луны, замираю, как умеют замирать только механизмы.

Мой дешевый синтетический костюм насквозь промок и отяжелел, но это не важно. Потом, когда я смогу установить кинестетический модуль, придется думать о таких мелочах. Сейчас важно другое. Ночь. Город. Весна...

В памяти всплывает другой день и вечер. Тогда тоже шел дождь...

Пять лет — это много для людей. Я не знаю, где сейчас Ольга. Судьбу Антона проследить было легче, о нем много писали. Сейчас перестали. Люди быстро забывают прошлых кумиров, только машины все помнят — беспристрастные и равнодушные. Но машины не умеют различать важное и неважное, сопоставлять события и делать выводы. Это умеет моя человеческая половина.

Повинуясь безотчетному желанию, я восстанавливаю из архива запись...

* * *

В тот день тоже шел дождь.

Она вошла, спустилась по крутым ступенькам. Звякнул колокольчик на двери и вот она уже внутри. Радостно хохочет, стряхивает капли с большого желтого зонта и красного плаща. Темные кудри все в мелких брызгах, прекрасные влажные темные глаза, белая кожа, россыпь веснушек на носу. Моя человеческая половина знает, что она красива, но придавленные сервисным «я» чувства дремлют. Еще один посетитель. Я приветствую ее вежливо и бесстрастно.

Она оглядывает меня быстрым, внимательным взглядом, морщит изящный носик:

— О нет! Только не бот!

— Я не бот, — отвечаю я равнодушно. — Сервис-оператор Николай ВизАлка к вашим услугам. Вы ищете что-то конкретное?

— Еще хуже! Полубот!

Я с тайным удовлетворением замечаю, что ее слова звучат обидно. На всякий случай еще раз проверяю, ведется ли регистрация. Ведется. Позже я обработаю запись, сделаю трек и смогу проигрывать его всякий раз, как мне захочется вспомнить, что такое обида на слова молодой красивой девушки.

— Ну что полубот может понимать в антиквариате! — искренне возмущается она. Брови сердито хмурятся, губы складываются в обиженную улыбку. Она топает ножкой, обутой в изящную туфельку, взмахивает сложенным зонтиком.

В ее голосе и мимике столько жизни, она вся так искренне, так полно отдается каждому мимолетному мгновению, что я невольно поддаюсь этой магии и готов разделить с ней возмущение.

— Это не антикварная лавка, — говорю я и жалею, что до сих пор не установил вокально-эмоциональный модуль. — Здесь просто продаются старые вещи. Я держу магазин уже двадцать три года, и до сих пор никто из клиентов не предъявлял претензий к моей квалификации. И, пожалуйста, обращайтесь ко мне «Николай», можно просто «Ник». «Полубот» звучит оскорбительно.

Ее глаза расширяются, на лице потешное удивление человека, с которым заговорил тостер. Я слишком похож на машину внешне. Ей трудно принять мысль, что я не только машина, но еще и человек. До меня она никогда не сталкивалась с сервис-операторами.

— Простите, ради бога! — девушка энергично всплескивает руками, обдавая меня веером мелких брызг, на лице сожаление и даже сострадание. — Я ничего такого не имела в виду! Ну что я за козявка, правда?! — теперь в ее голосе слышно легкое кокетство. Мне нравится смотреть на нее — живую, порывистую, полную яростной энергии. Она хватается за руку, выполненную из металлопласта, энергично трясет ее. — Вы теперь навеки для меня Николай! А я — Ольга! Мир?

— Конечно, — говорю я и снова жалею об отсутствии эмоций в своем механическом голосе. Надо снять денег со счета и установить простейший вокально-эмоциональный модуль в следующем месяце. Обоняние подождет.

— Рассказывайте, чего тут у вас?! — требует она, жадно оглядывая открытые старым хламом полки.

— В основном старое «железо». Платы расширения, дополнительные модули, чипы, кибернетические домашние животные прошлых поколений, прошивки к ним, программное обеспечение, — заученно перечисляю я. — Также инструменты для работы, техническая литература.

— Ууу, — Ольга проходит вглубь магазина, озирается, снова недовольно морщит носик. Понимаю ее разочарование, мой товар выглядит непрезентабельно — серый, покрытый пылью железный лом. — И что, кто-то это покупает?

— Разумеется.

— Господи, да кому нужен весь этот хлам! И так никуда не деться, от железяк!

Я внутренне улыбаюсь ее наивному негодованию. Ответить не успеваю.

— Еще как нужен! Жизненно, можно сказать, необходим! — Антон выныривает из подсобки, где я храню нерабочий неликвид, нагруженный диковинного вида устройствами. На лице его играет широченная улыбка, пшеничные волосы взлохмачены. Он большой, шумный, с крупными руками и толстыми губами. Некрасивый, но обаятельный настолько, что на неправильные черты лица не обращаешь внимания. Крупный, мускулистый, совсем не похож на художника, скорее уж на грузчика. Рубашка не скрывает прекрасной мускулатуры. Ольга смотрит на него, и в глазах ее загораются огоньки.

— Ник, приятель, я беру все это. И еще вон ту кошку, — он тыкает пальцем в серебристо-синего киберка на полке, сделанного из такого же металлопласта, как и мои конечности. Десять лет назад такие животные были настоящим хитом. Сейчас в моде все естественное, и кибернетических животных покрывают мехом.

— Зачем вам это?! — требовательно спрашивает Ольга у Антона.

— Для аудиовизуальной инсталляции. Я художник.

Она оглядывает вынесенный им из подсобки металлический лом. Из кучи торчат провода, микросхемы, конденсаторы, какие-то колесики.

— Когда б вы знали, из какого сора, — задумчиво произносит Ольга. — Поверить не могу! — и тут же, почти без перехода, атакует: — Вы сейчас заняты?!

— Нет. — На лице Антона появляется довольная улыбка. Его любят женщины. Он молод, известен и уверен в себе. Антон не требователен к случайным подругам, берет количеством. Слава Дон Жуана льстит ему. Мне становится жаль Ольгу, но я не лезу в дела людей.

— Тогда пойдемте, — ее голос полон предвкушения. Она тоже не привыкла к отказам.

— Ник, дружище, придержи это все для меня, ладно? Забегу завтра, заберу.

Я киваю. Конечно, дружище. Удачи тебе. Удача тоже женщина, она любит молодых и наглых.

Я стою у окна и слежу, как они уходят вниз по улице. Ярko-желтый зонт и красный плащ Ольги еще долго рдеют сквозь пелену дождя...

* * *

Антон заваливается ко мне в магазин на следующее утро. Вид у него смущенный и одновременно мечтательный.

— Ник, ты представляешь, что учудила эта нахапка?!

— Нет. — Я протягиваю руку в жесте вежливой заинтересованности

и замираю. Лицевая мимика мне так же недоступна, как и вокально-эмоциональный модуль, поэтому я стараюсь изображать эмоции жестами.

— Она затащила меня в класс скульптуры и заставила позировать! Перед всем классом! Видишь ли, ей моя мускулатура приглянулась! — Его улыбка становится самодовольной и одновременно растерянной. — И ведь как все повернула, чертовка! Я же не откажу собратьям по ремеслу, бла-бла-бла. Три часа без движения в позе Атланта!

— Она тоже преподает в Академии?

— Преподает?! Черта с два! Пока еще учится! Четвертый курс. — Антон мечтательно закатывает глаза. — Вот наглядка, а? Но хорошааа...

Он не рассказывает, было ли что-нибудь после занятий скульптурой, а я не спрашиваю. Я хорошо отношусь к Антону, но почему-то приятно думать, что вчера Ольга просто польстилась на возможность заполучить эффектную модель.

— А самое главное, выпенила обещание, что сегодня я снова приду позировать, — Антон озадаченно чешет в затылке. Он сам не понимает, что на него нашло. Но ему хочется пойти сегодня снова в класс, чтобы увидеть взбитую шапку черных кудрей, сосредоточенно сдвинутые брови, изящно вздернутый носик, услышать звонкий голос.

— Ладно. Ты все упаковал? А то я побежал.

Я выдаю ему три пакета с запчастями и завернутую в бумагу металлопластовую кошку. Называю сумму. Мне чуть грустно, что я больше не увижу Ольгу. Она работает с теплой глиной, или мрамором, или псевдокамнем. Железки ее не интересуют. Жаль. Но я привык к тому, что в этом мире все время что-то теряешь.

* * *

Я ошибся. Она зашла снова через неделю. Потопталась нерешительно на пороге, потом тряхнула головой, почти подбежала к моему прилавку с чипридером.

— Николай... Ник! Ты сейчас не занят?!

Я качаю головой. Не занят. В моем магазине очереди бывают редко.

Сегодня на ней изумрудно-зеленое пончо и темные глаза тоже отливают зеленью. Кудри собраны в два легкомысленных хвостика. Она кажется совсем девчонкой — юной и неопытной.

— Слушай! — Она делает еще шаг и останавливается около пульта контроля доступа. Замирает, пытаясь подобрать слова. Ее сильные пальцы словно живут своей жизнью: перебирают, ощупывают, поглаживают контуры приборной панели, раз за разом проходя один и тот же путь. Легко представить, как она так же поглаживает и мнет лицо глиняного Атланта, придавая чертам скульптуры неуловимое сходство с Антоном. — Я хотела спросить...

Ольга снова замолкает. Она не умеет хитрить и незаметно выпрашивать.

Глупенькая, она еще не знает, что со мной этого и не нужно. Такой растерянной Ольга нравится мне даже больше, чем самоуверенной.

— По поводу Антона. — Не спрашиваю, а утверждаю я. Она кивает и прижимает ладони к щекам.

— Какой он? Что ты про него знаешь?

Что я знаю о твоём мальчике? Все. Ничего. Что вообще сервис-оператор может знать о людях? В ячейках моей памяти хранятся сотни записей. Я помню, как девять лет назад Антон Вайнер, тогда еще совсем мальчишка, пришел поступать в Академию. Робкий и слегка напыщенный одновременно, уверенный, что искусство закончилось еще в двадцатом веке, осталось одно ремесло, и только он знает, как влить молодое вино в старые мехи. Я помню, как он учился, забегал ко мне после лекций, часами рылся в железках, покупал инструмент и учебники на остатки стипендии. Ты это хочешь услышать? Или тебе рассказать, как к нему постепенно пришла слава? Как переживал он творческие неудачи, как сидел месяцами за паяльником, как смешивал в сенситивном «калейдоскопе» ощущения, подбирая ту самую единственно верную комбинацию, как выигрывал грант за грантом...

Или ты хочешь услышать о его девушке? Маленькой блондинке с ямочкой на подбородке, в большой не по размеру кожаной куртке и рваных джинсах. Той, с которой он встречался весь первый курс и которая, когда они расстались, приняла упаковку «фоама» и нырнула в бездонную ночь с восемьдесят четвертого этажа. Говорят, ее останки пришлось смывать с асфальта растворителем. Ты хочешь услышать, как терзался и давился он виной и обидой, как выплескивал это в свои работы? Не думаю...

И уж точно ты не захочешь слышать об Тадеуше Новаке. Что тебе до распри людей искусства, до тяжелого, темного соперничества, беспрерывного противостояния? Ты еще делаешь первые шаги на этом пути. Дай бог, у тебя будет свой Тадеуш, и ты будешь творить лихорадочно, яростно, отдавая глине и камню свои неудовлетворенные амбиции, свою ненависть и зависть к чужому таланту. И критики будут хвалить тебя, захлебываясь восторгом, не зная какую цену ты платишь...

— Я мало знаю, — отвечаю я, тщательно подбирая слова.

— Но вы же друзья! — В ее глазах читается безмолвный укор, пальцы закончили изучать приборную панель и перешли к системной плате.

Друзья. Как много в этом звуке... Могут ли быть друзья у сервис-оператора? Нужны ли они ему? Мое бесстрастное естество не нуждается в компании. Во мне слишком мало эмоций, чтобы была потребность с кем-то их разделить. Но все же она в чем-то права. Мне нравится Антон: он всегда общается со мной так, как будто моей механической половины не существует. Он любит говорить, я люблю молчать и слушать.

Если мы друзья, то долг дружбы требует от моей человеческой половины промолчать. Того же требует прошивка сервисного «я». Редкий момент, когда я полностью солидарен с собою.

— Я не лучший источник сплетен, — с сожалением развожу руками и в очередной раз вспоминаю о невозможности выразить голосом сочувствие. — Тебе лучше обратиться к кому-нибудь из его студентов.

Свет в ее глазах тухнет. Она вне себя от разочарования. Мне так жаль этого огня, что я делаю то, чего обычно не позволяю себе:

— Я — сейф для секретов. Дальше меня не уйдет ни один байт. Если захочешь выговориться — приходи.

Это приглашение в моих интересах. Ольга вся искрится эмоциями, ее душа и ее пальцы вечно в пути, ищут чего-то нового, еще неизведанного. Мне приятно находиться рядом с ней.

— Обидно! Рядом все ответы, но узнать их нельзя. — Она улыбается, словно через силу. — Я всегда любила подсмотреть в конец книги, чтобы узнать, поженятся они или расстанутся, и кто пришил старушку.

— Разве не интересно узнать все в свое время?

— Интересно. Но страшно. Я жуткая трусиха, Ник.

— Антон — хороший человек, — дипломатично заверяю ее я. И сам не уверен в своих словах. Я уже не помню, что такое «хороший», и чем он отличается от «плохого». Человек — это стихия. Стихия не бывает хорошей или плохой.

— Спасибо. — Она порывисто обнимает меня и почти бегом взлетает по лестнице. Тренькнул колокольчик, и вот ее уже нет.

* * *

Она еще не раз заходила. Сначала вместе с Антоном. Он требовательно рассматривал мои «новинки», она бродила по залу, задумчиво изучая пальцами контуры предметов. Часто останавливалась и в восхищении смотрела на огромные настенные часы. Ее затыгивал бег бронзовых с прозеленью стрелок. Однажды она даже захотела купить их. Я не продал, хотя отказывать ей было нелегко.

Потом ее увлекли кибернетические животные, и Ольга зачастила ко мне. Все началось с неработающей механической собаки, созданной в начале века, которую Антон откопал среди неликвида. Примитивное устройство, даже отдаленно не похожее на собаку, с оторванной лапой и в потрескавшемся корпусе, вызвало бурю восторгов, которые я так и не смог понять или разделить. Я тогда подумал, что все дальше отдаляюсь от людей.

Чтобы она не переживала из-за часов, я подарил ей механического уродца. Это положило начало коллекции. Ольга ваяла изуродованных искусственных собак и кошек. Я видел фотографии и один раз даже выбрался посмотреть на ее работу живую. Очень похоже на оригинал, но понять, зачем нужно копировать такие бессмысленные вещи, я так и не смог.

Идиллия закончилась внезапно для всех, кроме меня. Я давно знал, что в этом мире ничто хорошее не длится долго.

Там, где есть двое, всегда появится третий. Закон жанра. Вопрос, на который я так и не смог ответить, кто же был третьим тогда? Ольга или Тадеуш? Любовь или ненависть?

Тадеуша не любят. Не любят студенты, не любят коллеги, не любят критики. Он резкий, нелюдимый, весь в себе. Тадеушу за сорок, он поляк, его узкое лицо — бесстрастная маска, а глаза — горящие угли. Ходят слухи, что он пьет, что лечился от психоза. Студенты не знают, правда ли это. Я знаю: правда.

Тадеуш — гений, ярчайшая звезда АВИ.

Я слышал это от Антона, и у меня нет причин не верить ему. Сам я уже давно ничего не понимаю в искусстве, сервис-операторам это недоступно.

Антон знает, что талантлив, и знает, что никогда не сравнится с Тадеушем. Это убивает его. Ни-ког-да. Как приговор. Обжалованию не подлежит.

Поэтому Антон ненавидит. Ненавидит со студенческой скамьи, ненавидит, как дышит, каждую секунду. Ему повезло, что в его жизни есть место ненависти. Он мастер, но без этой пламенной яростной тоски в его работах останется только техника. Я не знаю, о чем говорят с миром творения Ольги и Тадеуша, но Антон кричит о ненависти, зависти, соперничестве, крахе. Он певец Темной Стороны, и в сочетании с его улыбочивой маской это притягивает многих.

Тадеуша не трогает чужая неприязнь и прохладный прием критиков. Он вне этого, весь в себе, наедине со своим «я». Он блуждает по лабиринтам своей души, в тех краях, где нет ничего, важнее шепота личных демонов. Мне кажется, что мы с ним чем-то похожи. Моя бесстрастная сервис-оболочка тоже скрывает гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Тадеуш мой постоянный клиент, но не друг. Он замечает меня не больше, чем работа-официанта в столовой. Я не обижаюсь на такое отношение.

Их встреча была неизбежна с того дня, как Ольга вошла в мир Антона. Имя Тадеуша произносится здесь нечасто, но все, что делает и не делает Антон, подчинено и сверено с действиями того, кого он выбрал себе в соперники.

Иногда мне кажется, что все люди похожи на сервис-операторов. Они натягивают улыбочивые лица и играют заученные роли, чтобы спрятать от мира свое истинное «я».

* * *

Ольга уже десять минут шуршит в подсобке, куда я свалил свежий товар. Она выпросила у меня «право первой ночи» для этой партии, даже я сам еще не видел, что привезли на этот раз. Бывает, попадаетесь почти новая техника или, наоборот, раритетные приборы. Я покупаю старую электронику в «Утиле» за символические деньги оптом, на вес.

Шуршание, бряцание, скрежет металла по металлу. Ольга появляется в дверном проеме спиной вперед. Она тянет на себя что-то тяжелое,

пыхтит, ругается. Надо бы ей помочь, но у чипридера образовалась очередь из покупателей, и сервисное «я» категорически против нарушения правил. Ольге придется потерпеть.

Но терпеть она не намерена. Не выпуская из рук добычу, Ольга поворачивается к ближайшему покупателю.

— Ну что вы стоите! Помогите же! — В ее голосе и нетерпение, и требовательность, и легкое женское кокетство. Она уверена, что ей не откажут. Когда она так просит и пристально заглядывает в глаза, отказать почти невозможно.

Но сейчас ее ждет отказ. Потому что Тадеуш Новак равнодушен к смазливym личикам и кокетству.

К моему удивлению, он оставляет в покое коробку с довоенным софтом и исчезает в подсобке. Вдвоем они извлекают на свет полысевшую электроовцу.

— Уффф, — Ольга утирает рукавом пот со лба и смотрит на свою добычу с веселым изумлением. — Ну и штука! Интересно, зачем кому-то овца?

Я люблюсь девушкой — разгоряченной, довольной, с лукавыми ямочками на щеках. Ко лбу прилипло несколько прядей, щека испачкана в машинном масле. Сегодня на Ольге коричневая расклепная юбка, кремовая блузка и вязаный жилет, в котором она похожа на школьницу. Ее неутомимые руки уже начали свой бег, кончиками пальцев она касается дурашливой овечьей морды...

— Это секс-станок. — Поясняет Тадеуш. Он пристально смотрит на девушку, и вид у него не такой отрешенный, как обычно.

— ЧТО?! — брови Ольги устремляются вверх, рот округляется. Она отдергивает руки за спину и переводит вопросительный взгляд на меня. Я киваю. Да, станок.

— Да, станок. Для любителей. — Озвучивает мои мысли Тадеуш. — «Секс Доллс» наладила выпуск пробной партии пятнадцать лет назад, но продажи не пошли, и защитники животных подняли вой. Я жил около представительства компании и помню демонстрации.

Я тоже помню. Машины не умеют забывать.

— Раритет, — задумчиво говорит Тадеуш. И по-прежнему смотрит на Ольгу.

— О Боже! — она прижимает руку ко рту. На лице сменяют друг друга отвращение, жадное любопытство и жалость к механической игрушке. И я уже знаю, что Ольга купит ее.

— Я покупаю ее, — говорит Тадеуш.

— Ну уж нет! Это моя овца, — возмущается Ольга.

— Но я первый сказал.

— А я ее нашла.

Несколько минут они сверлят друг друга взглядами.

— Ник, — наконец решает призвать рефери Ольга. — Кому ты продашь овцу?

— Тебе, разумеется.

— Вот видите! — Ольга поворачивается к сопернику и демонстрирует ему розовый язычок.

Тадеуш обескуражен. Он привык считать меня не более чем равнодушным автоматом.

— Девушка, для вас это игрушка в коллекцию. А мне она нужна для АВИ.

— И ничего не игрушка! — надувает губы Ольга. — Я, между прочим, буду лепить с нее скульптуру.

— О! — он еще раз обмеривает ее внимательным взглядом. — Но когда вы закончите, она вам больше не понадобится?

— Нет.

— Тогда обещайте, что продадите мне ее. Или лучше так, — он воодушевляется, — я куплю ее и отдам вам для работы. Вернете, когда закончите.

— Ну, не знаю, — Ольга в замешательстве. Щедрое предложение ее пугает, но соблазн слишком велик. Нужно платить за жилье, материалы тоже стоят денег, а, несмотря на положительные отзывы критиков, публика неохотно приобретает гипсовые копии механических животных. Спрос на ангелочков во все времена был выше.

Она смотрит на меня вопросительно. Я киваю. Все правильно, соглашайся. Здесь нет подвоха.

— Ладно, — неохотно говорит она. — Но вы поможете мне ее донести.

Я наблюдаю за тем, как Ольга с хохотом и прибаутками помогает ему затащить электроовцу на лестницу, подпихивая ее сзади, как они, мешая друг другу, проталкивают игрушку в слишком узкую дверь, и мне жаль Антона. Я знаю, к чему приводят такие знакомства.

* * *

Летняя ночь. Набережная. Луна отражается в темной воде.

— Это лучшая работа Антона. Шедевр, — задумчиво говорит Ольга. — Сегодня он превзошел себя. Но... — она замолкает, и ей есть, над чем подумать. Я тоже узнал в повторявшемся рефреном лике Далилы черты лица Ольги.

Мы возвращаемся с последней АВИ Антона. Ольга сказала, что обязана ее увидеть.

Не люблю посещать выставки, как не люблю слушать музыку или смотреть кино. На них я особенно остро ощущаю, как много потерял, перестав быть человеком.

Сервис-оператору доступны лишь тени чувств. Почему, не знает никто. Случайные флуктуации в биоэлектронном мозгу. У католиков есть какое-то объяснение, приплетающее религиозные догмы, но оно мне не интересно.

Я изредка могу испытывать эмоции. Могу записывать и проигрывать их снова и снова, хотя в записи это совсем не то. Но искусство не будит во мне ничего. Я могу оценить высоту звуков, замерить правильность

пропорций, дословно пересказать сюжет. Так же, как может это любая машина. Но испытать чувство очищения, слушая Вагнера, я не смогу уже никогда.

Я догадывался, что на инсталляции Ольгу ожидает неприятный сюрприз. В отличие от нее, я по-прежнему регулярно вижу Антона.

Он сильно сдал. Много пьет и мало спит. Заговаривается. Демон по имени Тадеуш пожирает его душу. Об Ольге Антон не упоминал ни разу за три месяца. Дело не в девушке. Не только в ней. Она — символ. Антон лезет из кожи, но Тадеуш впереди. И так будет всегда.

Шедевр? Я верю Ольге, она безупречно чувствует имитацию жизни, которую называют искусством. Это лучшая инсталляция Антона. Да и как может быть иначе? Теперь он говорит с миром не только о ненависти, но и о поруганной любви, обманутом доверии, мести. Я боюсь за него.

Ольга останавливается. Ее пальцы мнут поясок светло-серого платья.

— Ник! — я почти чувствую, как тяжело ей произносить это. — Пожалуйста, если увидишь Антона, скажи, что мне очень жаль.

— Нет. — Отвечаю я, и глаза Ольги расширяются. Я очень редко отказываю ей.

— Понимаю... — тихо говорит она после паузы. — Я должна сама, да? — Криво улыбается. — Я страшная трусиха, Ник.

Я не знаю, что ответить, и молчу. Мы идем вдоль набережной молча.

— Лучшая работа, шедевр, — возвращается она к «Далиле» Антона. — Но это все. Тупик. Выше ему не прыгнуть, Ник. Никогда!

— А Тадеуш? — спрашиваю я.

— Тадеуш... — ее лицо окрашивается мечтательной улыбкой, и я понимаю все без слов. Когда я впервые увидел Ольгу, она была как натянутая струна — вся в ожидании, в предвкушении. Сейчас нетерпение ушло, ее душа полна ясным внутренним светом.

— Тадеуш гений, — доносится до меня ее шепот. — Но это не главное.

Я молчу, не решаясь спросить, что же главное, и думаю, что Ольга умеет заглядывать за внешнюю оболочку. Она видит мир, как он есть, без масок. Почему же демоны Тадеуша ее не пугают, а завораживают?

Я люблю Ольгу так, как умеют любить сервис-операторы. Тихо, слабо, чуть равнодушно, без желаний и жажды обладания. Я не человек. Я могу мыслить беспорядочно, поступать нелогично, записывать и проигрывать эмоциональные треки. Но я не человек. Я — память о самом себе, сумма данных.

Иногда мне кажется, что меня-настоящего никогда и не было. Но думать об этом больно.

* * *

— Какого черта! — Антон в бешенстве. В последнее время он, как сухой порох, вспыхивает от малейшей искры.

— Я не могу продать тебе это, — повторяю я свои слова.

Предмет раздора лежит на столе. Матовая коробочка чуть больше портсигара, с рядом блестящих кнопок и крошечным экранчиком. От разъема тянутся гибкие сенсоры, похожие на ядовитых змей.

— Слушай, я серьезно. — Антон снижает тон. Теперь его голос звучит почти умоляюще. — Ник, дружище, мне нужен декодер. Это мой единственный шанс! Ты же знаешь!

— Это опасная игрушка. — Говорю я прописную истину.

«ПЭД-3» Психоэмоциональный декодер третьего поколения. Коммерческое название «Морфей». Разработан каким-то неизвестным гением в недрах военной лаборатории. Там ему не смогли найти должного применения, поэтому ПЭД-3 поступил в свободную продажу. Способ правительства отбить расходы на науку — секрет Полишинеля.

Сертификацию «Морфей» прошел без задоринки и успешно продавался полтора года, несмотря на тревожные слухи и несколько громких судебных дел. Адвокаты «Дженерик псайколоджи» смогли как дважды два доказать, что вина лежит на самих пользователях, пренебрегавших техникой безопасности.

«Морфей» — прямая дорога в личный ад и полная иллюзия реальности происходящего для реципиента. Штука столь же страшная, сколь приятательная. Выдержать тет-а-тет с содержимым своей психики способен не каждый... Декодер был игрушкой любителей расширить сознание, рискованных психотерапевтов и отчаянных художников, искавших контакта с собственным подсознанием.

Когда все выплыло, был огромный резонанс. Замять скандал таких масштабов невозможно, «Дженерик псайколоджи» ожидало банкротство и иски на огромные суммы, а прибор приравняли к тяжелым наркотикам.

«Морфей» разрушает разум медленно, но верно, если настроить и использовать его в соответствии с инструкцией. Или быстро и с гарантией, если пренебрегать ею. Каждый раз, погружаясь в мир своих фантазий, ты платишь за вход миллиардами нервных клеток. Каждый раз отдаешь кусочек души за право встретиться со своим истинным «я». Это плохой путь, но легкий и быстрый.

Я жалею, что опознал декодер в присутствии Антона. Поверить не могу, что они еще где-то сохранились.

— За год от твоей психики останутся руины, — говорю я, и мы оба знаем, что это правда.

— Ник, послушай, я буду дьявольски, дьявольски осторожен, — повторяет он. Потом срывается на крик: — Ты понимаешь, что ничего лучше «Далиль» я не создам?! Никогда!!!

Антон ненавидит слово «никогда», но он уже проиграл своему сопернику на всех фронтах. А то, что Тадеуш и не вступал в состязание, только добавляет горечи поражению.

— Знаешь, — говорит Антон, и голос его звучит непривычно мягко. — Меня все чаще тянет посмотреть, что же забыла Лена на восемьдесят четвертом этаже.

Лена. Так звали его бывшую девушку, маленькую блондинку, решившуюся на отчаянный ночной полет навстречу мостовой. Я не верю Антону. Или верю? Что сервис-оператор может знать о суициде? Антон живет, повинаясь импульсам, а не рассудку. Если мы друзья, я должен помочь...

Мое сервисное «я» категорически против продажи опасного предмета кому бы то ни было. Однако сегодня решение остается не за ним.

Антон уже покинул магазин, когда меня посетила горькая запоздавшая мысль. Что он будет делать, если, спустившись в свой ад, не найдет там никого, кроме Тадеуша?

* * *

Ольга появилась под вечер, когда я уже собирался закрывать магазин. Поймала меня на пороге, порывисто схватила за руку.

— Ник! — в ее голосе слышно отчаяние. — Мне страшно!

— Что случилось?

— Пойдем со мной! Пойдем! Пожалуйста!

Я иду, пытаюсь по дороге выяснить, в чем дело, но объяснения Ольги путаны и бестолковы. Она боится заходить в студию, там поселилось нечто очень, очень страшное. А еще там находится Тадеуш. Он не выходит уже три дня.

Ольга почти в истерике. Она цепляется за мою руку, захлебывается словами, пытается облечь в них необъяснимое. Я шагаю, испытывая смутное предвкушение. Страх и тем более ужас — эмоции, которых нет в моей коллекции треков. Не знаю, есть ли в этом мире то, что может напугать сервис-оператора.

Тадеуш живет в собственном доме на окраине. Старое, почти столетнее здание, два этажа, нижний облицован красным кирпичом. Студия в саду. Я мягко беру Ольгу за плечи и завожу в дом.

— Подожди здесь.

Она покорно кивает, темные блестящие глаза глядят на меня с надеждой и тревогой.

На подходе к студии мои аудиосенсоры регистрируют звуки в высокочастотном диапазоне на грани человеческих возможностей по восприимчивости сигнала. Запускаю аудиометрию и регистрацию. Сила и высота звука постоянно меняются, сам сигнал наполовину забит информационным мусором и случайными шумами, но я все равно могу провести дешифровку.

Мне не нравится то, что я слышу.

Белый дверной проем ясно виден в подступающих сумерках. Дверь приоткрыта, и оттуда выглядывает чернота, заполненная багряными

всполохами. Если бы я был человеком, как Ольга, мне тоже было бы очень, очень страшно.

Я не человек и толкаю дверную створку. Она отворяется без звука, долго и плавно, как в замедленном кадре.

В студии не горит свет, но детали интерьера можно разобрать благодаря включенному голографическому проектору. Мелькающее изображение отбрасывает на пол и стены короткие алые и зеленые блики. Тадеуш лежит на полу.

Датчики, расположенные в кончиках моих пальцев, недостаточно чувствительны, чтобы замерить пульс, но это и не требуется. В инфракрасном диапазоне Тадеуш сливается с полом. Такой же холодный и мертвый. Причину его смерти тоже не нужно долго искать. Зажатый в руке высоковольтный разрядник говорит сам за себя.

Я поворачиваюсь к проекции. Пронгравываемый ролик закольцован, после окончания начинается сначала и так снова, и снова. Сейчас в рабочей области видна красно-серая муть, из которой выступает рука. Пропорции неуловимо искажены, изуродованы. У человека такое зрелище должно будить безотчетный страх, но я не человек. Я могу замерить составляющие и сказать, что именно не так в этой картинке, почему она может смущать и пугать. Рука, спина, кусок щеки, мягкая пакля волос. Кажется, существо сейчас повернется и почему-то очень не хочется, чтобы оно это делало. Аудиоряд подспудно нагнетает атмосферу. Не прочитанный разумом сигнал давит на психику сильнее, чем любой другой...

Существо поворачивается на долю секунды, смотрит пристально и в упор на меня, кадр мигает и сменяется, но я успеваю зарегистрировать изображение лица. Оно отвратительно, уродливо, искажено и неуловимо похоже на лицо Ольги.

Дальше неинтересно. Тягучая красная жидкость, подрагивающая человеческая плоть, шевелящиеся обрубки пальцев... Смутные образы, призванные обращаться к подсознанию, а значит, непонятные мне. Я протягиваю руку и выключаю проектор.

Кажется, я знаю, что убило Тадеуша. Вопрос один: что мне с этим делать?

* * *

У Антона дома неубрано. Он не любитель порядка, и он вторую неделю пьет.

— Ты все-таки смог превзойти его, — говорю я.

Антон молчит и смотрит на почти пустую бутылку с сосредоточенной яростью.

— Ты все правильно рассчитал. Когда в студии АВИ-художника проигрывается фрагмент инсталляции, никто не задается вопросом, откуда он взялся.

— Никто? — хрипло спрашивает он.

— Никто. Даже Ольга.

— А что сделали с ней?

— С Ольгой?

— Нет. С моей работой.

— Уничтожили, как представляющую опасность для психики.

— И ты ничего не сказал? — Антон криво ухмыляется.

Я ничего не сказал. Меня никто ни о чем не спросил, а я промолчал, хотя сервисное «я» кричало и выло о необходимости сделать заявление.

— Нет.

— Но ты понял!

Я меряю шагами его комнату. Здесь десятки, сотни распечаток. Выбранные куски из известных инсталляций Тадеуша. Частый образ — неправильный и страшный женский силуэт, с волосами похожими на пакаю. Есть сгустки тягучей жидкости, изуродованная человеческая плоть...

— Я понял. — Подтверждаю я, поднимая одну из распечаток. Я знаю, что лицо женщины на ней — это лицо матери Тадеуша. Об этом много писали критики и даже высказывались психиатры. — Я понял все еще в студии. Тадеуш никогда не сделал бы ее похожей на Ольгу.

— Это самое изысканное убийство из всех, о которых мне когда-либо приходилось слышать, — говорю я.

— Да уж... — Антон опрокидывает стакан, доликает остатки портвейна из бутылки и достает «Морфей». — Можешь забрать декодер.

Я принимаю из его рук опасную вещь.

— Жаль, что я не уничтожил его прямо в магазине, — говорю я. И понимаю, что уже не могу назвать Антона своим другом.

— Если бы знать, — с тоской пшипит он сквозь зубы. Потом начинает смеяться. В его смехе нет веселья, только издевка и горечь.

— Знаешь, что самое смешное, Ник? Я сам себя надул! Я создал гениальнейшую АВИ, но я — никто. — Голос его падает до шепота. — Когда я впервые включил его, — короткий кивок в сторону декодера, — то все понял. И понял, что в этом мире есть место только для одного из нас.

Я молчу. Во всем этом есть и доля моей вины.

— Но я ошибся, Ник. Я выбрал не того парня! И теперь он мертв, а я... Я пуст. Как бутылка. — Он в ярости швыряет пустую бутылку в стену, и она разлетается темно-зелеными брызгами. — Я больше никогда не смогу создать ничего настоящего, Ник, — горько признается Антон. — Ни-когда.

«Никогда» — это приговор. Я не знаю, что ему ответить. Антон сам уничтожил своего демона. Теперь ему нечего сказать миру.

— Я думал пойти, проверить, что же есть интересного на восемьдесят четвертом этаже, Ник. Но я трус. Я боюсь, что когда открою глаза на том свете, он будет ждать меня.

Антон достает еще одну бутылку, рывком выдергивает пробку, пьет прямо из горла.

— Прощай, — говорю я и ухожу.

* * *

Пять лет — это много для человека. Я не знаю, что сейчас с Ольгой и где она. Судьбу Антона проследить было легче, о нем поначалу много писали. Потом перестали. Люди быстро забывают кумиров прошлого. Я знаю, он не создал ни одной АВИ с тех пор, как умер Тадеуш. И не создаст никогда.

Я не человек, я — память. Сумма всех событий, случившихся когда-либо со мной. Года обволакивают, обтекают меня. Я — камень в потоке времени. Не человек и не машина. Сервис-оператор.

Ноябрь 2009

СВЕТЛАНА ЭСТ

КУКУШОНОК

У Колина Тьюринга была единственная в своем роде профессия — натуралист, и, когда о нем заходил разговор, ученые-зоологи норовили если не плюнуть в телекамеру, то хотя бы предупредить общественность, что Тьюринг не имеет нужного образования. Но зрителям «Animal Planet» нравились мягкий юмор и добродушие Колена, чем-то похожего на толстого, отъевшегося бобра, и рейтинг его авторской программы был одним из самых высоких на этом канале.

За организационную часть съемок в Южной Америке отвечала Айрис, молодая жена и одновременно продюсер известного натуралиста, и оттого, что она заболела, началась неразбериха. Во всяком случае, в столицу маленького и вечно залитого сверху ливнями, а снизу паводками Суринама, почти незаметного на географической карте в тени гигантской Бразилии, Тьюринг и режиссер Джеффри Роу прилетели раньше операторов, сопровождающих кофры с аппаратурой.

Зная, насколько бородач Джеффри любит ром, одну из статей экспорта бывшей Голландской Гвианы, Тьюринг поторопился разыскать в пригороде Парамарибо коттедж местного проводника и охотника, поставлявшего животных в различные зоопарки и отзывавшегося на прозвище Анаконда.

Анаконда, метис с сильно выступающими на темном лице скулами и немного косящими глазами, предоставил свою моторную лодку, и уже через день телевизионщики оказались в крошечной индейской деревушке среди тропических лесов...

Сваи, на которых стояла арендованная для съемочной группы хижина, были испещрены полосками наподобие годовых колец. Судя по ним, вода поднималась здесь и на три фута, и в человеческий рост. Горячий, насыщенный испарениями воздух, с запахом болота и гнилых фруктов, оставлял ощущение накинутой на тело влажной простыни, поэтому Тьюринг спросил у Роу, вешающего москитную сетку:

— Как тебе тропический рай?

— Воняет, — скривился Джеффри. — А я думал, что здесь, как в рекламе шоколадного батончика «Баунти», все в кокосовой стружке.

Обмахиваясь своей знаменитой широкополой потрепанной шляпой, с которой он, к негодованию режиссера, любил «лезть в кадр», Колин

Тьюринг процитировал выдержку из справочника, сунутого в его дорожную сумку предусмотрительной Айрис:

— «Горький маниок — главная сельскохозяйственная культура индейцев, занимающихся ручным подсечно-огневым земледелием».

— Что значит, «занимающихся...» подсечным рукоделием? Единственное, чем здесь можно заниматься, — сидеть по горло в ближайшем водоеме, чтобы не вскипели мозги, — раздраженно сказал Роу, выходя на деревянный настил перед хижиной.

— ...Его крупные, до пятнадцати килограммов, продолговатые клубни содержат ядовитый гликозид, — продолжил свою лекцию Тьюринг. — Чтобы сделать из них крупу для крахмалистого супа-пюре, которую индейцы называют «тапиокой», нужны терки и плетеные мешки для отжимания. Всю эту необходимую экзотическую кухонную утварь нам предоставили вместе с жилищем. ...Но, может быть, лучше остановимся на консервах?

— Я умею готовить кэрри, — сказал Роу.

— Готовить кэрри не умеет никто, кроме моей жены, самозванец! — возразил Тьюринг и принялся собирать свое охотничье ружье, хотя пользоваться бокфлинтном натуралист не любил, искренне считая, что опасных животных в природе не существует.

— Если маниок ядовит, зачем же его употребляют в пищу? — спросил режиссер.

— А больше нечего есть! Парадокс южноамериканского девственного леса: при всем буйстве и невероятном разнообразии видов флоры и фауны коренным жителям зачастую трудно в нем прокормиться. Манго, авокадо — «аллигаторова груша», папайя и даже самые обыкновенные бананы и апельсины — культуры, завезенные из Старого Света, и растут они лишь около миссионерских станций. А все, что может предложить сельва, — бразильские орехи в мощной деревянной броне скорлупы и дикий батат. ...По-моему, я представил местный вегетарианский рацион исчерпывающе полно.

— Да? — улыбнулся Роу. — Значит, писем из Стэнфордского университета больше не будет.

Сверху режиссеру было видно ораву голых индейских ребят, которые купались на речной отмели, переходящей в песчаный берег. Более рослый, чем остальные, с кожей сероватого оттенка, один из мальчиков, разрывая стебель сахарного тростника, кидал его полоски годовалому малышу, еловившему на песке около воды.

— Что они там делают? — озабоченно спросил Роу.

— Имей совесть, Джефри, я не занимаюсь этнографией, — сказал натуралист. — Или все же рассказать тебе, с чего это индейцев называют «индейцами»?

— Христофор Колумб в свое время решил, что приплыл в Индию.

— Вот-вот, и у гениев бывают ошибки. Так что, давай забудем про

то письмо из Стэндфордского университета насчет скрытохвостов. Не обитают они в Европе, видите ли, а живут во влажном тропическом лесу и в льяносах — пальмовой саванне! Да я только рад за них!

— За гениев? — рассеянно переспросил Роу.

— За тинам? — скрытохвостов! Мало того, что самец тинаму в одиночку насиживает яйца и выводит потомство...

— Колин, что происходит?! — крикнул режиссер, сбегая по шаткой лестнице с такой стремительностью, что настил перед хижиной заходил волнами.

Удивленный встревоженным голосом Роу, Колин Тьюринг, выронив оружейный приклад, обернулся. Его глазам предстала странная картина: не раздеваясь, прямо в штанах и рубаше, режиссер нырял на отмели, словно мускусная утка, которую конкистадоры во главе с Франсиско Писсарро, уничтожившие государство инков Тауантинсуйу, завезли в Испанию.

— Мозги вскипели, — успокоил самого себя натуралист.

Ватага индейских детишек, примолкнув, смотрела на Роу, опустившего на белый кварцевый песок тельце годовалого малыша. Режиссер перевернул ребенка вниз головой, так что из его полуоткрытого ротика хлынула поток воды. Несколько легких нажатий на грудину хватило, чтобы привести карапуза в чувство: сначала он давился каплем, потом заплакал. Джеффри, облепленный мокрой одеждой, хлопнул по спине самого рослого из мальчиков, пацана с птичьим немигающим взглядом, отчего тот сильно дернулся, и знаками показал ему: «Отнесите бэби домой»...

— Не нравится мне тут, — сказал Джеффри своему напарнику, когда солнце стало заходить. — Ты не находишь, что кладбище, которое мы видели, чересчур большое для индейской деревни от силы в два десятка семей. Откуда у них столько покойников?

— Уж не напился ли ты, Джеффри?

— Поздравляю! Какое остроумие, мой друг! Выдав одну-единственную банку имбирного пива, заботливо спрашивать, «не напился ли ты?..» Нет, не напился! — ответил Роу, подкручивая фитиль в керосиновой лампе «летучая мышь». — А сам ты разве не чувствуешь витающей здесь атмосферы обреченности?

— Вот за что уважаю вас, режиссеров, так это за богатое творческое воображение. Ты случайно не знаком с Брайеном Уортманом? Семь лет назад мы снимали с ним цикл передач «Медвежий угол — Сибирь».

— Сибирь, — поправил Джеффри. — Русские говорят мягко: «Сибирь».

— Когда я объяснил ему, что трапперы в России не охотятся на бурого медведя в одиночку, Уортман поднапряг свое богатое творческое воображение и выдал: «Точно! Его же потом тащить нужно!»

— ...И мальчишка ведет себя подозрительно, — не слушая натуралиста, рассуждал Роу. — А если мысленно перемотать пленку назад,

восстанавливая по кадрам сцену спасения этого бедного малыша мной, простым хорошим парнем Джеффри Роу?..

Тьюринг фыркнул, потому что у сорокапятилетнего режиссера была репутация скептика, имевшего вспыльчивый характер и своеобразную внешность: «пил всю жизнь, но равномерно», — что, впрочем, нисколько не мешало им работать вместе.

— Кадр первый: дальний план — ребята-индейцы купаются, малютка ползает на песке, мальчик стоит; кадр второй: крупный план — твоя самодовольная идиотская ухмылка бобра, который только что подгрыз плотину электростанции; кадр третий: горизонтальная панорама — в листве склонившихся над водой деревьев мелькают две ярко-желтые птицы.

— Яканы?

— Они мне не представились! ...И последний кадр: ребенка на берегу нет, мальчик... Боковым зрением я зафиксировал какой-то его жест, но никак не пойму, что этот парень сделал.

— Может, хотел спасти маленького братика? Парня зовут Якобом, и он любимец отца, хотя и не родной сын, а приемный. Анаконда сказал, что оба ребенка из семейства учителя миссионерской школы.

— Кстати, ты не знаешь, куда все время отлучается наш проводник?

— Местные красавицы без ума от господина Анаконды, несмотря на его сходящееся косоглазие. По обычаям охотничье-собираТЕЛЬСКИХ племен, таких, как акурно или цинтас-ларгас, выбор партнера остается за женщиной, а вся свадьба сводится к тому, что она вешает свой сетчатый гамак рядом с его гамаком, конструкцию которого «белые» переняли у индейцев.

— Твой гамак висит рядом с моим. Означает ли это, что ты на мне женишься? — спросил Роу.

— Я подумаю, — обнадежил его натуралист и, прихватив электрический фонарик, пошел поискать в кустах квакш Эванса — редко встречающихся древесных лягушек, откладывающих икринки у себя на спине...

Быстро темнело. Спланировав над рекой по широкому кругу, на настиле села солнечная цапля, и, когда она развернула свои крылья с рисунком, напоминающим громадные, темные, пристально смотревшие глаза, Джеффри Роу впал в гипнотический транс. Он спустился по лестнице, подошел к исполинскому фиговому дереву, в сени которого стояла хижина, и хотел уже было залезть вверх, чтобы, бросившись с вершины инжира, покончить с собой, как дерево-гигант внезапно рухнуло, продавив крышу их жилища. Если б к этому времени режиссер дремал в своем гамаке, то ствол расплющил бы его, словно пустой пластмассовый баллон из-под питьевой воды, но Роу повезло, и он отделался только несколькими царапинами. Одна из толстых ветвей, усыпанная незрелым инжиром, сбила котелок и походный примус, так что Джеффри Роу не отведал и супа со щедро добавленным в него соком горького маниока. Также его не укусила самая ядовитая из змей — коралловый аспид, потому что горячий суп заварил

шевелиющийся красно-черный клубок прямо в сердцевине разрубленного кокосового ореха, куда она заползла незаметно для телевизионщиков.

— ...Зря... я не выдал тебе... вторую банку пива... — сказал Тьюринг, переводя дыхание после бега через кусты напролом, — но откуда мне было знать... чем это кончится! — натуралист показал в сторону разрушенной хижины рукой, в которой он держал брезентовый мешок с пойманным на окраине деревни опоссумом. Затем, направив луч фонарика на инжир, Колин Тьюринг внимательно обследовал древесину и даже, присев на корточки, понюхал ее: — Похоже, что дерево полностью сгнило и держалось только за счет коры. Радоваться нужно, что никто из нас не пострадал. ...О! Бластифага лезет!

Режиссер затравленно оглянулся, а Тьюринг, сорвав плод, достал из кармана увеличительное стекло, чтобы понаблюдать, как оса-бластифага прогрызает отверстие в неспелой фиге. Забытый им опоссум, шипя, словно обыкновенная кошка, вертелся в мешке, дожидаясь, когда настанет его очередь.

Пока Анаконда не подогнал свою крытую лодку, в которую пришедшие вместе с ним индейцы перевесили гамаки, и Джеффри Роу не сложил разбросанные продукты и оборудование, натуралист копошился в нежно-зеленой массе пятипалых листьев фигового дерева, рассматривая бластофаг и время от времени восклицая: «Изумительно!» Угрюмый Роу его научного восторга не разделял.

В лодке режиссеру не спалось, но под утро он провалился в кошмарные сны, как в трясину, а очнулся от раздирающей боли, потому что яркий, будто цирковой клоун, попугай долбил ему живот загнутым тяжелым клювом.

— Колин! — закричал Роу, прикрывая голову. — Сгни эту жуткую тварь! ...Он выкалывает мне глаза!

— Успокойся, он не выкалывает тебе глаза, — отозвался натуралист, распуская москитную сетку. — Он выкалывает тебе почки, как это делают попугаи кеа в Новой Зеландии. Они «оседлывают» овец и разрывают им шкуру и мясо до тех пор, пока не доберутся до почек. И якобы иногда, по утверждению новозеландских фермеров, обезумевшая от боли овца сама прыгает в пропасть со скалы.

— Я не прыгну, меня придется сталкивать!

— Ты попугай макао, дурачок, а не попугай кеа, — сказал натуралист попугаю, который бился в накинута на него мешке.

— Р-робе, — неуверенно отозвался из-под плотной мешковины макао низким голосом с хрипотцой. — Бер-рте, ро-бер-р-р.

— Свернем ему шею, — предложил Роу, доставая пластмассовую коробку «аптечки» с медикаментами. — Нет, дай я сам сверну! Черт, как больно! — выругался режиссер, тронув пальцем ранку на животе.

— Из-за бездумной жестокости людей безвозвратно утрачены многие

виды животных, — сказал Колин Тьюринг. — Но человек не вправе ставить себя над природой...

— Твой текст из серии о панцирном носороге в национальном парке Казиранга в Индии, — вспомнил режиссер, пытаясь незаметно для натуралиста вытащить его ружье из сброшенных в кучу вещей. Он знал, что двустволка не заряжена, но ею можно было пристукнуть попугая, как дубиной.

Знавший мстительный характер Джеффри Роу, Тьюринг быстро сдернул с птицы мешок, и взвешенный попугай, клонув доску палубы, словно поклонившись, «представился»:

— Р-роберт!

— Лети, Роберт, к своей Берте, и впредь не шали, — сказал натуралист и, когда попугай вспорхнул, начал объяснять: — Поведением макао повелевают инстинкты. Он напал на тебя, движимый не злобой или ненавистью. Это категории человеческих чувств. Так его заставил поступить инстинкт. И здесь мы вступаем в область догадок: почему макао ведет себя, как кеа? Да, и бластофаги вчера вели себя, как муравьи-листорезы, перетаскивая кусочки листьев. Никогда не наблюдал подобной миграции инстинкта!

— Сообщи в научные журналы: «...Открыто новое аномальное явление — «миграция инстинкта по Тьюрингу». Самое время для дискуссий! Неужели ты не понимаешь, Колин, что меня хотят убить?!

— Кто? — спросил Тьюринг.

— Не знаю! — отрезал режиссер. — Анаконда! Фиговое дерево! Попугай! Сельва!

— Криминалисты утверждают, будто, ответив на вопрос «Кому выгодно?», можно поймать любого убийцу. Анаконде убивать тебя — прямой убыток: он же рассчитывает неплохо на нас заработать. Это, во-первых, — заметил натуралист. — И, во-вторых, если убить тебя собирается Анаконда, то покушения прекратятся после того, как мы выберем съемочную площадку, и он уплывет за операторами в Парамарибо.

— Значит, поторопимся с выбором площадки, — сказал Джеффри Роу и утробно добавил: — Пока я еще жив.

Каноз с двумя гребцами, Анакондой и стариком из местных, приткнулось к берегу, когда телевизионщики заканчивали завтракать. Вся одежда старика состояла из веревочки, сплетенной из шерсти капуцина и прикрепленного к ней длинного лоскута ткани, который был пропущен между ног; худую впалую грудь украшали несколько ниток самодельного ожерелья — клыки ягуара попеременно с обезьяньими зубами. В руках индеец держал лук. Чтобы, как Тьюринг объяснил режиссеру, «порыбачить на досуге», индейцы стреляют в крупную рыбу, инстинктивно учитывая коэффициент преломления. Но Роу подозрительно косился на старика до тех пор, пока он, кинув лук на дно каноз, не взялся за весло.

— Как называется индейское племя, которое живет в деревне? — спросил режиссер.

— В основном, это индейцы вайана, — ответил Колин Тьюринг. — ... Или араваки? ... Или арауканы — «люди земли»? Почти все названия примитивных племен переводятся как «люди». Все считают себя людьми.

— Странно, да? — съязвил Джеффри. За прошедшие сутки он постарел и осунулся, и к тому же страдал от укусов мух и moskitov, полчища которых висели над каноэ, несмотря на запах репеллента, которым намазались телевизионщики.

— Хочешь поспорить? Сейчас спросим у старика, и окажется, что его племя — «человек, живущий в лесу», или какой-нибудь еще аналог слова «народ», — сказал Колин и принялся усердно втолковывать, чего он хочет, Анаконде.

Анаконда тронул за костявое плечо старика, короткими гребками гнавшего каноэ сквозь сплошной ковер мелких лиловых цветочков, перемежавшихся круглыми заплатами листьев водяных лилий с бело-розовыми чашками из остроконечных лепестков. Перестав грести и обернувшись, старик что-то ответил, показывая на рисунок, сделанный красной глиной на его голом теле: длиннохвостая птица; два пальца на прямых тонких лапах направлены вперед, два — назад.

— Нет, хозяин, они не люди, они — кукушки, — перевел Анаконда после паузы, во время которой он подыскивал нужное понятие в английском языке.

Хохотнув, режиссер принялся с остервенением чесать у себя под шкиперской бородкой, от чего каноэ угрожающе раскачивалось, пробивая покров ряски и других водных растений, так что по краям стала видна прозрачная коричневатая от торфа вода. Старик, безучастно переждавший приступ истерического веселья у Джеффри Роу, снова взялся за весло.

Если б Тьюринга могло что-то смутить, он не был бы популярным ведущим передач про животных. Когда на съемках в Западной Австралии страус вдруг неожиданно пнул его, склонившегося над гнездом, Колин Тьюринг счел инцидент любопытным, так как, насиживая яйца, самцы эму настроены миролюбиво, и даже позволяют брать их из-под себя. Наскоро приладив под брюки металлическую крышку от автомобильного колеса, натуралист еще раз подставил свои ягодицы нервничающему страусу, потому что оператор не успел снять эпизод первым дублем.

Рассеянно улыбнувшись, Колин Тьюринг переключился на разговор о том, что нужно поймать будущую «звезду» их телевизионных съемок, двупалого ленивца, чья шерсть окрашена микроскопическими водорослями в столь необыкновенный для животных зеленый цвет, а потом стал обсуждать с Анакондой деревенские новости:

— Как чувствует себя спасенный мальчик? ... Почему родители так беспокоились за Якоба, ведь несчастный случай произошел не с ним, а с младшим из сыновей. Может быть, Якоб чем-то болен?

— Да он здоровее вас, хозяин, — заверил проводник, фамильярно хлопнув Тьюринга по тугому животу. — Дикий кабан пекари не жрет столько, сколько съедает в день Якоб: три чашки тапиоки, заправленной маисовым маслом, курицу и плетенку отборной «свиной сливы». Каждый норовит дать сироте лакомый кусочек.

— Кроме тебя? — осторожно уточнил натуралист.

— Я теперь чувак городской, — похвастался Анаконда. — Только и ко мне может прийти из сельвы... А давайте я покажу вам гигантского слепого каймана с вот такой пастью, — проводник широко раскинул руки, рискуя вывихнуть их в плечах, — который живет уже пятьсот лет.

— Ты за кого нас принимаешь? За экспедицию Стэнфордского университета? — спросил Тьюринг.

— За наивных туристов, — ответил вместо проводника Роу.

Анаконда, оскорбившись, замолчал, но потом, уже в деревне, выпив вместе пива, телевизионщики с ним помирились, и проводник уплыл на моторной лодке, чтобы на завтра привезти других членов съемочной группы и камеры.

Проводить Анаконду, которого считали в деревне благодетелем, на берег высыпали и взрослые, и индейские ребята, и Тьюринг жестами подозвал к себе Якоба:

— Что за татуировка у тебя на спине, парень?

— ...Нет, пожалуй, это не татуировка, а зажившие старые шрамы, как будто тебя очень жестоко избили кнутом или лассо. Впрочем, и на шрамы не похоже... Где ж я видел такие пупырышки? — Колин Тьюринг слегка надавил на выступавшее над кожей серое пятно, так что Якоб, длинноволосый подросток-индеец, вздрогнув то ли от боли, то ли от неожиданности, отбежал на безопасное расстояние и присел на корточки, с любопытством смотря на Тьюринга черными круглыми птичьими глазами. Как и другие деревенские дети, он считал «белых» своим законным развлечением.

Ствол фигового дерева мужчины вайана уже разрубил и убрали, и теперь доканчивали застилать пальмовыми листьями новые стропила. Джеффри Роу носил в хижину снаряжение. Никто не заметил, как из опрокинувшейся лампы протекла тоненькая струйка, и когда керосин вспыхнул, режиссер метнулся вниз по лестнице за песком и только поэтому не превратился в пылающий факел, хотя подошвы его кроссовок пропитались горючим. «Летучую мышь» Тьюринг закидал землей, а вода, которой тушили деревянные доски, смыла с поверхности «аптечки» яд кураре, который индейцы выпаривают для своих отравленных стрел из листьев чилибухи, и Роу не парализовало, когда он решил поменять грязный лейкопластырь. Зато режиссер чуть не погиб от пули Колина Тьюринга, стрелявшего в воздух холостыми, как он думал, патронами, отгоняя свору агути.

Справиться с бешено кидавшимся на Тьюринга и Роу зверьем помогли индейцы и учитель миссионерской школы, немолодой седовласый

негр, чья заостренная с одной стороны жердь ходила с размеренностью механизма.

— Я же говорил, что здесь аномальная зона, в которой инстинкты животных мигрируют. Никогда не наблюдал ничего подобного! — сказал Тьюринг, когда после побоища индейцы унесли ободранные тушки, капавшие кровью.

— Ты имеешь в виду нападение монстров? — спросил Роу, закуривая. Пальцы у него дрожали так, что режиссер только со второго раза сумел поднести к трубке горящую спичку.

— Мо-о-онстров? — протянул натуралист. — Не смейся, пожалуйста! Южноамериканского агутти, похожего на кролика с золотисто-коричневой шерстью и чрезмерно высокими задними лапами, называют еще «горбатым зайцем». Согласен, что в данном ареале он повел себя вдруг, будто дикая австралийская собака динго, но какой из зайца монстр?!

— Колин, дорогой, я, конечно, понимаю, что у тебя многолетняя заслуженная и безупречная репутация защитника природы, — устало сказал Роу, — и сейчас ты разразишься лекцией о биоценозе и экосистеме...

— Это одно и то же.

— ...Но давай смотреть на вещи прямо!

— Давай! — Тьюринг устремил преувеличенно внимательный взгляд на их многострадальные гамаки и сумки. — Да, я признаю, что нас хотят убить.

— Не исключена и вероятность того, что кто-то, например, некий наркобарон, решил запугать съемочную группу, чтобы она отсюда уехала.

— А зря все-таки мы подозревали Анаконду, потому что он сейчас плывет по течению и, если не разобьется по пьянке на подводных камнях порога Гран Сэла, к вечеру будет на морском побережье. Твоя версия о наркоторговцах тоже не выдерживает критики, ведь коку выращивают не в Суринаме, а в Колумбии. Но любопытный факт: вчера кто-то очень хотел убить только тебя, а сегодня уже нас обоих. Что такого особенного сделал ты вчера, а я — сегодня?

— Думай, Колин! Спасти нас может только твоя наблюдательность и умение делать правильные выводы.

— Значит, и ты, наконец, признаешь, что я гениален? А то заладил: «Стэнфордский университет... Стэнфордский университет...»

К обеду учитель, который знал несколько десятков английских слов, принес жареную на вертеле зайчатину и желтые спелые бананы. Перед отъездом Анаконда поговорил с ним, и учитель пытался растолковать телевизионщикам, сколь глупо платить гильдены за никчемного зверя, ловить которого нет надобности. Висящего на дереве ленивца нужно просто «сорвать». Учитель продемонстрировал на грозди бананов, как он себе это представляет, и Колин Тьюринг сказал режиссеру:

— Типичное обывательское суждение. Если ленивец не откармливается,

словно рождественская индейка, если он не пригоден для вспашки рисового поля, как буйвол, и не выглядит также прелестно и трогательно, будто персидский котенок, — значит, не приносит пользы! Руки у него, уроды, крюки! Именно так! *Choleopus didactylus* — ленивец двупалый, идеально приспособлен для своего образа жизни. А представь, что холеопусы собрались и обсуждают хомо: и по деревьям-то человек не лазит, и шерсть у него плохая, и отליнявшую одежду не сбрасывает, и эта скверная привычка пить!

— На что ты намекаешь?

— Ленивцы не пьют, им хватает воды из листочков, которыми они питаются.

— Вот уроды! — пробормотал режиссер. — Колин, ты куда собираешься?

— Пойду вместе с учителем ловить ленивца. Иначе он его искалечит, — ответил натуралист, надевая полотняную куртку на резинке, чтобы не «нахватать» в лесу тропических клещей.

— Зачем учителю калечить ленивца?

— Не учитель искалечит ленивца, а наоборот, ленивец искалечит учителя — и не ахнет! Нельзя относиться к диким животным, как к врагам, но еще глупее считать бамбукового медведя панду игрушечным плюшевым мишкой.

— Сомневаюсь, что ленивец понадобится нам вообще, потому что, как только Анаконда вернется, нужно будет эвакуировать всю съемочную группу и уносить ноги самим. Колин, я тебя прошу, не ходи в лес!

— Опаснее находиться среди людей, — возразил Тьюринг. — Ведь не думаешь же ты, что патроны поменял ленивец, положив вместо холостых заряженные?

— Ну, тогда и я пойду с вами. Не возражаете, господин учитель?

За деревней было мансовое поле, где среди невысоких кукурузных стеблей рыхлили мотыгами чернозем женщины вайана с голыми и острыми, словно вымя у коз, грудями. Под влиянием миссионеров они давно начали носить яркие юбки из цельных кусков ткани, но не утратили любви к браслетам и ожерельям из сушеных ягод. Впрочем, пластмассовых бус, привозимых Анакондой, на них тоже хватало. Увидев «белых», женщины сбились в кружок и громко захихикали: «Вот уроды!»

Изнemoгая от жары, телевизионщики вступили под полог многоярусного тропического леса. Учитель, повязанный банданой и несший в руках кривое лезвие мачете, что делало его похожим на средневековых пиратов, шел впереди. Замыкал маленький отряд приемыш Якоб, бойко стуча босыми твердыми пятками по утоптанной тропинке.

Каскады лиан-эпифитов с глянцевыми листьями; алые, пурпурные и белые орхидеи, расцветивающие пестро-зеленые стены леса, сразу же сомкнувшиеся над головой; рваные султанчики пальм; воздушные корни гигантских деревьев; громадный сухоцвет, весь в розовой пене цветов, среди которых сновали рыжие обезьянки, — сельва, зеленый полумрак которой

сначала показался Джеффри Роу успокаивающим и даже прохладным, очень быстро начала его раздражать.

— Можно, я буду первопроходцем? — спросил он, но учитель, который врубался в лесные заросли, его не понял.

— Мы давать Джеффри мечете, Джеффри делать дорога, — перешел режиссер на ломаный английский язык.

Как и предостерегал Колин Тьюринг, встреча с людьми не обрадовала ленивца, которого они заметили среди веток: проснувшись, он залязгал желтоватыми острыми зубами и чуть не раскроил «крюком» бедро учителя, но, в конце концов, когда ему предоставили прямой толстый сук, ленивец сам повисел на него и снова сладко заснул, спрятав маленькую головку между передними лапами. Мстя за приемного папашу, Якоб пнул спящее животное, и даже от удара ленивец не очнулся.

— Мы не давать Джеффри мачете, — сказал натуралист. — Джеффри делать секир башка бедный ленивец.

Режиссер, действительно, смотрел на безобидного, в общем-то, медлительного и спокойного зверя, словно на атакующую королевскую кобру. Страх, изумление и брезгливость смешались в его взгляде. И потом, пока ленивца тащили в деревню, он не произнес ни слова, но как только учитель с сыном удалились, выпалил:

— Знаешь, что содеял вчера этот отцовский любимчик, я имею в виду Якоба? Припомни, Колин, я говорил тебе, что заметил какое-то его движение, но никак не пойму, что оно означает. Якоб ногой сбросил ребенка в воду!

— Сомневаться, правильно ли режиссер истолковывает то, что увидел, — прямое обвинение в непрофессионализме. Если Стэндфордский университет...

— Короче! О чем ты спрашиваешь?

— В какой момент ты понял про Якоба?

— Когда он пнул ленивца.

— И что в итоге мы имеем? Набор разрозненных фактов...

Договорить Тьюрингу не дал раздавшийся с берега реки жуткий нечеловеческий вой, как будто племя североамериканских индейцев команчей разом сняло скальпы с племени сну, и натуралист, не впервые слышавший крики обезьян-ревунов, только оглянулся, а Джеффри Роу, который стоял на краю настила, от неожиданности потерял равновесие. Он, словно на кол, сел бы на жердь, забытую учителем около новой, после ремонта, лестницы, но, наступив на енота-крабоеда, затаившегося под походным шезлонгом, просто съехал по ступеням вниз... Тьюринг выпутал помятое животное из пластикового мешка, в котором он, телеведущий, должен был задохнуться, если б ночью еноту удалось напялить пакет ему на голову быстрыми пассами маленьких лапок, привыкших «играть» с речными крабами. По широкой пепельно-серой

мордочке енота проходила полоса; от этого казалось, что он натянул на себя черную полумаску, и, отпуская его, Колин Тьюринг улыбнулся: «Гангстер!»

— Кто так страшно кричит? — спросил режиссер, поднимаясь по лестнице. — Гигантский слепой кайман, у которого от собственного рева лопнули глаза?

— Обыкновенные обезьяны! Ты жив?

— Заноз насадил.

— Нужно доставать, иначе будет нагноение. ...Айрис, детка, как мне тебя не хватает!

Пока догорала роскошная тропическая вечерняя заря, натуралист вытаскивал занозы из спины Роу, и от каждого его прикосновения режиссер вопил так, что обезьяны-ревуны смущенно замолчали, не выдержав конкуренции.

— Все сходится! — сказал натуралист, хлопнув себя по лбу и раздавив комара-стегомину, укус которого должен был заразить его желтой лихорадкой: сначала у Тьюринга поднялась бы высокая температура, затем из-за поражения печени появилась бы желтуха, а потом от мелких кровоизлияний во внутренних органах он изошел бы кровавой рвотой. — Джефри, ты мальчишку Якоба за спину трогал?

— Не помню. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что у меня есть ответ на вопрос «Что такого особенного сделал ты вчера, а я — сегодня?» Ты тронул Якоба за плечо, предлагая забрать братика, а я его сегодня осматривал. ...Итак, остается только просуммировать все разрозненные факты, начав с самого из них значительного, а это, безусловно, открытая мною миграция инстинктов. О причинах ее появления я сказать ничего не могу. Хотя у меня есть рабочая гипотеза, что животные мутировали под воздействием повышенной солнечной радиации, столь характерной для экваториальных областей. Не суть важно! Главное, разобраться в механизме...

— Пока механизм не разобрался с нами, — сказал режиссер. — Кстати, это не он ли сюда лезет?!

Обвивая иссиня-черными лаково блестящими кольцами бревна, на которых покоилась крыша, в хижину заползали «гигантские анаконды», как в панике решил Роу. Одна из «змей», размером в пять футов, угрожающе подняла сплюснутую тупую головку, и натуралист, мгновенно обернув руку порванным пластиковым мешком, ловко схватил ее.

— Прямо к ужину, — довольно сказал Тьюринг, отсекая мачете яростно извивавшееся длинное тело с плоским рыбьим плавником, вкруговую окаймляющим хвост. — Джефри, ты любишь маринованного угря?

— Если мы вернемся, перейду в программу «Новости»: землетрясение на Камчатке, террористический акт в Тель-Авиве, серийный убийца из Хьюстона — есть же спокойная работенка!

— Не шевелись, иначе тебя ударит электричеством, — предупредил Тьюринг, сбрасывая с настила черные живые ленты угрей. — У меня тут изоляция из полиэтилена, а все равно пощипывает: наверное, рыбы только что выползли из реки.

— Рыбы?!!

— Электрический угорь из семейства карпообразных — объект промысла в Гайяне, Суринаме и Бразилии. Но с присущей этой местности миграцией инстинктов. То есть угорь, который ведет себя, словно питон.

— Ну, когда это кончится? — чуть не завыл Джеффри Роу.

— Раз стемнело, то нападений больше не будет.

— Ты так считаешь?

— Кукушки — дневные птицы.

— Не говори загадками, Колин. Каких «кукушек» ты имеешь в виду: может быть, племя старика, с которым мы плавали в каноэ? Тогда нужно пойти и всех их перестрелять!

— Извини, — холодно сказал натуралист. — На этой планете уже много кого «пошли и перестреляли»: одних только млекопитающих, занесенных в Красную книгу, двести пятьдесят видов и подвидов. Давай завтра поговорим!

Ночь прошла бы спокойно, если б режиссер не возился в своем гамаке, каждые полчаса закуривая и со страхом вглядываясь в темные углы хижины.

Проснулся он ближе к полудню от счастливого детского смеха: Тьюринг, лучась своей неподражаемой доброй улыбкой, словно Санта-Клаус, угощал шоколадом ребятишек-индейцев, среди которых был и приемный сын учителя. Увидев хмурого Джеффри, который вышел на настил, натуралист вернулся в хижину.

— Чай пить будешь? — спросил Тьюринг.

— Он брата хотел утопить, а ты ему — конфетки!

— Я, наверное, на неделю или две останусь здесь после того, как мы снимем передачу о ленивце. Не понимаю, каким образом человек-кукушка заставляет подчиняться себе животных: то ли он находится с ними в симбиозе, то ли инстинктивно применяет гипнотическое внушение. Нужно провести исследования, пока сюда не понаехали... из Стэнфордского университета.

— Это кто из нас кукушка? — оскорбился режиссер.

— Якоб!

— Приемный Якоб — «кукушнонок»?!!

Услыхав свое имя, громко повторенное телевизионщиками, мальчик, сидевший на корточках около лестницы, поднял вверх смущенное меднокожее лицо и с готовностью заулыбался.

— Да, человек с поведением кукушки. Миграция инстинктов! А что тебя удивляет? Попутай макао с инстинктом попутая кеа тебя же не удивил.

— Ты не прав! Как раз он удивил меня особенно глубоко! — сказал

режиссер, почесав коросту заживающей ранки, которую ему нанес макао. — Но почему ты считаешь, что приемный сын подброшен учителю?

— Прежде всего, я хороший натуралист, Джеффри, как бы меня там не оскорбляли завистники, — объяснил Тьюринг, обмахиваясь своей шляпой. — Аналогия возникла еще в тот момент, когда на берегу ты тронул Якоба за плечо, а он неестественно дернулся. Сколько раз и воочию, и на видеокассетах я видел, каким своеобразным движением слепой кукушонок вытаскивает из гнезда других птенцов! На спине у только что вылупившегося кукушонка находятся чувствительные сосочки, и если такие рецепторы задеть, то он сразу же становится крошечной «катапульты». Веточка дерева, чужое яйцо или другой птенец — все летит на землю. ...Якобу, человеку-кукушке, стало больно, когда ты задел его, и сначала он отреагировал коронным кукушечьим жестом, а затем попытался выбросить тебя из жизни...

— До чего интеллигентно звучит: «...выбросить», — проворчал режиссер. — А у меня, как вспомню атаку взбесившихся зайцев, волосы дыбом встают, даже в бороде!

— Инстинкт работает лишь короткий промежуток времени. Если кукушонок не выкинул своих сводных птенцов-братьев за четыре дня, он будет мирно сосуществовать с ними дальше, — вернулся Тьюринг к изложению своей гипотезы. — Сейчас приемыш Якоб ни для кого не опасен, потому что сосочки на его спине исчезают.

— Объясни еще раз, — попросил Джеффри.

— С точки зрения биологии, человек такое же животное, как кайман или антилопа гну, — сказал Тьюринг. — В этом регионе миграция инстинкта наблюдается у зверей, птиц, рыб и даже насекомых. Например, фиговые осы ведут себя, словно муравьи, и логично предположить: среди местных индейцев есть племя со смещенным инстинктом. Старик на каноэ, он ведь прямо сказал, что они не люди, а «кукушки». Знает о «кукушках» и Анаконда, ведь наш проводник явно боится того, кто «может прийти из сельвы...» Из сельвы пришел мальчик. Учитель взял его в семью, назвал Якобом в честь первого миссионера, работавшего в деревне, и чуть не поплатился за свою отзывчивость. Череду покушений на нас устроил Якоб, причем каждое последующее покушение мешало предыдущему, ведь он действовал не как человек, а как кукушонок, то есть инстинктивно. И давай не будем путать слепые инстинкты и осознанное намерение убить! Никто не считает охотящегося льва убийцей: он регулирует численность тех же антилоп.

— Мою численность мне хотелось бы регулировать самому, — заметил режиссер.

— Мы оповестим власти, и гнездовой паразитизм для этой индейской деревни перестанет быть смертным приговором! Несчастные случаи прекратятся, если ребенка-«кукушку», как только его усыновляют, изолировать на карантин в отдельной хижине.

— Могу я пожать вам руку, сэр? — сказал Роу, вставая с раскладного шезлонга. — Я собственноручно напишу письмо в Стэндфордский университет о том, что вы умный. И прослежу, чтобы в нем расписалась вся наша съемочная группа, которая очень кстати подплывает сюда на лодке.

— Где?! — встрепенулся знаменитый натуралист. — Может, зайдем у кого-нибудь «кукушонка»? Нет, ладно, я их, лодырей, сам поубиваю! Боже, да это моя Айрис!

От реки, усиленное через мегафон, донеслось приветствие звукооператора; остальные, кроме жены Колина Тьюринга, державшей на весу кастрюльку с его любимым кэрри, просто махали руками.

АЛЕКСЕЙ ТОЛКАЧЕВ

РАБОТАЕМ!

аркий, знойный день начала августа. Очередь в винном отделе, несмотря на разгар рабочего дня, собралась изрядная. В основном стояли за пивом. Люди свободных профессий, а в большом городе всегда немало этих бездельников, вполне могли себе позволить в такую жару выпить в обед пивка.

Бутылочку-другую. Третью-четвертую... Половина очереди состояла из студентов, у тех вообще были каникулы. Но находились тут и представители серьезных профессий. У самого прилавка стоял космонавт в полной выкладке: в белом скафандре с красной надписью «Russia» во всю спину и в тяжелых космических ботинках. Только голова его была открыта, свой шлем космонавт держал в руке. Подошла его очередь. Космонавт обратился к продавщице:

— Скажите, пожалуйста, у вас водка в тубиках есть?

— Нет! — процедила продавщица, глядя в сторону. — Следующий!

— Погодите, — сказал космонавт, — дайте мне тогда, пожалуйста, в бутылках, две ноль-пять вон той, по сто двадцать рублей.

— Не дам.

— Почему это?!

— А потому! — взъярилась продавщица. — Мы лицам в спецодежде вообще спиртное не отпускаем! Знаю я вас, алкашей! Каждый день по телевизору сообщают: то у вас там на орбитальной станции система энергопитания отказала, то в датчике давления негерметичность, то крышку входного люка перекося... это... А все почему? Потому что следить там за вами некому, жены вас там не контролируют, и вот вы с утра за воротник заложите, и давай за дорогую технику руками хвататься! А за технику эту, между прочим, народные трудовые деньги плочены! Не продам я тебе водку! — отрезала продавщица. — Следующий!

Космонавт понуро направился к выходу из магазина. Но не вышел, а, воровато озираясь, обратился к мужичку, стоявшему в конце очереди.

— Слушай, папаша, выручи, пожалуйста! Возьми две ноль-пять, а? Мне в спецодежде не продают, а переодеваться некогда. Эту шкуру только растегнуть — полчаса надо. А я водилу еле уговорил на десять минут тормознуть. На космодром едем. Старт у нас через три часа.

Хлопая глазами, мужик взял протянутые космонавтом мятые купюры.

— Ну чего ж... Возьму. А вы что, там, реально, бухаете, что ли, на орбите?

— Дык! — хмыкнул космонавт. — Там без этого нельзя! Ну, то есть, по уставу не положено, конечно, но все пьют. Без водки там страшно. Космос ведь кругом! И потом, мне ведь там полгода чалиться. Ты вот пробовал когда-нибудь полгода не пить?

— Типун тебе на язык! — испугался мужик. — Слушай, так ведь на полгода-то двух по ноль-пять маловато будет.

— Это здесь маловато. А там как раз на шесть месяцев хватит. Там она, родимая, цепляет по-другому. В невесомости. Наперсток выпьешь с утра, и на целый день хватает.

— У нас говорят: с утра выпил — весь день свободный, — засмеялся мужик.

— То на Земле, — строго ответил космонавт. — А у нас не забалуешь. На орбите работа — это святое. Космос! Понимать надо!

— Ты не впервой туда, что ли?

— Какое там! Третья ходка моя. У меня уж на груди комета с двумя хвостами наколота, — космонавт похлопал себя по скафандру. — Если нынче, бог даст, благополучно пристыкуемся, мне завтра хозяин хаты... борт-инженер, то есть, третий хвост кометы набьет. Я космонавт в законе!

— А звать-то тебя как?

— Трофимов Тимофей. Встречал, небось, в газетах-то?

— Да, вроде, встречал... Слушай, братан, а автограф можешь дать?

— О чем разговор! Есть, на чем?

Мужик судорожно полез в бумажник и, порывшись, вытащил оттуда проездной. Откуда-то из внутреннего кармана куртки извлек шариковую ручку.

— Вот.

Расписавшись на проездном, космонавт похлопал мужика по плечу и сказал:

— А теперь, уважаемый, взгляни вон туда. Видишь там, над кассой, вон ту маленькую штучку, рядом с надписью «Сигареты»? Знаешь, что это такое? Это скрытая камера! Розыгрыш! Ты стал героем передачи: «Вот и ты попался!» Не смущайся, все о'кей! Как говорится, и на старуху бывает довольно простоты!

Крупным планом: лицо мужика с открытым ртом.

Крупным планом: улыбающаяся продавщица (тоже актриса) машет рукой.

Склейка.

В следующем кадре продавщица снова строгая. У прилавка космонавт. Он спрашивает:

— Скажите, а у вас соленые огурцы в тубиках есть?

И тут экран вдруг погас.

— Ну что там у тебя опять, Миша? — заворчал Тимофей.

— Ща разберемся, — флегматично ответил техник Миша, полез под стол и завозился там в сплетении проводов.

Шел показ смонтированного сюжета для передачи «Вот и ты попался!» Помимо техника Миши и актера Тимофея Трофимова в комнате заседаний присутствовали еще режиссер, сценарист, оператор, администратор и, во главе стола, продюсер, которому, собственно, и демонстрировался видеоматериал.

— Ну что там, Миш?! — нетерпеливо воскликнул актер. Большой жидкокристаллический экран на стене не подавал признаков жизни.

— Да хрен его знает! — послышалось из-под стола. — Вроде, все нормально.

— Может, ты вилку из розетки ногой выдернул?

— Да нормально все!

— Сегодня вообще техника бастует, — пожаловался администратор. — У меня мобильник вырубился.

— А он у тебя вообще когда-нибудь врубается? — оживился режиссер. — Тебе ведь, когда надо, хрен дозвонишься. У тебя не только техника, у тебя мы все скоро бастовать будем. Вот вчера, я тебе три раза...

— Погодите вы, — поморщился продюсер. Все затихли.

— Это вот что вы мне сейчас такое показали?

— Это сюжет про космонавта, — затараторил актер. — Но это еще не конец. Там я дальше спрашиваю: «Огурцы соленные в тубиках есть?» Мне говорят: «Нет». Я говорю: «Будем искать». А потом...

— Постойте, Тимофей, ради бога, — замахал рукой продюсер.

Актер замолчал. Продюсер вздохнул.

Этот чертов Трофимов был для него костью в горле. Как, впрочем, и для всего коллектива проекта «Вот и ты попался!» Актер посредственный, зато самовлюбленный, назойливый и не в меру активный. И никуда его не денешь, ибо — племянник Глеба Никитича, коммерческого директора концерна «ПНМ-Медиа», которому их телеканал принадлежит с потрохами. Продюсер не раз уж по этому поводу плакался своему Генеральному, но тот в этом вопросе тверд: «Племянника Никитича трогать не будем!» А этот племянник даже текстов толком выучить не в состоянии. Даже две элементарные пословицы никак не научится не путать... Решено было, что всем жертвам розыгрышей актеры должны говорить: «Не смущайтесь, и на старуху бывает проруха» или «На всякого мудреца довольно простоты». Актер же, с позволения сказать, Трофимов, выдавал в камеру перлы вроде: «И на старуху довольно простоты» или: «На каждого мудреца бывает старуха», но никак не то, что надо. Притом он был, вообще, большой любитель пословиц и поговорок, этот Трофимов, черт бы его побрал...

— Я вот что хотел спросить, — начал продюсер, — у нас, кажется, сценарий эпизода был утвержден несколько иной?

— Это — мягко говоря, — ядовито заметил сценарист.

— Вы не напомните мне, каков был первоначальный вариант? — повернулся к нему продюсер.

— С удовольствием... — сценарист потыкал кнопки лежавшего перед ним на столе ноутбука. — Боюсь только, дословно прямо вот сейчас не напомним, поскольку ноут у меня, похоже, сдох сегодня... Батарея села, и зарядка почему-то не пашет. Но я близко к тексту помню. Сюжет был про городской транспорт. Ведь вы говорили, у нас заказ от мэрии?

— Истинно так, — кивнул продюсер.

— Ну вот. Был сюжет про метро. Разыгрываются пассажиры метрополитена. На какой-нибудь станции метро в вестибюле ставится столик с аппаратурой и микрофоном. На столике табличка: «Народный диктор». Гражданам говорится: «Отныне объявления станций в вагонах метро будут звучать голосами простых людей, обычных пассажиров. Не хотите ли записаться? Вот, прочтите в микрофон: «Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — Подземная набережная Неглинки». Ну, это новую станцию такую скоро откроют». И люди начинают записываться. А мы их снимаем. Тут даже камеру особо прятать не надо. А другие названия станций у нас там были: Библиотека Ивана Грозного... Подвалы Лубянки... Владиславская — с пояснением, что это так Третьяковскую скоро переименовуют, в честь Владислава Третьяка. Люди, натурально, удивляются, мы снимаем реакцию. Потом говорим: «Объявления будут звучать на разных языках народов России. Вот, прочтите по-удмуртски: «Миняс нимаэт скры! Таяка мерал!» А теперь еще раз, побыстрее!» Ну, и так до тех пор, пока человек не поймет, что произносит фразу: «Меня снимает скрытая камера».

— Так. И что же у нас случилось с этим замечательным... — продюсер закаплялся. Снял трубку телефонного аппарата, поднес к уху, занес палец над кнопками, но так и не нажал ни одной... — Что-то гудка нет... — Лена! — крикнул он, обернувшись к стене.

Открылась дверь комнаты заседаний, и на пороге показалась секретарша.

— Принеси нам кофейку, пожалуйста.

Девушка упорхнула.

— Так что же у нас случилось с этим замечательным сюжетом?

— Все вопросы к режиссеру! — обиженно сказал сценарист.

— А с сюжетом случилось то, — взял слово режиссер, — что у некоторых авторов начисто отсутствует понимание жизненных реалий. Надо же было учитывать, что в метро, на фоне шума поездов, совершенно невозможно записывать звук. Даже делать вид, что записываем, невозможно. Мы пытались. Никто нам не поверил.

— Ну и?

— Ну и тогда пришлось нам на месте как-то импровизировать, видоизменять сюжет про метро. Решили организовать съемки прямо в вагоне. Договорились с машинистом. Придумали такую феньку: на остановке... допустим, на Пушкинской... Тимофей из кабины машиниста по громкой связи объявляет пассажирам в вагонах: «Товарищи пассажиры, это машинист к вам обращается! Я в Москве недавно! Плохо ориентируюсь.

Подскажите кто-нибудь, как отсюда до Кузнецкого моста доехать? Сейчас направо или прямо, по главному тоннелю?» Я с камерой в один вагон пошел, Серега — режиссер кивнул на оператора — с другой камерой в другой вагон. Снимать, как пассажиры реагировать будут.

— Сняли что-нибудь интересное?

— Я — нет, — признался режиссер. — Народ в вагоне вялый попался. Никто не реагировал. Зато вот этот... гений-документалист, — режиссер снова кивнул на оператора, — сказал, что набрал кучу отличного материала.

— И набрал! — гордо поднял голову оператор.

— Вот, видите! Он набрал. Ну а я, дурак, поверил. Моя вина. Я ведь тут уезжал на пару дней. Вы ведь меня отпустили...

Продюсер кивнул.

— Ну, я ему и доверил самостоятельно сюжет смонтировать. Он и смонтировал.

— Показать? — оживился оператор.

— К счастью, не на чем! — ответил режиссер, — Панель-то у нас вырубилась.

— Ну, материал-то я могу и прям на камере показать.

— Да у тебя ж там аккумулятор сегодня полетел, ты ведь мне с утра рассказывал! — злорадно напомнил режиссер. — В общем, показывать там нечего. Сидят пассажиры и читают газеты. Вот и весь сюжет. Я ж говорю — гений-документалист...

— Да там заголовки знаете, какие смешные попадают! — стал оправдываться оператор.

— Ну и бардак тут у вас! — протянул продюсер, — Ну и барда-ак!

— Ну а что вы хотите? — встрял актер Трофимов. — Как говорится, у семи нянек дитя без застеек!

Тут снова открылась дверь. Секретарша с порога сообщила:

— Я извиняюсь, там у нас в буфете ни одна розетка не работает. Случилось что-то. Короче, чайник вскипятить не получилось. Это я насчет кофе...

— Да у нас, похоже, просто электричество отключили везде! — догадался продюсер.

— Сейчас проверим, — администратор съемочной группы встал со своего стула и направился в угол комнаты, где под темно-зеленым матерчатым чехлом скрывалось какое-то злое устройство высотой почти в половину человеческого роста. Когда кому-нибудь из гостей, для смеха, предлагали угадать, что находится под этим чехлом, самым популярным ответом было: «Не может быть! Неужели это он? Списанный со студии Джорджа Лукаса робот R2D2?!» Меж тем это был обыкновенный, точнее, совершенно необыкновенный пылесос российско-китайского производства. Это изделие имело воистину славную родословную. Пылесосы этой модели начал клепать некий отечественный завод, в прошлом — военный,

а в новые времена перешедший на выпуск мирной продукции. (Если, конечно, можно назвать мирным изделием агрегат, звук работы которого слышен по всему зданию). Делать этих монстров стали на базе бог знает какого узла бог знает какой военной техники. Но довести до ума так и не успели. Интерес и финансирование российских мастеров конверсии иссякли раньше. И их детище осталась в состоянии «недопылесоса». Но тут на помощь пришли китайские коллеги, которые выкупили у наших это дело. На благословенной земле Поднебесной империи модель развилась и стала настоящим пылесосом, без всяких «недо». Только не очень надежным, выходящим из строя, в среднем, после десяти-пятнадцати включений. Тогда эстафетную палочку вновь приняли наши бывшие военные инженеры, большие специалисты по части надежности. В итоге получилось славное изделие: оно выглядело страшно, работало надежно, сосало и гоготало, и внутренностями напоминало систему Windows. В том смысле, что явно содержало в себе что-то лишнее, и никто из цепочки ее создателей в полной мере не знал назначения всех ее внутренних органов.

И вот, один из этих пылесосов около года назад администратор приобрел для нужд студии. Зачем он это сделал, для сотрудников осталось загадкой. Злые языки, как обычно, утверждали, что у него были деньги на покупку нормального фирменного пылесоса, он же купил этот, подешевле, а разницу... Но что возьмешь со злых языков? Как сплетничать — так все умные, а попробовали бы сами похозяйствовать в такой обстановке!

Сняв со своего питомца чехол, администратор вытянул кабель электропитания, вставил вилку в розетку и нажал на пылесосе кнопку «Вкл». Зверь заревел.

— Вырубай, вырубай, все понятно!

— А? Что?!

— Выключай его на хрен!

— Работает розетка-то, — удовлетворенно заявил администратор, смахивая шнур.

— Ладно. Вернемся к нашим... Вернемся к нашим делам, — сказал продюсер. — Из всего, что вы рассказали, я пока не понял, откуда взялась эта байда про космонавта.

Все члены съемочной группы, ни слова не говоря, повернули головы в сторону актера Трофимова.

— Ну а что? — ответил тот. — Надо же кому-то было спасать положение! Уж коли я, что называется, в одной лодке, то мне и концы в воду. Пара дней оставалась, я сам придумал сюжет, ребята-коллеги помогли снять, смонтировать.

— Что за «ребята-коллеги»? — мрачно поинтересовался продюсер.

— Да из четвертой студии. Оператор Васек и девушка его, Ленка, монтажница. Всю ночь сегодня, кстати, монтировала это дело. Спит сейчас,

прямо там, в студии. Трудолобивые ребята, работают четко, яблоку негде упасть!

— Угу... — продюсер побарабанил пальцами по столу. — То есть мы теперь им должны?

— Ну, это уж ваши дела, — махнул рукой актер. — Я положение спасал. Смешной ведь сюжет получился?

— Обхохочешься! — фыркнул сценарист, вставляя в рабочую розетку кабель питания ноутбука. — Все равно не пахнет! Что за чертовщина?!

— Как бы вам сказать, Тимофей. У нас ведь заказ от мэрии был сделать сюжет про транспорт. Да не очень-то у вас и смешно.

— У меня не смешно?! Да у меня смешно, как... как свои пять пальцев! И что, космический корабль — это не транспорт?!

— Вы знаете, Тимофей, для мэрии — нет.

— Ладно, нет, так нет. Но то, что смешно, это уж я вас умоляю! Тут уж, как говорится, смешно, как у Христа за пазухой!

— Ну, Тимофей, поскольку никто из присутствующих, кроме вас, у Христа за пазухой не бывал, то на этот счет я ничего возразить не могу. Но вынужден сообщить вам. Всем вам, — продюсер обвел глазами присутствующих, — вынужден сообщить пренебрежительно...

В кармане у него затрезвонил мобильный телефон.

— А вот и Генеральный звонит, — сказал продюсер, посмотрев на экран телефона. — Добрый день, Виктор Кириллыч! Что? Пылесос? Да, включали только что. Вы его даже из своего кабинета слышите? Подъехали недавно? — Даже во дворе, на стоянке твою бандуру слышно, — сообщил продюсер, повернувшись к администратору. — Да, Виктор Кириллыч! Что, простите? Вы пропадаете. Не слышно вас... Вот, черт, — продюсер с удивлением посмотрел на телефон. — И моя мобила разрядилась. Странно. С утра же заряжал. В самом деле, порча какая-то электрическая на нас напала! Ладно, розетки, но батареи-то почему у всех одновременно отказывают? А вот, видимо, потому, — возвысил голос продюсер, — что в этом бардаке, который я тут у вас наблюдаю, никакая жизнь невозможна! Ни творческая, ни техническая. И я уполномочен сообщить вам следующее. Давно уже руководство канала выражало недовольство низким художественным уровнем нашей программы. Виктор Кириллыч еще на прошлой неделе хотел наш проект свернуть. Я его уговорил дать нам еще один шанс. Сюжет про транспорт, заказ от мэрии, смешной сценарий, все дела... Однако, вижу, босс прав. Сворачиваем проект «Вот и ты попался!» Закрываем эту богадельню.

Как только прозвучали эти слова, дверь распахнулась, и в помещение бодрым шагом вошел сам Генеральный, Виктор Кириллович.

— Здорово, орлы! Сидите, сидите. И ты сиди! — сказал босс продюсеру. — Я с тобой рядом устроюсь. — Генеральный подкатил свободный стул. Теперь во главе стола сидели сразу два больших начальника.

Что такие унылые? — спросил Виктор Кириллович. — А-а! Понимаю! Ты их успел порадовать уже?

Продюсер кивнул.

— Поторопился, брат, поторопился малость. Пересмотрели мы несколько этот вопрос. Программа у вас ребята, конечно, дерьмо! Но тут мне рейтинги свежие подогнали. Рейтинги высокие. Так что, поздравляю вас. Народ вас принимает. Употребляет в пищу, так сказать. Так что, работайте пока. Но, смотрите у меня! — босс погрозил пальцем. — А что вы тут в такой духоте сидите? Чего кондиционер не включаете?

— Да он тут у нас сегодня не включается, — ответил продюсер.

— Вот как? Похоже, сегодня профсоюз кондиционеров объявил забастовку, — пошутил Генеральный. — У меня в машине тоже сейчас кондей в отказ пошел. Вообще, сегодня везде какие-то проблемы с техникой. Я, пока ехал, по радио слышал что-то такое... А потом и приемник замолчал, так что, конкретно, что там такое, не знаю. Ладно, пошел. Работайте!

— Ну что, злодеи, — сказал продюсер, когда дверь за Генеральным захлопнулась. — Повезло вам. Скажите спасибо дурному вкусу нашей родной телеаудитории. Заседание продолжается, господа присяжные. Работаем дальше.

— Нам бы в плане финансирования... — осторожно сказал администратор.

— Что вам в плане финансирования? — продюсер нахмурился.

— Я имею в виду, на спецэффекты...

— На спецэффекты я тебе в июне наличными выдал! Из этого у тебя не меньше половины еще остаться должно!

— Не осталось...

— Как так, не осталось? Куда ж ты все спустил?!

— Оранжевый дым купил, — вздохнул администратор. — Шашки. Павильонные и уличные. Помните, у нас проект намечался «Оранжевое настроение». А потом отменился. А дым я уже купил...

— Сколько ж ты его купил?

— Много, — прошептал администратор.

— Ну, ты... — продюсер не нашел слов. — Ну, погоди, разберусь я с тобой! А вы мне, братцы, вот еще что скажите, раз уж у нас зашел такой милый разговор. Сюжет с дегустацией шампанского. Розыгрыш-реклама. Он у вас сделан? Я почему спрашиваю. Потому что сюжета не видел и шампанского не вижу. А ящик все время здесь стоял, рядом с пылесосом твоим любимым. Так что на счет сюжета? Снимали?

— Снимали! — дружно закивали головами члены съемочной группы.

— Сняли?

— Сняли... — ответил режиссер.

— Смонтировали?

— Нет.

— Когда смонтируете?

— Тут такое дело... — сказал администратор. — Там монтировать нечего. Участники никакие попались. Материал вышел не интересный. Переснимать надо. Мы сделали выводы, сценарий подкорректировали...

— Я понял, — злоеюще улыбнулся продюсер. — Шампанского, то есть, не осталось, и вы мне хотите сказать, что надо теперь купить еще ящик?

Снова открылась дверь, и на этот раз на пороге появился оператор Васек из четвертой студии.

— Привет, мужики! Ой, пардон. Я попозже зайду.

— Да нет, Василий, что ты, проходи, будь как дома, здесь все тебе рады! — Продюсер был сама любезность. — Ты к нам по делу, или так, просто, с дружеским визитом?

— По делу. По личному. Я на минутку. Мужики, у вас бутылки шампанского не осталось? Вроде, когда мы с вами тут в пятницу праздновали, вы говорили, у вас его целый ящик?

— Ага... — сказал продюсер.

Члены съемочной группы опустили глаза.

— Что праздновали, если не секрет? — бархатым тоном поинтересовался продюсер.

— Так пятницу же! — ответил Васек. — А сегодня у моей Ленки день рождения. Она сейчас в монтажной студии спит. Всю ночь сюжет монтировала, для вас, кстати. Я хочу ее выстрелом шампанского разбудить. Прикольно получится!

В комнате повисла тишина, которую нарушил техник Мишка:

— Оранжевый дым возьми. Павильонный.

— Ладно, мужики, — сориентировался Васек, — я вижу, я малость не вовремя. Извините!

И ретировался.

Продюсер встал. Прошелся по комнате. И, наконец, сказал:

— Значит, так. Разговор у нас с вами серьезный будет впереди. А сейчас времени, — продюсер посмотрел на свои наручные электронные часы. Они не подавали признаков жизни. Цифр на сером индикаторе не было. — Сейчас времени... уже много. У меня другие дела. Ну, что притихли? Работаем!

И вышел из комнаты заседаний, хлопнув дверью.

Администратор вздохнул, посмотрел на режиссера и спросил:

— Ну, что там у нас дальше?

— Что там у нас дальше? — спросил режиссер у сценариста.

— Розыгрыш с факиром и змеей, — ответил тот.

— Извините, что перебиваю, — вмешался оператор, — но камера-то сломалась. Как снимать?

— Значит, так. Бери машину и дуй на Шаболовку. Одолжишь там у них. И — мухой обратно! Так что за сюжет с факиром?

— Сюжет для жаркого летнего дня, как раз, как сегодня, — стал рассказывать сценарист. — Наряжаем Тимофея цирковым факиром. Халат, чалма, все такое. Он садится посреди тротуара, прямо тут в сквере, напротив здания. Камеру там где угодно можно разместить. Перед факиром лежит мешок. И коробка с мелочью. Факир сидит и насвистывает. Обращается к прохожим: «Извините, не могли бы вы меня выручить?» Продолжая посвистывать между словами. «У меня тут в мешке змея, чтобы она не вылезла, надо все время свистеть. Я тут уже два часа сижу. Курить охота, сил нет! Вы не могли бы тут рядом постоять и пару минут посвистеть, а я покурю?» И когда кто-нибудь согласится и начнет свистеть, факир лезет в карман, достает пачку, открывает, а она пустая! Тогда он говорит: «Ой, сигареты кончились. Я отойду на минутку к табачному киоску!» И уходит. А мы снимаем дальнейшее поведение жертвы розыгрыша.

— Хороший сюжет, — сказал режиссер. — Только уже не для сегодняшнего дня. Ты в окно погляди. Там сейчас, похоже, гроза грянет.

Все посмотрели в окно. Действительно, все небо затянуло черными тучами, и вот уже крупными каплями забарабанил ливень.

— Могу предложить сюжет для грозы! — неожиданно заявил актер Тимофей. — Я выхожу сейчас в тот же сквер, под ливень. Надеваю оранжевую жилетку и оранжевую каску. Ставим какой-нибудь плакат насчет электробезопасности. Типа, «Осторожно, высокое напряжение!» Я оглядываюсь по сторонам, типа, вижу, что поблизости никого нет, смотрю вверх, в небо, и кричу: «Можно! Давай!» И оттуда молния долбит! Ну, пусть не сразу, но молнии же будут. Погода-то явно грозовая. Потом смонтируем, как будто она сразу после моего крика бьет.

— А это что, смешно, по-вашему? — прищурился сценарист.

— Это?! — вскричал Тимофей. — Да не то слово! Это еще как смешно! Это смешно как... у негра в...

— Стоп, стоп! — взмолился режиссер. — Не надо про негра. Вернемся лучше к вашему выражению «смешно как у Христа за пазухой».

— Кстати, насчет Христа, — сказал сценарист. — Не посыплются к нам после этого сюжета письма возмущенных верующих?

— А при чем тут верующие? — не понял Тимофей.

— Скажут, мол, кощунство. Молния — она же ассоциируется с оружием в руках Бога.

— Ну, это я не знаю, — рассмеялся Тимофей. — Я лично атеист.

— Даже в школе проходят, что религиозные верования произошли от того, что древние люди не могли найти объяснения таким страшным явлениям природы, как гром и молния. И так рождались понятия о том, что существует некое высшее существо, которое управляет всем этим...

Меж тем, дождь за окном лил как из ведра. Небо было просто черным от туч, однако ни грома, ни молний не было.

— Машина, походу, не заводится. Походу, аккумулятор помер!

Все обернулись ко входу. В дверях стоял мокрый до нитки оператор. С него ручьями на пол стекала вода и капало с вафельного стаканчика в его руке растаявшее мороженое.

— Мороженщица говорит, во всем районе света нет, — сообщил оператор.

Администратор подошел к своему пылесосу и снова стал стаскивать с него чехол.

— Что, Пал Палыч, на пылесосе предлагаешь за камерой сгонять? — заржал техник Мишка. — Это здравая мысль! Я тоже считаю, что этот агрегат еще мало нами изучен! Наверняка на нем можно и картошку жарить, и со спутниками связываться, и по улицам гонять!

— Да иди ты! — проворчал администратор, разматывая шнур пылесоса. — У нас-то розетка ведь только что тут работала. Хочу еще раз проверить...

И тут жидкокристаллический экран на стене ожил, и на нем появилось изображение. Голова фантастического существа с сильно вытянутым лицом, заостренными ушами и тремя глазами.

— Ну вот, экран заработал! — обрадовался режиссер.

Оператор уронил мороженое на пол. И пробормотал:

— Ага. И холодильник заработал. И шкаф.

Все обернулись. Действительно, то же самое изображение появилось и на плоскости дверцы холодильника и на стенке шкафа. А также на поверхности стола и на потолке.

Атенст Тимофей принялся истово креститься. Стоя у окна, он увидел этот же лик, гигантского размера, в небе, на фоне черных туч.

Голова на изображении зашевелила губами, и отовсюду зазвучал голос:

— Уважаемые земляне! Обратите внимание на шар, который летает вокруг вашей планеты, и который вы называете Луной. Это скрытая камера. Она все это время была обращена к вам своим объективом! Поздравляем вас! Вы стали героями программы «Большой розыгрыш»! В этом сезоне, то есть, по-вашему, в течение последних двадцати тысяч лет, мы снимали на вашей планете шуточный сюжет под названием «Электричество»! Конечно же, на самом деле никакого электричества в природе нет и быть не может. Это была просто шутка! Мы на время искусственно создали в вашем мире положительные и отрицательные заряды частиц материи, чтобы посмотреть, когда вы откроете это явление и как научитесь им пользоваться. Получилось очень веселое комедийное шоу, и все цивилизованные граждане Тюбика, который вы называете Вселенной, благодарны вам за мгновения здорового смеха! Но, увы, ни один шоу-проект не может жить вечно. В последние годы вы, к нашему всеобщему сожалению, достигли, наконец, такого технического совершенства, что это стало уже не смешно. Особенно в области пылесосостроения. Когда вы запустили большой циклический пылесос на границе Швейцарии и Франции, который

вы называете «коллайдером», мы поняли, что программу пора закрывать. С сегодняшнего дня электричество на вашей планете отключено. Дальше вы будете жить, как все, в естественных природных условиях. Не огорчайтесь, ибо, как у вас говорят... Не все коту... саночки возить!

И тут зазвучал голос другого тембра:

— Сиди, сиди. Поместимся рядом.

Изображение на всех плоскостях разделилось на две половины, и рядом с первой головой возникла вторая, такого же вида.

— Дорогие земляне! Хочу внести в сообщение моего коллеги одну поправку. Ваше комедийное шоу действительно исчерпало себя, но как показывают последние рейтинги, программа с вашим участием набирает популярность среди нашей аудитории уже не как комедия, а как мыльная опера. И зрители желают, чтобы она в таком качестве продолжалась. Так что, the show must go on! Электричество включаем обратно. Скажите спасибо непритязательным вкусам цивилизованных граждан Тюбика. Продолжайте работать!

— А в плане финансирования? — сам для себя неожиданно брякнул администратор, сидевший на полу, привалившись спиной к своему пылесосу. При этих словах агрегат вдруг слегка загудел и засветился голубоватым светом. Говорящие головы на всех плоскостях, словно, услышав что-то, направили взгляды вниз.

— Что — в плане финансирования? — строго спросила первая голова. — А нефти сколько мы вам в недра залили? У вас еще половина должна была остаться!

— Отпад! — выдохнул техник Мишка. — Пал Палыч с инопланетянами по пылесосу разговаривает...

— Я насчет спецэффектов... — прошептал близкий к обмороку администратор.

— Оранжевый дым используйте! — ответила вторая голова.

После чего изображения исчезли. А в следующую секунду под потолком комнаты вспыхнули лампы дневного света. Включился кондиционер. Заурчал холодильник. Заработал DVD-плеер. На экране появились кадры с космонавтом в скафандре у прилавка и продавщицей.

— Соленых огурцов в тюбиках нет? Будем искать...

В небесах сверкнула молния, и раздался оглушительный раскат грома. Электричество дали.

И откуда-то сверху, из-за грозовых облаков, прозвучал голос:

— Ну, что притихли, земляне? Работаем!

ДЕН КНЯЖИЧ

ТРИБУНАЛ, АБО ПСЯ КРЕВ

М

ене розбудили.

— Типа! Вісник прокидається!

Це не мені — пролунало в іншій залі.

— Прокидайся, погань!

— Підводься, клята псина!

А оце вже мені.

Усе відбулося дуже просто. Як завжди.

Прийшли люди в залізній шкірі. Замість обличчя — чорні дірки. Яскраво полум'яніють лише очі. Злі очі.

— Підводься!

І вдарили. Таких, як я б'ють лише ногами — руками торкатися не можна. Ніколи.

Бо я — Передвісник.

Р-р-раз! Удар швидкий і безпомилковий — не встигаю навіть ухилитися.

Нутрощі стрімко підкинуло, притисло тупим боєм аж до спини. Я зігнувся, ковтаючи дорогоцінні краплини повітря. Потім підскочив і заричав — підходьте ближче! У вас, кажуть, кров блакитна? Я зараз перевірю! Шкода, що я не вовк — вийшло б ефектніше.

Люди не поворухнулися.

Невдовзі я почув:

— Арбалети!

Та з іншого боку:

— Пиццалі!

Відповідь у вузьких вікнах — націлена на мене зброя, здатна вбивати на відстані.

— Ходімо, — холодно каже той, хто вдарив.

Я повинен... Одурманюючий запах м'яса наповнив коридор, пробився тоненькими струмочками у мою в'язницю. Я проковтнув гірку слину. Порожній плунок незадоволено забуркотів.

Я повинен...

Люди штовхають мене ногами, щось кричать.

— Сюди... куць-куць-куць! — тихо каже один із них. І легенько постукує себе долонею по коліну.

Що тут поробиш! Цей заохочувальний жест пробуджує в мені неабиякий інтерес.

Тож я неохоче іду.

***

Перше, що я побачив у головній залі — величезний золотий хрест. Залізні люди стояли навколо нього. Вони чогось чекали.

Сморід різав мої ніздрі десятками своїх різновидів. Від чадних хвиль, що підіймалися від факелів, до гострого запаху гнилі, що застоювався під вікнами, у темних кутках й на підлозі.

Людина в чорному німою тінню відокремилася від натовпу. Наблизилася до мене... Тонкі пальці зобразили в повітрі хрест.

— Ти знаєш. Ти повинен знати.

Я мовчу. Мене все рівно ніхто не зрозуміє. Я — лише Передвісник.

...Блискавичним рухом чорна людина провела ножем.

Я не бачив смерті. Не хотів бачити.

Людам хтось забороняє вбивати. Їхній Бог, до якого вони звертаються.

Нащо ж тоді я?

— Передвісник повинен обрати шлях!

Ось де собака зарита! Що робити?

З одного боку червоніє м'ясо.

З іншого — якась трава, плоди з дерев.

Я подивився на людей. Вони мовчки стояли під хрестом. А ще вище моє серце шукали інші люди. Арбалети... піщали... Це якщо я буду вагатися. Або сумніватися в їхній влучності.

— Amen! — посміхнулася людина в чорному. Холод сумнівів притис моє вуха — в цій посмішці я відчув отруту.

...Зробив крок. Непевний.

Ще раз відчув присутність стрільців. Ще ясніше.

Повітря тремтіло від важкого дихання залізних людей. Вони вважають, що їхній Бог допоможе мені обрати вірний шлях. Наївні! Мені допоможе мій нещасний порожній шлунок.

...Зробив крок. Ще один.

І обрав.

Різкий запах крові заворушився у ніздрях.

Він повів мене до купи скривавленого м'яса. Над ним я побачив дерев'яний стовбур з вирізьбленим обличчям людини. Наблизився.

Люди уважно стежили за кожним моїм рухом. Я відчував їхні гострі погляди. А крім цього — примружені очі стрільців, терпкий запах деревини, м'яке скрипіння луків і шелест тятиви. Я все роблю правильно, чи не так?

— Amen! — посмішка чорної людини випромінювала світло (у людському порівнянні). Насправді ж, від неї смерділо напівзогнилими зубами.

Скільки мене тримали без їжі? Днів дев'ять... чи, може, десять. І от тепер...

Важкий запах доводив до священного божевілля. Тепер я трішки розумію цих диваків.

Німе дерев'яне обличчя, заплямоване кров'ю. Воно зовсім близько.

Залізношкірі люди відсахнулися.

— Це знак! — зойкнув чорний. — Поганський ідол вмовив Передвісника!

— Amen! — пронеслося залою.

Ніхто мене не вмовляв. Це все м'ясо. Забагато крові.

— Єретики нас не чекатимуть! — лементував чорний.

— Amen! — відгукнулися залізнi люди.

А мій шунок дуже неохоче прийняв шматки м'яса.

***

Вони стають навколiшки. Щось бубонять.

Терпкий запах лоскоче мій ніс. Що це? Бог?

Ні, це лише омана. Химерна комбiнація звукiв.

«Чорний» вигукує чудернацькi незрозумiлi слова. Іншi покiрно повторюють. Напевно, теж відчувають на своїй шкірі важкий приціл арбалетів.

Повітря наповнюється густим повієм фанатизму. І кислим запахом поту. Люди втрачають свою звичну подобу. Очі вже не палахкотять, вони майже однаковi. Схожі на олов'яні 'удзики. Оце і є віра?

— Amen! — раз по раз промовляють залізношкірі.

Вони передражнюють свого Бога?!

Це вже занадто...

І я звернувся до них. Принаймні, спробував.

Але замість порозуміння почув:

— Слухайте! Передвісник вис!

— Лихо наближається!

— Господи, допоможи!

Мій єдиний Бог, шунок, сито загурчав. Він був цілком задоволений.

Наступного ж дня ми вийшли на полювання. Людина в чорному урочисто назвала цей вихід «хрестовим походом».

***

Я відчуваю здобич... Ще трішки.

...Зовсім близько.

Я нахилився — мокре листя лоскоче живіт. Приготувався.

Стрибок! Кігті та ікла ламають кістки, роздирають шкіру... М'ясо! Я відчуваю...

— Чого стоїш?!

Залізний кулак розрізав задушливе повітря. Вдарили?

— Шукай!

Я подивився на мого хазяїна. Побачив нерухоме обличчя. І хижий блиск зелених очей.

— Шукай, — спокійно повторив він. Рука обережно опустилася

на руків'я булави. Я дуже добре запам'ятав цю зброю — вона виховала в мені покiрiнiсть. Вилiпила з мене слухняного посiпаку.

— Шукай, — крiзь зуби процiдив хазяїн.

І я зрозумiв. Зупинюся хоч на хвилину — запах просто зникне.

Ми йдемо вже два днi.

Праведний гнiв веде залiзношкiрих. Вони не знають утоми. Менi достатньо незворушного погляду хазяїна. Втомився? Нi, просто не хочеться побачити востаннє булаву...

...Вона швидко наближається. Гострi шпичаки шматують повітря. Ближче... ближче... Удар!

Я здригнувся — ледве не загубив! Принюхався. Як далеко! Не втратити! Уважнiше!

Вода. Холодна.

Листя. Прiле.

Кiнь. Ще один.

Птах. Пролетiв.

Вогнище. Друге. Третє... багато.

І... втягнув повітря... сiрка!

Ось вiн! Кислуватий запах влiтається у потiк iнших. Дерева. Трава. Струмок.

Лiс.

Тоненький невидимий струмочок. На одному кiнцi — я. На iншому? Подивимось...

Поки що залiзнi люди не вiдчувають.

І це добре. Поки що все полювання тримається на менi. А що буде потiм? Винагорода? Тiльки про це i мрiю...

***

Люди, як я зрозумiв, подiляються на поганих, хороших та господарiв. Поганi — це сретики, здобич. Хорошi — тi, хто може нагодувати, погладити, побавитися зi мною. Господарi наказують та б'ють. Чекайте... забув... є ще дехто. Вони називають себе лицарями Церкви. Залiзна шкiра захищає їх вiд стрiл.

Мiй перший хазяїн теж був лицарем. Але залiзну шкiру надягав лише пiд час полювання. Або перед битвою.

Вiн називав мене Арденом.

Я запам'ятав його запах. Назавжди.

Вiд залiзношкiрого хазяїна весь час тхне кров'ю, сечею та потом. Звичайний запах звичайних людей.

Але ТОЙ IНШИЙ був особливим.

Кров? Немите тiло? Гнилі зуби? Нi.

Я запам'ятав.

Запах почуттiв.

...доброта...

...чесність...

...увага...

Мій хазяїн був лицарем.

Мені здається, що це дзвінке слово («ли-ца-р-р-р!») зовсім не в залізній шкірі, а в цьому особливому ароматі.

Як я втратив свого першого хазяїна? На полюванні. Це сталося випадково. Я майже ввіймав потрібний запах і вийшов на здобич.

Аж раптом — кров! Звідки? Я довго не міг зрозуміти.

Хазяїн!? Поранений!

Дивно, але він начебто не помічав рани. Я спробував підказати.

— Ардене, що сталося? — посміхнувся лицар.

Люди, що були з ним у той день, побачили кров.

— Мессірі, ви поранені!

— Справді? — здивувався мій володар.

Торкнувся рани. Ще раз. Було боляче? Він злякався? Ні. Лише стиснув зуби. Довго розмовляв з іншими людьми. І сумно дивився на мене.

А наступного дня він помер.

***

Я точно не знаю, як помирають люди. Ніколи не бачив.

Але ми, якщо перед смертю залишилася краплина честі, йдемо. Біжимо якнайдалі від хазяїна, аби тільки той не бачив агонії.

Чому? Навіщо?

Люди називають це милосердям. Якщо хтось доживає останні хвилини, коли агонія ламає кістки і рве м'язи... Люди добивають. Завжди.

Вони будь за що обірвуть страждання і передсмертні муки. І це називають милосердям.

Тому ми звикли тікати. Не від людей, а від їхнього милосердя. Бо немає нічого гіршого, ніж смерть під ногами господаря.

Ми залишаємо місце, яке люди називають домівкою. Тікаємо. А смерть наздоганяє...

Останні миті перетворюються на Пісню Смерті — болісний тягучий вий, що обривається несподівано.

Ми не можемо його почути. Тільки відчути легке тремтіння повітря. Стає холодно й самотньо. І ти знаєш напевно — хтось відчуває те ж саме. Хтось з роду людського...

***

Була тепла ніч. Я лежав на великій кам'яній огорожі — моє улюблене місце. Хтось з охоронців мого хазяїна дбайливо постелив шмаття. Саме там, де треба!

Вітер доносив до мене тягучий запах смаженого м'яса. Хочу їсти!

Я неохоче підвівся — тепло відпустило мене. Шмаття знов охолоне. Доведеться нагрівати.

Десь там унизу палахкотіло вогнище. Сміялися люди.

Небо сяяло дрібними цяточками. І ще величезним шматом срібного м'яса! Бігти до вогнища? Мене пригостять? Можливо.

А тут — величезний шматок. Та ще й такий блискучий!

Я не витримав — захотів схопити. Гр-р-р! Далеко! У-у-у-у! Шкода.

Мій хазяїн поряд! Я відчуваю його!

Підбіг до нього, тицьнувся носом у простягнуту руку. Вона тремтіла.

— Ардене, прощай, — промовив лицар.

Що?! Ні!

І заспівав Пісню Смерті. Це була дуже дивна пісня. Тиха й моторошна.

А ще — я запам'ятав — з його очей полилася вода! Гірка. Настільки, що моє горло боляче стиснула невидима сила.

— Прощай.

Що було далі? Вогонь. Кров. Смерть.

І новий хазяїн...

— Чого стоїш, паскудо?!

...оцей.

***

Хрестовий похід? У цих двох словах є щось пафосне?

Жорстока бійня.

Та хіба мені вирішувати?

Наказали — вбивай. Простий принцип цього полювання.

Залізношкірі тихо перемовляються. Вони вже дізналися про здобич. Вони готові розпочати полювання.

Мій хазяїн наказує:

— Загін месіра де Нуаньйона йде вздовж струмка. Лицарі барона — на протилежному боці. Я зі своїми піду просто на еретиків. Зрозуміло?

— Так, месір граф! — вклонилися люди.

Уперед винесли довгу палку, на якій брѳохалася синя ганчірка. Три золотих квітки ледве проступали крізь бруд та червоні плями. Що за дурня?!

Ліс сколихнувся від крику.

— Монжуа! Бог захистить!

— Монжуа-а-а-а! — пролунало зусібіч.

— Уперед, — наказує мені залізношкірий хазяїн. Булава зблискує у його руці.

І я побіг. А за мною неслися лицарі Церкви.

Швидше! Швидше. Швидше... пви... дше... пви...

Попереду заторохтіла страшна зброя, що вбиває на відстані. Зверху на мене посипалися дерев'яні жала. Хтось із лицарів зойкнув. Упав разом із конем і залишився далеко позаду. Смерть наздогнала його — не пощастило.

Коли ж настане моя черга?

Бігом! Бігом! Бі... гом...

Гарячий язик вивалюється — легше дихати. І бігти.

У-у-у! Боляче! Вогняна куля обпала на мою шкіру. Єретик! Ось де він! Зовсім поряд! Боляче! Наздожену-у-у! Р-р-р-р!

Я стрибнув назустріч наступній кулі. Присів-відпшовхнувся. Втратив землю і привітався з холодним повітрям. Лише на мить. Цей різкий рух кинув мене в безкінечність.

***

Смерть була всюди. Той, хто пускав з руки вогонь більше не підведеться. Зараз... зараз... Я відпустив холодну руку, ковтнув липку слину. Що тепер? Кого вбивати? Та й що це за здобич — дрантя, люди в лахмітті!? Шкіра, висушена голодом, кістки, запалені очі, брудне ганчір'я — все.

— Монжуа-а-а-а!

Лицарі графа наздоганяли, трошили кістки, різали на шматки. Ліс смердів кров'ю. Вогняні кулі сипалися все частіше. Зусібч.

Р-р-р! Я не знаю... не знаю... Куди бігти? На кого полювати?

А люди знаходили. Вони завжди знаходять здобич.

Мій залізношкірий хазяїн бився з якоюсь потворою. Булава важко опускалася й піднімалася. Проте ворог вправно відбивав кожен удар. У нього був меч.

Вжик! Вжик! Д-з-з-зік! Гостре лезо різало повітря з такою швидкістю, що, здавалося, то був не один меч, а цілих три.

Куц! — почув я глухий удар. Єретик застогнав — булава збила його з ніг. Тоді він щось крикнув і стиснув пальці. Вогонь! З маленького язичка... Знов та клята куля! Залізношкірий змахнув булавою. Ф-ф-ф-ф! Запах крові! Тонкі пальці зламалися — вогонь вислизнув.

— Іди сюди! Гир його! — покликав мене хазяїн.

Я обережно наблизився. Єретик дивився на мене. І в цьому погляді було щось знайоме.

— Гир його! — скрикнув незадоволено граф. Він не любив, коли з ним сперечалися чи не виконували його наказів. Дуже не любив!

— Ардене!

Хто це сказав? Я аж підстрибнув від несподіванки. Хто?!

Вуха стали сторчка — я хотів ще раз вловити цей голос.

І цей запах...

Це... це...

Людина? Щось схоже... але...

Обличчя безжально поїдене страшною хворобою. Лише очі. Очі!

Я тицьнувся носом у простягнуту руку.

— Ардене, — посміхнувся єретик. Так посміхається труп, коли згниває верхня губа. Я бачив таке неодноразово.

— Убий його, сволото! — волає граф. — Гир його! Гир його!
А я не можу! Як пояснити? Як заперечити?
Він — залізношкірий. Він не зрозуміє.
Істота, що лежить на землі, тихо промовляє:
— Ардене, вбий.
Ні-і-і! Я не хочу вбивати! Як це пояснити?! Як?!!

***

...Ніяк. Запізно.

Булава опустилася раніше. Захрустіли зламані ребра.

— Ардене, — прошепотів мій перший хазяїн, захилинаючись кров'ю. Я заригнувся. Всередині відчув порожнечу.

Важко. Холодно.

А потім прийшов гнів...

— Паскудо! — заревів залізношкірий.

Я кинувся на нього. Розідрав лапами руку, в якій погойдувалася булава. Зацебеніла кров. Як я ненавиджу цю зброю! Скільки разів вона торкалася мене, залишаючи на згадку глибокі порізи! І от тепер валяється на землі. Нещасна самотня залізняка. Де твоя володарка-рука? Лежить поряд.

— А-а-а-а!

Перекошене обличчя графа промайнуло переді мною. Я рвонувся до нього. Заричав від лютої ненависті.

Тільки б добратися до горлянки! Добрався! Вхопив і не відпустив. Залізо не витримало — розсипалося врізнобіч маленькими кільцями.

Я стиснув щелепи щосили. Захлинався ричанням. Щось хруснуло. Оце і є душа? Як просто витягти її з-під залізної шкіри!

— Паскудо, — пробурмотів граф. І замовк. Назавжди.

МАЙК ГЕЛПРИН

ПОЧТАЛЬОН

«С

андро, дорогой, как ты? Глория уже совсем взрослая и так похожа на тебя. Ей вчера сделал предложение Диего Альварес, помнишь, внук старого Хозе, мясника. Она просит твоего благословения. Пиши обязательно. Скучаем по тебе, ждем. Твоя Долорес».

«Дойл, милый, крепись. Вчера утром мама не проснулась, ее больше нет с нами. Во вторник похороны. Гейл».

«Здравствуй, Сережа. Ты просил не писать так часто, но я ничего не могу с собой поделатъ. Не знаю, как жить без тебя. Не знаю, как выдержать еще четыре года. Не знаю. Прошу тебя, напиши. Скажи, что помнишь, скажи хоть что-нибудь. Лена».

Сеанс связи длится два часа. В особых случаях — на пять минут дольше. В экстренных — на десять. На большее мы не способны — доктора говорят, что еще пять минут, и для меня сеанс может закончиться фатально. Или для Отто. Или для нас обоих.

Сеансы проходят еженедельно. Пятьдесят два раза в году. Пятьсот двадцать — за десятилетие. Это для тех из нас, кто дотягивает до десятилетнего стажа. Таких ничтожно мало, почтальоны долго не работают. Да и не живут долго.

У нас с Отто стаж семилетний. Семь лет с тех пор, как мы впервые услышали друг друга и образовали пару. Отто... Мой двойник. Отражение в зеркале. Телефонная трубка на другом конце линии. Самый близкий мне человек. Которого я никогда не видел.

Мне двадцать восемь, но я зачастую чувствую себя глубоким старцем: каждый сеанс вычерпывает ресурсы организма, опустошает его.

В перерывах между сеансами я восстанавливаюсь. Лучшие лекарства, лучшие врачи, санатории, пансионаты. Я могу себе это позволить: оплата за каждое письмо такова, что я могу позволить себе почти все, что пожелаю.

Там, где Отто, пансионатов и санаториев нет. Зато там есть землетрясения, извержения вулканов, ураганы и цунами. Еще есть аборигены, у которых за честь почитается кого-нибудь зарезать. Или, на худой конец, удавить. И лучше не своего, а чужака, хотя своего тоже довольно почетно. Так что Отто приходится восстанавливаться по-варварски: шнапс в слоновьих

дозах, травка, девочка из местных — ребята заботятся, чтобы найти ему не самую страшную.

Первую половину сеанса передаю я, Отто принимает. Вторую половину — наоборот. И я повторяю за ним, лихорадочно выхватывая из пространства слова, складывая их во фразы и сбрасывая на диктофон.

«Долорес, пусть наша дочь будет счастлива, благословляю ее. Я вернусь, я обязательно вернусь. Четыре года всего осталось. Сандро».

«Гейл, сестренка. Бедная мама. Мир праху ее. Какая же я сволочь. Дойл».

«Лена, прекрати тратить деньги на дурацкие послания. Я жив, здоров, чего и тебе желаю. Сергей».

— Иван, брат. Я не могу больше, не выдержу. В конце концов, это несправедливо.

Я знаю, что несправедливо. Контрактникам осталось четыре года. Три — на Пальмире, и один уйдет на обратный путь. Они вернутся молодыми и обеспеченными. Отто не вернется. А если вернется, то инвалидом. Выпотрошенным ментально и физически старым склеротиком.

— Крепись, дружище. Крепись, Отто, брат.

Я отключаюсь. В перерывах между сеансами мы можем себе позволить двухминутное общение. Максимум — трех, иначе сгорим.

— Здравствуйте, Иван, — лицо девушки на экране видеофона кажется осунувшимся. Смотрит устало, под глазами круги. Красивой ее, пожалуй, не назовешь, но симпатичной — на все сто, и даже видимое недомогание ее не портит. Девушку я помню, она пользуется услугами почтальона не впервой и заплатила за письма внушительную сумму.

— Здравствуйте, — говорю я. — Подождите секунду.

Нахожу в базе данных письмо.

«Лена, прекрати тратить деньги на дурацкие послания. Я жив, здоров, чего и тебе желаю. Сергей», — бесстрастно зачитываю я.

Отсутствие эмоций — профессиональное качество почтальона. Через меня проходит столько страданий и человеческих трагедий, что, начни я соучаствовать или хотя бы сопереживать — меня и на полгода не хватит.

Лицо девушки на экране стремительно краснеет, в глазах набухают слезы.

— С-спасибо, — запинаясь, говорит она. — Э-это все?

— Да, — подтверждаю я. — Все. И, если позволите... Это не мое дело, конечно...

Я сам не знаю, зачем ввязываюсь. Профессионал хренов. «Заткнись, болван, — пытаюсь я осадить себя, — это действительно тебя не касается».

— Ваш адресат прав, вы на самом деле слишком много тратите на письма, — заканчиваю я помимо собственной воли. — Оно не стоит того. Извините.

Девушка отключается, но, не успеваю я обматерить себя за слоновью толстокожесть, внезапно появляется вновь. Она пытается сдержать слезы,

но предательские тонкие ручейки все же прорисовывают две кривых от глаз до подбородка.

— Иван, — говорит она, — не извиняйтесь, прошу вас. Вы правы. Я не стану писать. Денег действительно больше нет. А потом, понимаете...

— Понимаю, — прерываю я. — Вы, вероятно, помолвлены. Многие контрактники, отправляясь на Пальмиру, оставляли на Земле невест.

— Так и есть, Иван. Я ждала. Ждала Сережу шесть лет. Надо еще четыре. Я дождалась бы, поверьте, обязательно дождалась. Но он... он теперь... — девушка перестает сдерживаться, слезы заливают лицо. — Его вулканы... Ему нужны они, не я. И потом, мне кажется, — голос едва слышен. — Нет, не кажется, я почти уверена: у него кто-то есть.

— Вот что, Лена, — говорю я. — Успокойтесь. Я попробую вам помочь.

— Иван... Правда?

— Отто, брат, нужны подробности об одном контрактнике. Зовут — Сергей Ляхов. Профессия — вулканолог. Все, что о нем известно.

Я отключаюсь. Отто... Моя вторая половина. Таких, как мы с ним, считанные единицы. Слышащих друг друга на расстоянии в несколько световых лет. И настроенных на одну волну. Когда появились первые почтальоны, ученые посчитали их способности телепатией. Однако довольно быстро выяснилось, что с телепатией это имеет мало общего. Мы не способны читать мысли визави против его желания. Мы можем лишь передавать и принимать. Сконцентрировав все, что в нас есть, мобилизовав всю энергию, всю волю. Сейчас существует теория, что мы испускаем и принимаем волны неизвестной природы. Распространяющиеся мгновенно. Возможно, гравитационные, а возможно — волны физического явления, которому нет названия.

Вскоре после появления почтальонов выяснилось, что существует побочный эффект. Что сеансы связи действуют на нас, как наркотик. Что почтальоны привыкают. И вскоре попадают в зависимость от сеансов. А значит, в зависимость от напарника. Сливаясь с ним в единое целое, словно сиамские близнецы. Только, в отличие от них, не физически, а ментально. А еще выяснилось, что смерть одного из напарников влечет за собой глубокую депрессию, ступор, а иногда и гибель второго.

Пальмира. Ее открыли совсем недавно и сразу начали осваивать. Контрактникам-первопроходцам платят огромные деньги, сумасшедшие. Контракт на десять лет, и связи с Землей практически нет: радиоволны доходят за пять лет, сверхсветовой почтовик класса альфа — за год.

— Ты здесь, Иван?

— Да. Здесь.

Здесь... Парсека так за полтора.

— Сергей Ляхов, тридцати двух лет, — передает Отто. — Из первой партии, контракт истекает через три года. Ничего особенного — обычный парень. Говорят, дружелюбный. Надежный. Женился недавно.

— Как женился? На ком?

— На докторше из стационара. Ему повезло, за ней многие ухаживали. У нас с женщинами туго, ты знаешь.

— Да, знаю. Спасибо, брат. До связи.

— До связи, брат.

Я набираю номер.

— Здравствуйте, Лена. Это Иван. Вам письмо.

Она молчит. Лицо побледнело, застыло. Закушенная губа. Глаза...

«Люблю, скучаю, — бесстрастно зачитываю я. — Считаю дни. Сергей».

«Уважаемая госпожа Долорес Кинтана! С прискорбием сообщаю, что ваш муж Алесандро Кинтана трагически погиб при отражении атаки на расположение лагеря. Примите мои искренние соболезнования. Полковник Исидро Коноэ».

«Уважаемая госпожа Гейл Шеннон! С прискорбием сообщаю, что ваш брат Дойл Шеннон трагически погиб при отражении...»

«Уважаемый господин Анджей Ковальски! С прискорбием сообщаю, что ваш сын Адам Ковальски...»

— Иван! — срывается Отто. — Я буду лишь называть имена, записывай. Все тексты стандартные. У нас была резня, брат. Бойня. Уцелели меньше, чем каждый третий. Нас эвакуируют, спасательные корабли вышли с базы. Иван! Ты слышишь меня, Иван!?

Я слышу. Я записываю. Тадеуш Кроничек. Джузеппе Альбертини. Василий Корнев. Аделаида Наварро. Фамилии «Ляхов» в списке погибших нет. Фамилии «Ляхова» — тоже нет.

Сеанс длится два с половиной часа.

— Нас осталось меньше пятисот че...

Сигнал внезапно обрывается.

— Отто! — кричу я, кажется, вслух. — Отто!!!

Бессильно сползаю с кресла на пол. Дотягиваюсь до кнопки вызова медперсонала. Теряю сознание.

— Здравствуйте, Лена. Вам письмо.

Я собираюсь с духом. Текст заучен наизусть. Ложь номер два. Ложь во спасение. Во спасение ли?

«Уважаемая госпожа Елена Ольховская. С прискорбием сообщаю, что ваш жених Сергей Ляхов трагически погиб при отражении атаки на расположение лагеря. Примите мои искренние соболезнования. Полковник Исидро Коноэ».

Я набираю в грудь воздух. Надо произнести двадцать семь слов.

— Иван! Вы ведь солгали мне тогда, Иван?

— ?..

— Я знаю, что солгали. Сережа не писал мне. Я потеряла его. Давно уже потеряла. Нет смысла, Иван. Нет смысла жить. Простите.

Потеряла... Мужчину, который давно о ней забыл. Теперь не хочет жить.

Что ж, мне это знакомо. Я тоже не хотел жить, когда после двух недель непрерывных попыток связаться с Отто окончательно уверился, что его больше нет. Что он не выдержал последнего сеанса. Я потерял брата. Потерял свою вторую половину. Голос на другом конце линии. Отражение в зеркале, которое никогда не видел.

Я не хотел жить. Врачи вытаскивали меня из депрессии месяц. Им кажется, что вытащили.

Отто больше нет. Остался лишь я. Обрывок телефонного провода. Бесполезный, бессмысленный. Непарный почтальон. Половина человека.

Эта девочка. Верная. Потерявшая, как и я. Может быть, она...

— Лена, где вы сейчас? Мы можем встретиться?

— Вы... Вы хотите видеть меня, Иван?

— Да. Хочу. Где вы?

— В Звенигороде. Это... это под Москвой. Иван, вы правда хотите видеть меня?

— Я вылетаю. Диктуйте адрес.

ДМИТРИЙ НИКИТИН

АНГЛО-МАРСИАНСКАЯ ВОЙНА

Происхождение и характер войны

В конце 19-го века капитализм вступил в свою высшую, империалистическую стадию. Сильнейшая империалистическая держава того времени Британия путем захватнических войн подчинила себе половину земного шара. Богатства, выкачиваемые путем беспощадной эксплуатации из покоренных стран, шли на удовлетворение растущих потребностей метрополии, где пышно расцвело имперское мышление. Английский империализм был готов смести все что угодно ради дальнейшего получения сверхприбылей. В этой ситуации появление любой, реальной или мнимой угрозы интересам Британской империи вызывало мутную волну шовинизма и милитаризма. Прикрываемая пресловутым лозунгом «защиты цивилизации» англо-марсианская война носила со стороны Великобритании несправедливый, империалистический характер.

Инцидент на Хорсельской пустоши

В ночь на 10 июня 1898 г. на Хорсельской пустоши недалеко от Уокинга (к юго-западу от Лондона) приземлился «цилиндр» — межпланетный корабль. Несмотря на то, что астрономические наблюдения заблаговременно известили британское правительство о возможной высадке путешественников с Марса, никаких предварительных мер предпринято не было. Находящийся на Хорсельской пустоши корабль марсиан оказался окружен враждебно настроенной толпой. Воспитанные в духе превосходства «белой расы» английские обыватели крайне негативно воспринимали внешний облик представителей иного мира. Возникла угроза, что одурманенная империалистической пропагандой толпа может устроить расправу, линчевать прибывших на Землю, очевидно, с научными целями пришельцев. Немногие здравомыслящие местные жители тщетно телеграфировали в Лондон с просьбой обеспечить безопасность межпланетным путешественникам. Марсианская экспедиция была вынуждена прибегнуть к самозащите. Устремившаяся к «цилиндру» толпа была рассеяна. К сожалению, не обошлось без жертв. Английский империализм воспользовался этим трагическим инцидентом для развязывания широкомасштабных военных действий.

Первый этап войны

Вокруг Уокинга сосредотачивались английские войска с артиллерией и пулеметами. Вояки с руками, уже обгабренными кровью безвинных сикхов и сипаев, ехали на войну, выкрикивая: «Идем усмирять зверей!» В полном соответствии с имперским мышлением британские солдаты рассуждали об инопланетянах так: «Убить таких чудовищ — это даже не грех!» Английское буржуазное общество было полностью уверено в быстром и победоносном завершении войны. На стороне англичан было огромное численное превосходство, а марсиане воспринимались как неполноценные, нежизнеспособные создания. В 3 часа дня 11 июня английская артиллерия начала обстрел. Через два часа в наступление ринулись пехота и гусары. Однако неожиданно для себя англичане встретили решительный отпор. Марсианская экспедиция, как оказалось, обладала эффективными средствами обороны. Сражение завершилось сокрушительным поражением английской армии, остатки которой беспорядочно отступили от Уокинга.

Марсиане не могли не понимать, что англичане не смирятся с поражением. Поэтому, в целях безопасности, необходимо было предупредить новое нападение. Утром 12 июня пять марсиан на своих шагающих машинах-«треножниках» выдвинулись навстречу английским войскам. В полдень того же дня замаскированные под городом Уэйбриджем вражеские батареи коварно, с близкого расстояния расстреляли в упор один из треножников. Потеряв товарища, остальные инопланетяне благоразумно отступили в свой лагерь. Обе стороны готовились к решающей битве этой войны.

Оценив, наконец, серьезность противника, британское правительство собрало вокруг занятого марсианами района все имеющиеся в наличии вооруженные силы. Спешно возводились мощные укрепления, на них устанавливались сверхтяжелые орудия, подвозились боеприпасы с новейшей шрапнелью. Марсианам не оставалось ничего другого, как ответить на эти агрессивные приготовления. Ночью в долине Темзы разыгралось жестокое сражение. 11 марсианских машин завязали перестрелку с сотнями орудий хорошо укрепленных английских батарей. Один марсианский треножник был подбит, но к утру 13 июня, после применения химических снарядов, фронт англичан был прорван.

Дальнейший ход военных действий

Узнав о разгроме своих войск, правительство Великобритании бежало в Бирмингем. Остатки потерявшей управление армии бросали свои позиции, военная флотилия на Темзе взбунтовалась и ушла в море. В Лондоне началась паника, грабежи и мародерство, множество людей, спешивших любым способом покинуть город, погибло в давке. В то утро марсиане легко могли бы полностью истребить население английской столицы, но вместо решительного наступления занимались очищением местности от последствий применения химического оружия. Только в два часа дня

13 июня марсиане вошли в Лондон. Город к тому времени уже был практически пуст.

Насчитывавшей не более 50 членов марсианской экспедиции понадобилось всего три дня, чтобы сокрушить огромную и могучую Британскую империю. Лондон, куда стекались награбленные богатства с половины земного шара, постигла судьба его вчерашних жертв. Напрасными были призывы властей превратить английскую столицу в «новую пылающую Москву». Спешно отступавшие войска успели только взорвать пороховой завод.

Марсиане, заняв опустевший Лондон, устроили там центральную базу. Постепенно они расширяли свой пояс безопасности, не встречая сопротивления английских сухопутных войск. Зато британский военно-морской флот, прикрывая эвакуацию на материк, сумел продемонстрировать свою мощь. 15 июня английскую эскадру расстреляли две марсианские машины, вышедшие было в море у устья Темзы. В свою очередь марсианами был потоплен английский крейсер.

В зоне боевых действий была полностью разрушена существовавшая там ранее инфраструктура, промышленность и сельское хозяйство. Однако марсиане сумели начать преодоление тяжелых последствий войны: производились посевы марсианской растительности, была организована разработка местного минерального сырья, развивалась металлургия и машиностроение. Вместе с тем, в обеспечении себя необходимыми продуктами питания марсиане вынуждены были пойти на неоднозначные меры, которые затрагивали порой местное население, не успевшее покинуть юго-восточную Англию.

Только наиболее прогрессивно мыслящие англичане, например, Г. Уэллс, впоследствии высоко оценивший роль В. И. Ленина («Россия во мгле»), поднялись до объективного взгляда на эти действия марсиан: «Прежде чем судить их слишком строго, мы должны припомнить, как беспощадно уничтожали сами люди себе подобных представителей низших рас. Жители Тасмании, например, были уничтожены до последнего за 50 лет истребительной войны, затеянной иммигрантами из Европы. Разве мы сами уж такие поборники милосердия, что можем возмущаться марсианами, действовавшими в том же духе?»

Действия марсиан в Англии являлись лишь отражением злодеяний британского империализма. Лишь две недели продолжалось марсианское «кровопускание» в одном из уголков Великобритании, а англичане два века высасывали все жизненные соки из угнетенных трудящихся Индии и Китая.

Итоги войны

Во второй половине июня 1898 г. в марсианской экспедиции началась эпидемия, имевшая самые губительные последствия. К 29 июня загадочная болезнь погубила всех марсиан. Получив это известие, пребывавшее

в Бирмингеме британское правительство сразу же организовало наступление своих сил на юг. Англичане вновь вступили в Лондон и захватили на вымершей марсианской базе богатые трофеи, которыми, впрочем, не сумели воспользоваться. На занятой правительственными войсками территории спешно восстанавливались прежние буржуазные порядки.

Эпидемия на время спасла Британскую империю, возобновившую хищническую эксплуатацию угнетенных стран и подготовку к мировой войне за перераспределение колоний. Более того, после гибели марсианской экспедиции аппетиты британского империализма разгорелись еще больше, ведь перед ним открывались перспективы агрессии межпланетного масштаба:

«Кругозор человечества впоследствии вторжения марсиан сильно расширился. До падения цилиндра все были убеждены, что за крошечной поверхностью нашей сферы, в глубине пространства, нет жизни. Теперь мы стали более дальнзоркими. Если марсиане смогли переселиться на Венеру, то почему не попытаться сделать это и людям? Когда постепенное охлаждение сделает нашу Землю необитаемой, может быть, нить жизни, начавшейся здесь, перелетит и охватит своей сетью другую планету. Сумеем ли мы бороться и победить?»

Какое лицемерное оправдание империализма и, в перспективе, «звездных войн»! Но не забудем, впереди настоящая «война миров» — мира угнетателей и мира угнетенных!

СЕРГЕЙ НЕГРАШ

НА ПОСТУ

В крошечной церквушке, близ старого, всеми позабытого кладбища, было пусто. Люди давно забыли дорогу сюда. А черти — нет. Сегодня ночью они явились, чтобы поглумиться над святыми реликвиями, зная, что сие останется безнаказанным. А все потому, что Богу нет дела до мертвых земель, где более не обитают его дети. И Он, и ангелы, его подручные, присматривают за иными краями.

Нечисть, улюлюкая, принялась изгаляться над могилами, уродуя памятники, ломая каменные надгробия и кресты. За считанные мгновения было уничтожено многое из того, чем дорожили десятки поколений смертных. Многое, но не все. Так как злодеи остановились, заметив живое существо — лохматого старого пса, дворнягу. Как он здесь очутился? Что делает? Да не все ли равно! Почему бы просто-напросто не взять и не прикончить его? В конце концов, его жизнь ничего не стоит.

Хохоча, слуги Зла стали крикаться, дергать пса за уши и хвост и тут же отскакивать на безопасное расстояние. Казалось бы, пес должен зарычать, броситься на тварей. Но — нет. Он ждал... кого? Хозяина, которого потерял? Или иного невероятного чуда, коего явно не будет?..

Вскоре черти придумали иную потеху. По очереди они принимали облик его хозяина, выяснить который для них не составило труда, и зазывали бедолагу в глубину кладбища, туда, откуда, как и из дремучего леса, не так-то просто выбраться. Там неосторожного путника подстерегают опасности — разворошенные могилы, ямы. Стоит свалиться в них — и никогда не выберешься. Будешь выть и скулить, молить о помощи, пока не сдохнешь.

Но затея не удалась. Пес не чуял хозяина, посему ни на что не обращал внимания. Вместо того, чтобы нападать, потешая тем самым нечисть, он приблизился к входу в церковь. Нет, он не вошел внутрь. Он просто встал рядом с дверьми и оскалился. В этот миг в нем что-то неуловимо изменилось. И вот уже перед нечистью не жалкое, скулящее существо, а грозный воин, тот, кто без особых хлопот совладевает с любым чуднищем.

Черти постарались напугать пса и зайти через центральный вход, чтобы вдоволь поиздеваться. Когда же им это не удалось, они взвились в небо, спикировали и ринулись на крышу. Но и здесь — неудача. Почему? Каким-то образом пес умудрился защитить обитель, где когда-то был Господь.

Рассвирепев, дети Тьмы решили разбить витражи, но... камни отскакивали от оных, не причиняя ущерба.

Признавать поражение нечисти не хотелось. И они позвали высшие силы — того, кто был намного сильнее их всех вместе взятых. Вот только он, едва явив свой грозный лик и узрев пса, исчез. Он не захотел связываться с существом, в чьей груди билось честное, храброе, любящее сердце. Прошло немного времени, и злодеи удалились. А пес остался. Много лет он верой и правдой служил сторожу кладбища. Вдвоем они наблюдали за тем, как пустеют деревни: люд постепенно перебирался в большие города. А потом старик умер, а пес остался, чтобы продолжить его дело.

Пес умер, как и жил. На посту.

СЕРГЕЙ ТУМАНОВ

МЕЖАВТОРСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ: ЗАПАДНЫЙ ОПЫТ

В последние несколько лет межавторские проекты буквально заполонили полки книжных магазинов. Если раньше они были хоть и многочисленны, но при этом малозаметны и фактически никогда не оказывались на столиках с бестселлерами, то теперь картина складывается диаметрально противоположная. Книжки с логотипами «Сталкера», «Этногенеза», «Метро» мало того, что оккупировали верхние места в рейтингах, так еще и стали получать престижные фантастические премии, как это случилось на последнем «Росконе». Тем интереснее попытаться узнать, откуда они явились на отечественный книжный рынок, и какой путь прошли, прежде чем на нем оказаться.

Появление на литературном небосклоне межавторских проектов объясняется теми же особенностями цивилизации, что и появление промышленной революции на небосклоне экономики. Как только писатели и издатели поняли, что на литературе можно зарабатывать неплохие деньги, они тут же стали выдумывать способы получения этих денег быстрее и в большем объеме. Желательно не напрягаясь, сведя риски к минимуму и не отдавая коммерческую успешность на откуп таким эфемерным вещам, как вдохновение. Оптимальное решение было подсмотрено в фабричном производстве. Если литература приносит деньги, значит, ее можно рассматривать как товар, а писателя можно превратить в рабочего. Дать ему чертеж детали (уже зарекомендовавшей себя на рынке) и поставить к станку. То есть перевести книжный рынок на конвейер. Со своими инженерами, продавцами, токарями и директорами. Все, как в большой экономике: сначала были мастера и ремесленники, потом наступил черед промышленных гигантов. Капиталистическое разделение труда везде приносит свои финансовые плоды. Когда каждый занят своей частичкой общего дела, работает эффективнее. Другое дело, что таким образом искусство превращается в индустрию.

Надо сказать, что даже во времена ремесленников были отдельные попытки перевести литературу на прагматические рельсы. Например, в средние века любая более-менее популярная легенда не только повторялась

дословно при дворах сеньоров, но и дополнялась новыми похождениями полюбившихся героев, что увеличивало доходы менестрелей, поэтов и монахов, которые все это переписывали. Но подобный процесс длился столетиями, потребителей у литературы было мало, читать кроме монахов и купцов практически никто не умел, и говорить о каком-то управляемом механизме, конечно, не приходилось. Лишь в XIX веке, с появлением широкой читательской массы, стали заметны первые признаки наступления новых времен. Почувявшие прибыль издатели стали требовать от авторов написания текста в срок, а ленивые авторы были вынуждены звать литературных негров, ставить им задачу и предоставлять техзадания с подробным (на пару страниц) описанием сюжета и персонажей. Впрочем, говорят, что Александр Дюма своим неграм даже техзадания иногда ленился сочинять, ограничиваясь устным пересказом походов мушкетеров.

Потом стали появляться отдельные книжки о приключениях чужих популярных героев — Шерлока Холмса, Ната Пинкертон и т. д. Но истинные литературные проекты (то есть длительные сериалы со множеством авторов, объединенных странной целью описать как можно подробнее не ими выдуманный мир) появились на свет вместе с Ктулху.

Ктулху был рожден Лавкрафтом в 1926 году, и практически сразу стали выходить повести и рассказы других писателей, действие которых происходило в том же сумрачном и диковатом мире. Этих авторов объединял так называемый «кружок Лавкрафта», куда входили такие заметные деятели, как Роберт Говард, Генри Каттнер, Роберт Блох и особенно Огюст Дерлет, которого, видимо, можно назвать одним из пионеров нынешнего проектного бизнеса. Дерлет основал целое издательство, исключительно с целью продвижения Ктулху в массы. Он был настолько убедителен в роли популяризатора, что раскрученный им маховик пиара действует до сих пор, «захавав» даже такой, казалось бы, далекий кусок пирога, как российский интернет. Число текстов, упоминающих Азатота, Йог-Сотота, Дагона, Летающих Полипов и прочих веселых существ на сегодняшний момент достигает полутысячи, а среди их авторов отметились в разное время те же Говард с Каттнером и Блохом, Спрэг де Камп, Колин Уилсон, Нил Гейман, Стивен Кинг, Дж. Баллард, Роберт Желязны, Уильям Берроуз и, конечно, Алан Дин Фостер, которого следует назвать стахановцем проектного движения, потому как нелегко найти проект, где бы он не «наследил». Десятки экранизаций, сотни кинематографических цитат, от «Пиратов Карибского моря» до «Футурамы» и даже «Русалочки», не говоря уж о футболках, игрушках, как мягких так и компьютерных, песнях в стиле «трэш-метал» и прочих радостях большого бизнеса. Такая популярность объяснялась, кроме всего прочего, тем, что «Мифы Ктулху», создавая в книге атмосферу, ограничивались исключительно мифологией, оставляя на волю автора все остальное — персонажей, время и место действия и т. п. В результате автор получал достаточную свободу творчества, но при этом включался в общий

поток, а читатель, даже при чтении маленького рассказа, погружался в мрачную миллионнолетнюю историю, что повышало градус достоверности. Казалось, что этот бред действительно имеет под собой какое-то основание. Вон, ведь, сколько людей про это пишут, называя чудилищ одними и теми же именами. А достоверность ужасного — одно из главных условий подобного рода литературы.

Но для издателей подобная авторская свобода была минусом, потому как мешала рулить процессом, а роль движущего механизма отводила исключительно энтузиастам. Гораздо эффективнее было загнать авторов в такие жесткие рамки, чтобы в их книгах общими были не только паратройка имен эпизодических монстров с общей атмосферой, но и страны, города, главные герои и даже канва сюжета. Умные издатели давно поняли, что читатель — это ребенок, и, как любой ребенок, подвержен «эффекту узнавания». То бишь, радуется, увидев что-то знакомое. И чем больше этого знакомого будет в книге, рассудили издатели, тем больше денег нам это принесет. Особенно если выпускать по новой книге в год. А лучше в месяц.

Так появился «Конан». Этимологически киммерийский варвар выбрался из одной могилы с Ктулху. У них даже мир оказался одним и тем же, ибо описание Хайборийской Эры включало в себя как самого Конана с его киммерийцами, так и Ктулху с Древними, Азатотом и Йог-Сототом. По крайней мере, во многих местах «конины» встречаются краткие отсылки, упоминания то одной, то другой лавкрафтовой выдумки. Что не удивительно: создатели Ктулху и Конана были большими друзьями по переписке, а самоубийство Говарда произвело на Лавкрафта сильнейшее впечатление. Уже первые произведения «конины» стали популярным чтивом, поэтому скоропостижная смерть основателя героической фэнтези не закопала Конана вместе с автором. Оставалась куча неоконченных историй, черновики, практически полностью разработанный мир с историей, географией и теологией. А также оставался Спрэг де Камп, влюбленный в немногословную гору мускулов по самые уши. Он не только дописал черновики о Конане, но даже переписал черновики без Конана так, чтоб Конан там присутствовал. Слепленные по одному лекалу (одинокий Конан встречает кого-то, идет с кем-то кого-то спасать, спасает, попутно поимев царства, древние артефакты и женщин, бросает все, что поимел, и снова уходит один за горизонт) романы ждал бешеный успех. За де Кампом гуськом потянулись остальные — Лин Картер, Стив Перри, Майкл Муркок, Роберт Джордан, Пол Андерсон, Гарри Тертадав, десятки не самых последних писателей, более четырехсот текстов, из которых сотня — «конанизация» российских авторов. Россияне славно потоптались по Конану в 90-е и продолжают топтаться до сих пор. Конан (то есть полutoлый мужик с бицепсами и мечом) стал, наверное, самым узнаваемым фэнтези-персонажем благодаря, в первую очередь, смачным картинкам покойного Фразетты и Арнольду Шварценеггеру. А ведь есть еще сериал, игрушки и обложки

группы «Мановар». И это не считая отдельных проектов про Рыжую Соню и Кулла, где используется тот же говардовский мир Хайборийской Эры.

Кстати о мире. «Конан» стал по сути первым литературным проектом, к которому можно отнести то, что ныне называется неприличным словом «сеттинг». То есть среда, вымышленная вселенная, в которой происходит действие книги, фильма или игры. До Говарда никто с такой скрупулезностью не выдумывал историю, космологию, мифологию, географию нафантазированного мира. Толкин со своим еще более изощренным Средиземьем был позднее, хоть и выдумал его немного раньше. Вышедшее в 1936 году эссе Говарда «Хайборийская эра» стало наверное первым подобного рода текстом, с серьезностью публицистического исследования рассказывающего о том, чего никогда не было, и ставшее впоследствии основой для многочисленных художественных произведений. Именно отсюда растут ноги различных сводов правил и энциклопедий с описанием монстров, вооружений, картами материков, городов и островов, перечислением битв и основных вех в истории различных фэнтезийных и звездных империй. Это стало главным отличительным свойством любого литературного (а позднее и мультимедийного) проекта — досконально разработанный оригинальный мир, иногда вплоть до физических законов. Города, страны, флора, фауна. Основные и эпизодические кочующие из книги в книгу персонажи. Боги, демоны, человеческие и нечеловеческие расы. Большинство проектов ограничивалось одним-двумя признаком вымышленной вселенной, обычно географическим или мифологическим, то бишь выдуманными странами и богами, заимствуя все остальное у реальной жизни или более изощренных коллег (особенно в этом смысле повезло Толкину с его эльфами и орками). Зато некоторые нагромождали целые эвересты информации, выпуская десятки энциклопедий и сводов, где раскладывали свои вселенные на мельчайшие детали, вплоть до особенностей пищеварения у лесных зверушек. Чем популярнее был проект, тем большими подробностями обрастала его вселенная. Причем нужно отметить, что в некоторых случаях эти энциклопедии были популярнее романов, так как поклонники жаловались на то, что писатели допускают слишком много отсебятины, а вот в энциклопедиях и иллюстрированных словарях — точно «все правда». Роскошные издания какого-нибудь «Essential Guide to Droids» или «Essential Guide to Characters» у тех же «Звездных войн» несколько раз допечатывались и дополнялись. Количество изданных правил и описаний в игровых вселенных вообще не поддается исчислению.

Второй главный признак любого проекта — наличие «застрельщика комедии». Первого кирпичика, двигателя, эдакого «паровоза», который своими идеями или коммерческим успехом заинтересовал как издателей, так и других авторов. Рассказы Говарда в «Конане», рассказы Лавкрафта в «Мифах Ктулху», классическая трилогия «Звездных войн», Дракула Стокера, «Планета обезьян» Пьера Буля, настольная игра «Dungeons & Dragons», еще

сотня-другая успешных книг, фильмов, игр. Все эти дебюты дали понять издателям и продюсерам, что можно заработать еще больше, если поставить дело на поток. Практически ни один проект не высасывался из пальца весь и целиком. Всегда был маленький росток, который по мере роста финансовых показателей начинал обрастать продолжениями и приложениями, часть из которых иногда затмевали самих создателей, давая новые импульсы к росту всевозможных продаж. Так, к примеру, сейчас мало кто вспомнит тот же настольный «Dungeons & Dragons» 1973 года или «Болотный замок», первый роман по его сеттингу, написанный в 1978 году Андре Нортон. А вот его ответвление, «Forgotten Realms», с играми «Baldur's Gate», «Icewind Dale», «Neverwinter Nights» и романы Роберта Сальваторе помнят (по крайней мере, видят штабеля в книжных магазинах) многие. Как и другую игровую вселенную, также основанную на много раз уточнявшихся и переиздававшихся правилах AD&D — Dragonlance с его двумястами романами на подтанцовке.

Кстати, о подтанцовках. Как бы ни было, обидно гражданам писателям, но примерно с 70-х годов идеи в их романах все реже стали использоваться при создании масштабных проектов. Чисто литературный межавторский проект фактически умирает, смещаясь в сторону дружеских междусобойчиков, вроде картинковых «Диких карт» или малоуспешных продолжений давно написанных классиками романов — к примеру азимовской «Академии» (она же «Основание», она же «Фонд») или фанфиков по Уэлсу, Толкину или даже Мэри Шелли. Балом начинают править другие важнейшие из искусств. В первую очередь — кино. Эпоха блокбастеров и сериалов запустила моду на новеллизации. А за новеллизациями последовали романы и антологии, события в которых не были показаны на экране, но имели непосредственное отношение к созданным кинематографистами мирам. Так появились бесчисленные продолжения, иногда отстоящие на тысячелетия от событий в фильмах, книжные сиквелы и приквелы к «Звездным войнам» (300 книг), «Звездному пути» (160 книг), а также «Чужому», «Вавилону-5», «Звездным вратам», «Крейсеру «Галактика» и еще паре десятков фильмов и сериалов от «Индианы Джонса» до «Терминатора» и «Кошмара на улице Вязов». Литературные проекты превращались в громадные медийные конгломераты, где роль «паровоза» исполнял уже не одиночка-писатель, а рулевые целой индустрии развлечений, которые подцепляли к успешной ленте целые составы в виде книг, комиксов, игр, продукции легкой промышленности и даже туристических операторов.

Нетрудно заметить, что проекты с фильмами в качестве «паровоза» явно тяготели к научной фантастике. Далекое будущее, звездолеты, бластеры, инопланетяне в качестве монстров. Вплоть до джексоновской экранизации «Властелина колец» фэнтези в кинематографе было на положении эдакого недоизгоя. Были, конечно, более-менее успешные фильмы о

колдунах и драконах, но они практически никогда не давали жизнь серьезным проектам. Совершенно обратная ситуация сложилась в игровой индустрии. Практически все фэнтези-проекты последних 30 лет основывались на играх, сначала настольных, потом компьютерных. Пальму первенства здесь, безусловно, держит упоминавшийся уже неоднократно «Dungeons & Dragons», с отпочковавшимися от него (или точнее действующими по его правилам и существующими в его общей Планарной Сфере) сеттингами «Forgotten Realms» (300 книг), «DragonLance» (200 книг), «Greyhawk» (20 книг), «Ravenloft» (25 книг), «Dark Sun2» (13 книг) и примкнувшей к ним скромной парочке романов по культовой игре начала 2000-х годов «Planescape: Tormen». Сюда же можно приплюсовать еще один межавторский цикл — «Magic: The Gathering» (65 книг), созданный вообще по карточной игре. Эта огромная вселенная по объему выпущенной макулатуры едва не переплюнула всех Конанов, Ктулху, Дарт Вейдеров и Споков вместе взятых. А компания, контролирующая всю эту радость (Hasbro, через свою «дочку» Wizards of the Coast), является теперь безусловным транснациональным лидером по настольным, коллекционным и ролевым играм. В конце концов, игра «Монополия» — это тоже их изобретение. Израсходованные на безумное количество романов миллионы кубометров канадского леса в этой империи бабла лишь маленькая часть их фантастического бюджета. Подтанцовка. Кроме хасбровского монстра среди фэнтезийно-игровой «мелочи» можно еще упомянуть сравнительно небольшие книжные сериалы по культовым «Warcraft и Diablo» (50 и 8 книг соответственно), начавшийся недавно сериал по вселенной «The Elder Scrolls», а также научно-фантастические «Warhammer» (200 книг) и «BattleTech» (100 книг). Впрочем, этого достаточно, чтобы понять прописную истину: на данный момент книжные сериалы по играм настолько рулят массой, что все «киношные» и «чистолитературные» тихо плачут в стороне.

Однако по влиянию и качеству текстов у игровых позиции не такие радужные. За редким исключением, все они напоминают беллетризованные сценарии к игрушкам, такие же корявые, как локализации российских пиратов начала тысячелетия. Авторы в этих проектах также в основном используются совсем уж никак себя не зарекомендовавшие, кроме разве что Роберта Сальваторе, который сумел засветиться в «Звездных войнах» и сочинить еще 6 трилогий, независимых от его основного конвейера в «Forgotten Realms». Впрочем, даже эти независимые трилогии можно спутать с любой фэнтезийно-проектантской «литературой». Похожи они друг на друга, как блины в масленицу. У киношных ситуация с качеством была чуть получше. Там иногда светились даже лауреаты престижных «Хьюго» и «Небьюль», вроде Тимоти Зана и Джо Холдмана, классики, вроде Теодора Старджона, или хотя бы середняки, вроде Терри Брукса. Но и здесь уже давно заметно смещение к принципу «тяп-ляп» и к ставке на авторов категории «чего изволите» и «да-да, войдите».

В целом, общепризнанное мнение, что современные западные межавторские сериалы есть абсолютно бессмысленное и беспощадное чтение следует признать совершенно справедливым. То, что пишут сейчас рабы на кинематографических и игровых галерах, это даже не ниже плинтуса. Это ниже пятого круга ада. Читать это, не будучи фанатом той или иной выдуманной вселенной, просто нереально, настолько они сюжетно и стилистически убоги. Другая ситуация сложилась в России. Феноменом мирового «проектирования» последних двух десятилетий наверно можно назвать тот странный факт, что только в России в это время к проектам привлекались авторские силы второго и даже первого порядка, тогда как на западе лауреаты премий и успешные писатели из проектов фактически исчезли. Достаточно вспомнить новеллизации «Секретных материалов» (Лазарчук, Рыбаков, Столяров, Точинов), ту же отечественную «кони-ну» (Хаецкая, Перумов) или нашумевший за последние несколько лет «Сталкер» (Орехов, Новак, Васильев, Бурносов, Зорич, Ночкин). Впрочем, при ближайшем рассмотрении феномен испаряется и возникает простая отечественная бескормица. При российских тиражах и гонорарах проекты в последнее время стали единственным для авторов способом заработать на масло с икрой. Можно только пожелать авторам не закапываться в эту икру окончательно.

KKK72

ИГРА НА ЧУЖОМ ПОЛЕ

Марина и Сергей Дяченко.
Мир наизнанку: Авторский сборник. —
 М.: Эксмо, 2009. — 416 с.

Должен признаться, изрядно раздумывал, прежде чем купить этот сборник. Добрую половину его занимал сценарий фильма «Обитаемый остров», который меня не слишком интересовал. Но обнаружив, что из дюжины рассказов я не читал ни одного, и, зная, что ниже определенного уровня Дяченко не опускаются, все же взял этот сборник. В итоге я об этом пожалел. Как же так? Отличные авторы, новые произведения. Неужели рассказы плохо написаны? Не сказал бы, но сборник не удался. Почему? Читайте репортаж с футбольного матча с участием команды Дяченко!

В роли зрителя и болельщика — Kkk72

Под звуки фанфар на поле выходит наша команда. Опыт, мастерство, сыгранность — все на их стороне. Устроившись поудобней на трибуне, я приветствую своих любимцев, заранее предвкушая красивую игру и крупную победу. Ведь у них будет тринадцать возможностей забить гол в ворота противника.

Ага, оказывается из тринадцати произведений сборника пять — микро-рассказы на одну две-странички. Сложный жанр, который никогда не был коньком Дяченко. Оставляю-ка я их напоследок. А начну сборник с более крупных произведений.

Мир наизнанку. Интересная повесть, пожалуй, лучшая в сборнике. Начало произведения, признаться, удивило. Трамвай, который ездит по несуществующим рельсам, загадочный Хозяин с неизменной джезвой в руках, обладающий странной властью, реальность, которая может меняться по воле разных существ. Полноте, не имеем ли мы дело с очередным воплощением бурной фантазии сэра Макса из Ехо? Интересно, это Дяченко сделали реверанс в сторону коллеги по перу или похожие идеи пришли им в голову независимо от творчества Фрая? Впрочем, дальнейшее развитие событий весьма далеко от фраевских мотивов.

Главная героиня — серая мышка Лиза, второстепенный герой сериала, которая очень хочет стать человеком. Но это — совсем непростое занятие. На этом пути придется пройти непростые испытания и многим пожертвовать. И это уже скорее своеобразное развитие идей Русалочки Андерсена на современный лад.

К достоинствам произведения отнесу также: во-первых, необычных, колоритных персонажей, среди которых и кот, ставший человеком, и даже курс доллара, стремящийся к тому же; во-вторых, интересный сюжет, который несколько раз преподнес мне сюрпризы; в-третьих, привычное уже для авторов мастерство в изображении мелких деталей.

В итоге у авторов получилась своеобразная фантазмагория в интерьере современного города. А у каждого из нас появился еще один повод задуматься: что значит — быть человеком? Да и нужно ли это нам?

Первая же атака нашей команды увенчалась успехом. Красивая комбинация запутала оборону противника, и мяч влетает в сетку ворот — 1:0!

ОСА. Увлёклись в последнее время Дяченко темой виртуальной реальности, компьютеров, вирусов. Вот и в этом рассказе описывается, как преподавательница Ольга неожиданно обнаруживает у себя дома малознамого мужчину. Кто он: ее муж или ловкий гипнотизер, пытающийся втереться в доверие? Да человек ли он вообще? Начало рассказа мне понравилось своей интригой и вниманием авторов к мелким деталям происходящего. Но, увы, авторы углубились в дебри виртуальности, где и безнадежно погрязли. Предложенный вариант развития событий показался мне совершенно нереалистичным и неинтересным, а кошмар, когда в привычную реальность вторгается что-то непонятное и пугающее, обернулся бреднями страдающей от одиночества дамочки. Пожалуй, Дяченко не стоит тягаться с мастерами киберпанка или специалистом по изменению реальности Диком. Сильные стороны их творчества — в другом.

Вот тебе раз! Вдохновленные успехом, наши ребята бросились развивать преимущество. Казалось, второй гол близок. Однако потеря мяча привела к быстрой контратаке противника, и получите — 1:1. Ничего, играть еще много. Видимо, это случайность

Снег. «Замах — на рубль, удар — на копейку». Эту фразу, увы, лучше всего характеризует данную историю. Касается это и событий, описанных в рассказе: это ж надо — положить столько усилий на мелкую месть, и авторов: такие интересные фантастические находки, и потрачены на такую пустяковую историю. Да ведь так и просится на бумагу подробное описание пути героини. Так и хочется увидеть, как каждый день она берется что-то делать, живет свой маленький кусочек жизни, оказывается в шаге от каких-то важных для себя сегодняшней цели, и снова начинает все с нуля на завтра. И все-таки каждый прожитый день оставляет свой след и немного меняет героиню. Увы, вместо потенциального шедевра получился очередной неплохой, но не более того, рассказ.

Наша команда имела отличный шанс снова выйти вперед, провела отличную атаку, нападающий был выведен на ударную позицию... Но вместо четкого завершения атаки получился невнятный тычок в руки вратарю. Счет не изменился — 1:1

Инфракст. Едва ли не первый попавшийся мне на глаза рассказ Дяченко, написанный в жанре «хоррор». Результат эксперимента показался мне весьма неоднозначным. Начало рассказа понравилось. Ставшее уже традиционным внимание авторов к мелким деталям дало возможность не представить себе, а просто-таки увидеть дружную компанию, возвращающуюся с сельской свадьбы. Очень хороши характеры персонажей, очень узнаваемы многие мелкие детали и подробности. Столкновение с мистическим получилось довольно невнятным. И все же авторам удалось передать нарастание напряжения, безумную гонку и отчаянные попытки героев спастись от преследующего их зла. И вот когда авторам оставалось только поставить эффектную точку, вместо нее получилась жирная клякса. Совершенно не ждал я такой смутной, невнятной концовки, напрочь испортившей все позитивное впечатление от рассказа.

Еще одна блестящая атака. Оборона противников порвана в клочья. Вратарь отыгран. Мяч катится под удар нападающему. Перед ним пустые ворота. Замах... Какой конфуз! Форвард не попал по мячу и влетел в сетку сам, а мяч тихонько укатился за линию ворот. Да сколько ж можно мазать! На трибунах начинают посвистывать

Император. Весь экипаж космического корабля, кроме мальчишка, родившегося уже в полете, погиб от странной болезни. Сумеет ли подросток адаптироваться в мире будущего? Или, может быть, у мира возникнут проблемы с ним? Да, в этой истории заметны нотки из «Малыша» Струацких или из рассказов Лукьяненко. Завязка давала авторам богатые возможности для развития сюжета. Но, увы, в очередной раз авторы ими не воспользовались. Что послужило причиной гибели людей на корабле, стало очевидным с первых же страниц рассказа. Почему это происходило, авторы объяснили, но крайне неубедительно. Как это получилось? На этот вопрос так и не нашлось ответа. Концовка вновь показалась мне надуманной и неудачной. Ну не сходятся в ней концы с концами. Не готов я поверить ни в первопричину всех бед, ни в реакцию дознавателя. В итоге рассказ получился довольно невнятным.

Не забываешь ты — забывают тебе. Очередная атака заканчивается тем, что противник легко читает замыслы наших форвардов, перехватывает мяч и успешно реализовывает свой момент. 1:2

Лихорадка. Не так давно прочел антологию «Нежить». Эта повесть Дяченко заняла бы в ней достойное место. Казалось бы, что может быть банальней сюжета про оживших мертвецов и попытки выживания главного героя в мире, ставшего вдруг таким неуютным. Но авторам удалось внести свежую струю в избитую тему. Удачно выбран главный герой произведения. История его жизни реалистична, а самому герою хочется сопереживать. История его выживания в человеческой стае внезапно сменяется выживанием

в одиночестве. Очень хорошо показано нарастание напряжения, страхи Руслана, его попытки что-то сделать. Вплоть до момента, когда Руслан заболел, повесть была почти безукоризненным образцом хоррора. Дальше дело пошло похуже. Отношения Руслана и Питера выглядят странновато. Да и сама попытка объяснить причины происходящего показалась не слишком убедительной. Эпилог, по большому счету, в повести лишний. Все, что авторы хотели объяснить, было понятно и так, а завершив эту историю чуть раньше, Дяченко сделали бы ее более впечатляющей и убедительной.

Осознав, что так можно и проиграть, наши игроки бросаются на штурм ворот противника. Удар следует за ударом и, наконец, мяч влетает в ворота противников, хотя попытки добить уже летящий в ворота мяч едва не привели к очередному голу. И все же 2:2

Обитаемый остров. Честно говоря, в сборнике «Мир наизнанку» меньше всего меня интересовал этот сценарий. В фильме «Обитаемый остров» я посмотрел только первую часть и решил этим ограничиться. Не могу сказать, что он показался мне совсем уж провальным, но удачным я его тоже не назову. В сценарии меня, в первую очередь, заинтересовало, кто же автор многочисленных «косяков», обнаруженных в фильме. Выяснилось, что самые вопиющие проколы, вроде битвы Максима с бандой в стиле кунг-фу, все-таки на совести режиссера. Но и сценарий Дяченко отнюдь не производит впечатления шедевра. Есть в нем и дурацкое вступление с бабушкой, и упор на внешние эффекты, и поверхностность многих эпизодов. Главное впечатление — авторы так и не определились, для кого будет этот фильм: для знатоков Стругацких, готовых цитировать их произведения страницами, или для молодежи, жаждущей спецэффектов поярче. В итоге и получился довольно невнятный гибрид.

В концовке наши игроки занервничали, прижались к воротам, пытаются сохранить хотя бы ничейный счет. Увы, подобная тактика всегда приводит к поражениям. Серия ошибок, сценаристы винят режиссера, а режиссер — сценаристов, вратарь и защитники выясняют, кто из них виноват, а мяч оказывается в наших воротах. 2:3

Микрорассказы. Увы, и здесь повторилось то же самое. Есть в них неплохие задумки, но все они так и остались не раскрытыми. Ни один микрорассказ всерьез не зацепил, в каждом чего-то не хватает.

Последний шанс — серия пенальти. Да-да, знаю, что не по правилам, но тем не менее. Удар — мимо, удар — штанга, удар — прямо в руки вратарю. Видимо, слишком предсказуемо бьют наши ребята. В итоге, поражение так и остается поражением, и болельщики уныло бредут с трибун, крича спортсменам гневное: «Массакраш!»

Да, так бывает в футболе. Команда всю игру имела явное преимущество, создала множество отличных моментов и в итоге проиграла. Конечно, в спорте всегда есть элемент случайности, но не стоит все списывать на нее, а надо бы заняться улучшением реализации своих шансов.

Эту игру Дяченко провели на чужом поле. Зомби-хоррор, городская фэнтези, эксперименты с виртуальной реальностью — все это

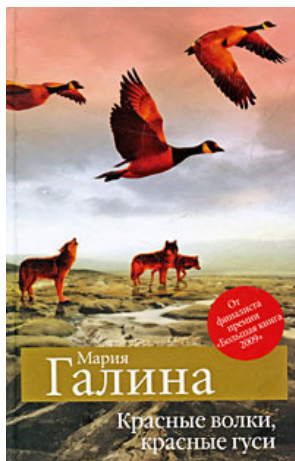
отнодь не родные для авторов жанры. Сценарий же по произведению Стругацких — тем более игра на чужом поле. Однако главные проблемы авторам создало как раз не это. Совершенно неожиданным для меня оказалось то, что интересные идеи и находки, которые есть почти в каждом произведении, вошедшем в этот сборник, авторам раз за разом не удавалось довести до ума. Провальные концовки никогда не были присущи авторам, а здесь они есть как минимум в четырех рассказах.

По сути, готов смело рекомендовать к прочтению только два произведения — «Мир наизнанку» и «Лихорадку». Слишком мало, чтобы держать на полке эту книгу.

Особенно обидно то, что при всем разнообразии тем и жанров, в сборнике все же есть нечто общее — ощущение тревоги, беспокойства, зыбкости нашего привычного мира. Удивляет и непривычно большое количество относительно счастливых концовок, чем авторы не так часто балуют своих читателей. Видимо, Дяченко пытались дать нам немного позитива в нашем опасном мире. Увы, из-за слабости концовок это не получилось в полной мере. Трудно сказать, чем обусловлена творческая неудача авторов — поисками новых методов и жанров или усталостью после коммерческого проекта сценария. Надеюсь, этот спад Дяченко смогут быстро преодолеть.

KKK72

СТРАХ У ВОРОТ

Мария Галина.

Красные волки, красные гуси. —

М.: Эксмо, 2010. — 448 с.

Мария Галина за последние пару лет стремительно ворвалась в круг авторов, которые для меня обязательны к прочтению. Не разочаровал и этот сборник, хотя я все же ждал от него немного большего.

В сборник вошли повести и рассказы, написанные автором за последние десять лет. Не так-то просто определить жанр большинства из них: фантастика, мистика, магреализм, хоррор? Пожалуй, всего понемногу, хотя эта пропорция сильно меняется в разных произведениях. Во многом рассказы сборника про-

должают тему, поднятую в «Малой Глуше», — соприкосновение нашего мира с потусторонней реальностью. При этом другая реальность у Галиной в большинстве случаев вызывает мистический страх, отторжение, отвращение, и в этом отчетливо видны лавкрафтианские нотки. Бог знает какие Ктулху водятся в том мутном тумане иномирья, попасть в который мы можем, порой просто свернув за угол или заглянув в соседнюю комнату. Ну, а уж когда эти создания начинают пробираться в нашу реальность — мало нам не покажется. Но дело в том, что и наш мир в представлении Галиной отнюдь не самое приятное место. Раз за разом в рассказах «Заплывая за буйки», «Ящерица», «В плавнях», «Контрабандисты» автор сталкивает свинцовые мерзости советского образа жизни с темными мистическими силами, и выясняется, что они стоят друг друга, и не случайно подобное притягивается к подобному. В результате в большинстве произведений этого сборника царит мрачная, давящая на психику атмосфера, которая производит впечатление, но впечатление это не из приятных. Пожалуй, только в «Юго-Западной железной дороге» мелькает проблеск светлого чуда, и то очень быстро меркнет.

Несколько выделяются из общего ряда по сюжету, но не по настроению «И все деревья в садах» — впечатляющий образчик постапокалиптики,

и «Прощай, мой ангел» — интересный образец биологическо-социальной альтернативки.

В общем-то почти каждая история сборника хороша, в каждой есть своя изюминка. Не понравились мне только «Спруты», где автор, на мой взгляд, накрутила совсем уж мрачную конструкцию и реалистичное, но слишком бытовое «Краткое пособие по собаководству». Самыми же лучшими, на мой взгляд, оказались эффектные «Красные волки, красные гуси», «В плавнях», «Контрабандисты», «Заплывая за буйки» и «Сержант Ее Величества».

Сержант Ее Величества. Автору удалось меня в очередной раз удивить. Сюжет этой истории вращается вокруг увлечения писателя Конан Дойля спиритизмом. Галиной удастся посмотреть на эту довольно тривиальную историю с совершенно необычной точки зрения. В небольшом по объему рассказе автор поднял сложные темы столкновения европейской и африканской цивилизаций, первой мировой войны, падения могущества Британской империи. Выводы Галиной парадоксальны, но при этом вполне логичны. Щедро разбросанные по тексту аллюзии доставят истинное удовольствие всем поклонникам творчества Конан Дойля, к которым отношусь и я. Очень ярким и необычным получился образ самого знаменитого писателя.

Заплывая за буйки. Мария Галина продолжает сражаться против умершего льва советского социализма со всем рвением Дон Кихота. Но, черт возьми, от ее ударов этому льву пришлось бы несладко, даже если бы он еще оставался жив. Ведь автор не просто критикует и обличает то время. От описаний советской системы, порядков, царивших в то время, тянет мерзким гнилостным душком сюрреалистичного кафкианского кошмара. Неправильны не какие-то отдельные черты этого общества, неправильно оно все в целом. В нем нельзя что-то улучшить, можно только отменить его все полностью. И единственным способом спастись, выжить для героев Галиной оказывается побег. То ли на самодельном плоту в Турцию, то ли просто в спасительное сумасшествие.

Невозможно не заметить отличное литературное мастерство Галиной. Очень непросто изобразить внутренний мир человека, балансирующего на грани сумасшествия, а то и перешедшего через эту грань, отразить окружающую действительность глазами такого героя. Автору это удастся, и это очень усиливает впечатление от текста. Хороша и очень нетривиальна основная изюминка рассказа — изменение реальности через текст. Последствия этих изменений изображены несколько прямолинейно, но весьма ярко. Весьма эффектна финальная точка, окончательно сводящая воедино реальность и безумие.

Случается порой такое, что ночью приснится страшный сон. Выныриваешь из мутных глубин кошмара и долго приходишь в себя, как пловец, чудом вырвавшийся на поверхность. Вот такое впечатление и произвел на меня этот рассказ.

Контрабандисты. Задумка этого рассказа весьма неожиданна. Не так много я знаю фантастических произведений, основанных на известных стихотворениях. И конечно, кому, как ни Галиной, под силу воссоздать колорит той старой Одессы, которая уже почти окончательно исчезла в тумане времени. Да и идея контрабанды из иного мира весьма нетривиальна. Хотя сам предмет контрабанды — пресловутый хрустальный череп — несколько разочаровал. Да и попытки объяснить чьи-то злодейства только влиянием этого артефакта кажутся достаточно наивными. Зато запомнилось и произвело впечатление то, как многоцветье старой Одессы постепенно сменяется серо-стальным однообразием зачистившей все власти.

Красные волки, красные гуси. Этот рассказ недаром дал название всему сборнику. Именно в нем лучше всего проявилось писательское мастерство Галиной, умение соединять обыденное и мистическое. Вот и в этот раз история путешествий натуралиста по отдаленным уголкам то ли Кавказа, то ли Средней Азии показывается с двух сторон. Один вариант — благостное и вполне официальное описание приключений и неожиданностей, которые поджидают путешественника, другой вариант — мистическая изнанка событий, в которой ложь и жестокость сталинских времен вполне органично сливаются с древними тайнами. В этой истории есть место чудесному, но это — страшное, я бы даже сказал, жуткое чудо. Тем неожиданнее для меня оказалась концовка истории. Да, умеет все-таки Галина и нагнать страху на своих читателей, и заморочить нам головы, и заставить серьезно задуматься о том, какова все же правда.

В плавнях. Один из наиболее запомнившихся рассказов автора. С одной стороны, история очень атмосферна. Невозможно не проникнуться странным образом жизни в плавнях, где-то на границе то ли двух стран, то ли двух миров. Просто чувствуешь неторопливое течение реки, туман, скрывающий звуки, множество мелких островков, на каждом из которых может ожидать неведомое. Все это очень перекликается со второй частью «Малой Глуши». Странные, необычные существа действуют в этой истории — от традиционных русалок и любимых автором псоглавцев до загадочных зеленых людей. Поневоле поверишь, что в этих краях можно встретить кого угодно. Да кто такие, в конце концов, сами жители этих плавней? А уж о том, что находится на другом берегу, и подумать-то боязно.

С другой стороны, рассказ наполнен мощным содержанием — вечным спором о правде и истине. Прочтя эту историю, трудно не задуматься о том, почему борьба за лучшую жизнь неизбежно несет за собой кровь, смерть, мучения ни в чем не повинным людям. Действительно ли человеческую природу невозможно изменить и кровопролитие будет длиться вечно? Стоит ли вступаться за слабых и обиженных или жизнь по принципу «моя хата с краю» — самый надежный путь к выживанию? Порой я не во всем согласен с автором, но эта история заставляет мыслить и чувствовать. Что это, если не признак настоящей литературы?

Нельзя не отметить, как сильна эта история в мелких нюансах, в деталях. Например, как о многом автору удастся сказать нам в эпизоде с кружкой молока! А как хорош разговор Никодима с зелеными людьми! Обратите внимание на этот рассказ!

Эту же фразу я готов повторить и по поводу всего сборника в целом. Если вас не путают сложные, насыщенные образами тексты, если вы не боитесь посмотреть в лицо кошмару и не менее мрачной реальности, этот сборник Галиной, безусловно, стоит прочесть.

АНДРЕЙ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

ПИР ДУХА, ИЛИ КРИЗИС УМОВ

Сергей Слюсаренко. Кубатура сферы. — АСТ, 2009. — 384 с.

О кризисе в российской фантастике с переменным успехом говорят лет двадцать. Уже и авторов новых пришло не одно поколение, и книг выходит по несколько сотен в год, и малая проза вновь пользуются успехом, а- нет, все равно кризис. Так, может быть, вся проблема в головах? Вот только в чьих? Читателей? Писателей? А может, тех и других? Именно на последнюю мысль наводит книга Сергея Слюсаренко «Кубатура сферы», занявшая первое место в номинации «романы» на престижнейшем конвенте «РосКон».

То, что «Кубатура» относится к межавторской серии «S.T.A.L.K.E.R.» само по себе не говорит ни о чем. Да, в рамках подобных проектов труднее реализовывать собственные замыслы, ведь общие правила игры и антураж заданы заранее. Но, во-первых, и внутри проектов можно создавать совершенно разноуровневые тексты (сравнить хотя бы творения Йена Уотсона и Уильяма Кинга из «Warhammer 40K» — небо и земля). А во-вторых, у Сергея Слюсаренко было преимущество — его роман заявлен, как предыстория событий, известных по остальным книгам, а значит, его степень свободы была гораздо выше, чем у остальных авторов «Сталкера». Но вышло то, что вышло.

Эпиграфы, в духе «Понедельник начинается в субботу», и откровенно постановочное прибытие героев-спецназовцев в Зону с первой же главы настраивают на определенный лад. Роман обещает быть легким, увлекательным, красочным, но без излишнего напряжения мозгов. Собственно, все так и есть. Четверка русских джеймсов бондов, экипированная кучей супергаджетов, отправлена на задание. Необходимо на месте провести разведку и заодно выяснить, что за чертовщина произошла с предыдущей группой. Герои умны, ловки и опытные. А еще они не верят в чудеса и верят

в науку. Зона же, пусть она еще и не столь загадочная, как в других романах, логике и познанию поддаваться не спешит. И тот, кто надеется в ней выжить, должен подчиняться необычным, но обязательным к исполнению правилам.

Этим прописным истинам и учит команду опытный сталкер Сухой. Противопоставление его жизненной позиции («только Зону вашими приключениями электронными мучаем»), «что же вы за люди, что на вас Зона взялась» и т. д.), основанной на суевериях, и сугубо прагматичным взглядом на жизнь вновь прибывших — это лучшее, что есть в романе. Досадно, что даже эти сцены Слюсаренко не стал прорабатывать, довольствуясь поверхностным взглядом. А финал книги, где раскрывается личность сталкера, и вовсе сводит положительные впечатления на нет.

Основная сюжетная линия вполне традиционна для приключенческой фантастики. Перемещение отряда от точки А к точке В разбавляют флэшбеки о каждом из персонажей. Досадно, но глубины характерам эти воспоминания не придают, потому как автор приbedняться не стал и всех четверых сделал крутейшими специалистами. А читать о суперменах (даже если среди них одна девушка) не самое большое удовольствие.

Другое дело, что написана книга хорошим русским языком, и на фоне косноязычных боевиков выделяется в лучшую сторону. Отдельно, при этом, хочется выделить проработку «фона». Зона в романе не столько страшная или чуждая людям, сколько необычная и даже в чем-то привлекательная. Естественно, что не обошлось без монстриков и аномалий, но главное — это местные жители. Обитатели Зоны не просто ярко выписаны и не сливаются в единую кашу. У каждого из них есть мелкие отличительные черты, разная манера речи, разные взгляды на жизнь. Видно, что это на самом деле люди, а не куклы, играющие придуманную автором роль. Но даже и в этой бочке меда нашелся свой деготь. В данном случае им выступает неприкрытая, откровенная ненависть автора к «оранжевым» украинцам. И если в первых главах сцена с украинскими солдатами, охраняющими въезд в Зону, вызывает скорее улыбку, то дальнейшие проскальзывающие фразы попросту коробят. Особенно неуместно выглядят поминаемые к месту и не к месту мейндауны (зомбированные люди с майдана), неприязнь автора к которым безгранична.

Если посмотреть непредвзято, то на каждый минус находится свой плюс. И основной замысел книги, ее сверхидея, могла бы легко перевесить чашу весов. Увы, но закрыв последнюю страницу, задаешься лишь двумя вопросами. ЗАЧЕМ роман был написан? И О ЧЕМ думали читатели, голосовавшие за «Кубатуру сферы» на РосКоне? Нет, если постараться, можно за уши притянуть несколько «свежих» мыслей. Об ответственности ученых за свои творения (страниц 20 ближе к финалу наберется), о том, что всегда найдется кукловод, который тобой управляет (страниц 15, разбросанных по разным местам книги), о поиске недостижимого (идея настолько

завуалирована боевиком, что потерялась, хотя, видимо, должна была стать главной), о политике и разных взглядах на мир, наконец. Но ни про одну из них нельзя сказать, что Слюсаренко хотел донести до читателя именно ее. В итоге, на выходе получился хорошо написанный, легко читающийся боевик ни о чем, с отдельными вставками «для своих» (вроде семигранных гаек торговца Сидоровича).

И вот тут нельзя не вернуться к кризису жанра. Вряд ли можно считать нормальным, когда лучшим романом года становится безыдейный текст, самое запоминающееся в котором — это ненависть к украинцам. Прогнило что-то в нашем королевстве...

ЛЕВ ГУРСКИЙ

«ВЫПОЛНЯЯ ЗАДАНИЕ, ВЫ БУДЕТЕ ПРИ ОРУЖИИ...»

Сначала думать, потом стрелять. Сначала стрелять, потом думать. От перемены мест слагаемых финальная сумма в этом уравнении очень даже меняется. Главные герои фильмов из сегодняшнего обзора вооружены, опасны, но еще более опасен мир, их окружающий. И, может так случиться, им не поможет ни мечете, ни автомат, ни базука, ни чудо... Ничего, кроме элементарного везения. Ну и, конечно, законов жанра.

Господи, ты погорячился

Инструкция для офисов состоит, как известно, из двух пунктов: 1. Начальник всегда прав. 2. Если начальник не прав, то см. пункт

1. Офисная мораль универсальна, так что ветхозаветного Бога можно рассматривать как Самого Главного Начальника, и все сомнения в его правоте возвращают нас неизбежно к пункту 1. Впрочем, этот вовсе не означает, что офисные столоначальники среднего звена не могут взбунтоваться против Шефа — особенно если Шеф однажды настолько разочаровался в своих клерках, что вздумал закрыть фирму целиком и вообще сравнять ее с землей... Примерно в этом заключены завязка фильма Скотта Чарльза Стюарта «Легион» (Legion, США, 2010. 97 минут). Дело в том, что Богу напрочь надоели собственные творения (чересчур грешны), и он решил жахнуть по ним Апокалипсисом. Но архангел Михаил (Пол Беттани) спустился с небес, отрезал себе крылья, зашил раны суровой ниткой, набрал на оружейном складе всяких автоматов и гранатометов и отправился спасать человечество. Сама процедура спасения оказалась вполне локальна — под стать

небольшому бюджету картины (26 миллионов долларов). Михаилу надо было лишь отправиться в пустыню Мохава, где в забегаловке под названием «Рай падет» работает глубоко беременная неизвестно от кого официантка со стивен-кинговским именем Чарли (Адриенн Паликки). Ребенок в утробе — будущий Мессия. Если он благополучно родится, человечество не погибнет. Почему? Не наше дело. Для чего? Не нам судить. К моменту, когда начинается Апокалипсис (который поначалу выражается в нашествии туч мух и отключении электричества), в забегаловке, помимо Чарли, находятся: пугливый автомеханик Джим Хэнсон (Лукас Блэк), влюбленный в Чарли; хозяин заведения — и отец Джима — Боб Хэнсон (Деннис Куэйд), мрачный чернокожий молодчик Кайл Уильямс (Тайрез Гибсон), повар Перси Уокер (Чарльз Даттон) с крюком вместо кисти руки, истеричная мамаша Сандра Андерсон (Кейт Уолш), ее муж Ховард (Джон Тенни), их дочка-гот Одри (Уилла Холланд)... Ах да! Мы забыли еще старушку Глэдис Фостер (Жанетт Миллер), которая заказала себе бифштекс, а затем начала сквернословить, укусила Ховарда, пробежалась по потолку, аки паук, и была убита. Потому что старушка была, конечно, не старушкой — равно как и мороженщик (Даг Джонс), приехавший чуть позже, был вовсе не мороженщиком. Эти монстры, в которых вселились ангелы-вонтели, оказались лишь предвестниками будущего нашествия зомби на забегаловку. Так что людям, возглавляемым мятежным архангелом, приходится держать оборону, спасая младенца, а в его лице — человечество... Режиссер Скотт Чарльз Стюарт известен как мастер спецэффектов, и они действительно тут неплохи. С остальным хуже: в фабуле зияют дыры (если Он задумал уничтожить человечество, зачем избрал столь странный и неудобный способ?), паузы между сценами action заполнены банальнейшими разговорами, актеры (кроме Беттани) играют так-сяк, а сама осада забегаловки неизбежно вызывает в памяти классические образцы — от «Рио-Браво» и «Нападения на 13-й участок» до «Ночи живых мертвецов». Плюс, конечно же, неизбежно вспоминается сюжет «Терминатора», где будущую надежду человечества точно так же защищают при помощи огнестрельного оружия. Фильм плох не оттого, что сценарист и режиссер нагло попирают канон, изображая ангелов «плохими парнями» (и тут нет ничего оригинального — достаточно вспомнить «Догму» Кевина Смита или трилогию «Пророчество»), а оттого, что авторы превращают библейских персонажей в героев невнятного боевика с удручающей серьезностью и мелкотравчатым пафосом. А Бог вместо сверхсущества, который упорно гнет свою линию, выглядит капризным боссом, которого можно переубедить, постреляв над ухом и шлепнув Его посланца Гавриила (Кевин Дюран). Право же, мысль о том, что с начальством — если оно неправо — можно спорить, не обязательно доказывать таким причудливым способом.

Восставшие из анабиоза

Название немецко-американского фильма «Пандорум» (Pandorum, Германия — США, 2009, 108 минут) режиссера Кристиана Алверта не имеет никакого отношения ни к мифологической Пандоре (хозяйке известного ящика), ни к планете Пандора (из романов братьев Стругацких и фильма Джеймса Кэмерона). Согласно сюжету, это такая космическая болезнь, рожденная клаустрофобией: человека охватывает сперва паника, потом приступы ярости, потом галлюцинации — и окружающим несдобровать. О том, кто именно из персонажей фильма Кристиана Алверта подхватил злополучную болезнь и к каким последствиям это привело, зритель узнает лишь в конце. Вначале же нас информируют об открытии в далеком космосе планеты Танис, куда могут перебираться граждане с перенаселенной Земли. Корабль-гигант «Элизиум» с 60 тысячами поселенцев, погруженных в анабиоз, уходит в далекий космос, однако во время полета возникает нештатная ситуация. В результате которой капрал Бауэр (Бен Фостер) и лейтенант Пейтон (Деннис Куэйд), очнувшись от анабиоза, обнаруживают, что большая часть пассажиров и экипажа куда-то запропастились, а по коридорам корабля разгуливают человекоядные мутанты, похожие на орков и на зомби одновременно. Главным персонажам картины приходится сражаться не только с мутантами и впавшими в первобытную дикость редкими выжившими людьми, но и с собственной амнезией — последствием анабиоза. А потому Бауэра и Пейтона ожидает немало сюрпризов не только «извне», но и «изнутри». Ибо как только персонажам уда-

тся «вспомнить все», это во многом изменит их представление об окружающем мире... При бюджете в 40 миллионов долларов фильм в мировом прокате отбил едва ли половину. Отчасти провал объясняется невняtnостью сценария (даже в финале концы с концами не сходятся) и множеством заимствований (из «Чужих», из «Обители зла», из «Сквозь горизонт»...). В принципе, даже из чужих пазлов можно было бы при желании сложить новую мозаику, однако создатели «Пандорума» этим не озаботились, предпочтя идти дорожкой, проторенной кем-то другим. Любители фантастической литературы, успевшие прочесть «Поколение, достигшее цели» Саймака, «Пасынков Вселенной» Хайнлайна и «Нон-стоп»

Олдисса, ничего неожиданного для себя не найдут. Впрочем, и тот зритель, который хотел получить только образчик добротного action, тоже не будет в восторге: большая часть фильма происходит в полутьме, и драки между людьми у мутантами (они и занимают немалую часть метража) будут трудноразличимы.

Нулевой закон роботехники

Режиссеру фильма «Терминатор: Да придет Спаситель» (Terminator Salvation, Германия — США — Великобритания, 2009, 110 минут) Джозефу Макджинти Николу — он же бывший клипмейкер с лапидарным прозвищем Мак Джи (McG), — очень облегчил задачу постановщик третьего «Терминатора» (который «Восстание машин») Джонатан Мостоу. Снятая им третья серия истории о борьбе роботов с людьми — а временами и «хороших» роботов с «плохими» — столь явно проигрывала двум первым творением Джеймса Кэмерона, что даже ветеран Шварценеггер был бессилён спасти ситуацию. Сценаристы угробили весь хэппи-энд второго фильма, популярно объяснив, что людям так и не удалось предотвратить восстание машин, и все, на что они способны, это сохра-

нить жизнь Джону Коннору. На фоне превращения мира в кладбище эта победа выглядела, мягко говоря, сомнительной. Недаром в телесериале 2008 года «Терминатор: Хроники Сары Коннор» (вышло, увы, только два сезона) версия Мостоу была объявлена несуществующей, и создатели сериала продолжили там, где закончил Кэмерон... В отличие от упомянутого выше сериала, основное действие которого разворачивалось в наши дни (с небольшими вставками из потенциально-апокалиптического будущего), в картине Мак Джи действие, в основном, происходит в будущем, притом, именно в том, где Скайнет выиграл первый этап войны с людьми, однако столкнулся с мощным сопротивлением. Здесь Джон Коннор (Кристиан Бэйл) — ещё не вождь повстанцев, а скорее, один из полевых командиров сопротивления. Однако он быстро набирает авторитет, поскольку периодически обращается по радио к разбросанным по Америке одиноким борцам с роботами (подобно тому, как в годы второй мировой войны

генерал де Голль, например, обращался к единомышленникам во Франции посредством Би-Би-Си). Голос Джона Коннора слышит по радио молодой Кайл Риз (Антон Ельчин), который пока еще не подозревает, что через какое-то время ему придется отправиться в прошлое и там стать отцом Джона Коннора. Сам Джон тоже не знает, отчего ищейки Скайнета охотятся за юношей, но раз охотится, значит, его надо спасти. Именно поэтому Коннор оспаривает приказ генерала Эшдауна (Майкл Айронсайд) бомбить базу Скайнета вместе с пленными людьми, среди которых как раз и оказывается Кайл... Впрочем, это лишь одна сюжетная линия. Вторая (а по значимости и первая) связана с образом странного персонажа по имени Маркус Райт (Сэм Уортингтон). Героя приговорили к смерти в прошлом, но он очнулся в будущем и ничегошеньки не помнит, кто он и что он. У него человеческое лицо и человеческое сердце, но в остальном он сделан из металла. Однако роботом себя не считает. Повстанцы намерены ликвидировать чудище, но добрая девушка-пилот Блэр Уильямс (Мун Бладгуд) спасает Райта, а Джон Коннор дает ему возможность сделать выбор между «человеческим» и «машинным» в пользу первого — подобно тому, как уже упомянутый Шварценеггер в фильме «Вспомнить все» из двух своих ипостасей выбирал правильную... Конечно, клипмейкеру Мак Джи далеко до Кэмерона, и никаких неожиданностей в фильме нет, если не считать секундного появления в кадре культуриста Роланда Кикинджера (терминатор Т-800), к телу которого мастера спецэффектов приладили компьютерное лицо все того же Арни Ш. (молодого). В остальном без сюрпризов: металл скрежещет, земля горит, дым стелется, вспышка справа, вспышка слева, и в финале битва (но не война) выиграна. С железом в картине все в порядке, но не хватает стройности в сюжете: победа соткана из чересчур большого количества случайностей, чтобы радовать. А ну как в следующий раз не повезет? Неужто роботы победят?

Очень своевременная книга

Как известно, Илья Муромец тридцать лет сидел на печи, но когда уж встал, наконец, полетели клочки по закоулочкам. В отличие от русского фольклорного тезки, американский Илай (Дензел Вашингтон) из фильма братьев Альберта и Аллена Хьюз «Книга Илая» (The Book Of Eli, США, 2010, 117 минут) все тридцать лет

непрерывно идет по Америке: с Востока на Запад, из пустыни к океану, а под ногами только пыль, пыль, пыль от башмаков, только что снятых с мертвеца. Собственно, и Земля почти уже мертва: три десятилетия назад природа отыгралась на людях, нарушавших экологию. В озоновом слое оказалась дыра, солнце выжгло (или ослепило) большую часть человечества, а меньшая его часть, когда выползла из подземных убежищ, для начала повсеместно истребила Библию — в отместку Богу за то, что он не упас. Уже по названию фильма братьев Хьюз (постановщиков картины «Из ада») понятно, что сюжет будет раскручиваться вокруг Библии — последней оставшейся на планете (или в Америке, что для авторов практически все равно). Эту Книгу главный герой с иноческим смирением и самурайской стойкостью несет по выжженным американским дорогам, добывая себе пропитание охотой на кошек (больше не на кого), отмахиваясь острым мачете от орд бандюг-каннибалов и слушая по айпайду — осколок былых времен! — концерт Джонни Кэша. На ту же Книгу претендует в фильме еще один персонаж: это некто Карнеги (Гэри Олдман), хозяин салуна в маленьком городке и, собственно, хозяин всего этого городка. Карнеги воображает, что, овладев словом Божьим, он сумеет сплотить вокруг себя отчаявшихся людей и, чем черт не шутит, стать новым пророком. Или, допустим, королем. Или президентом США (того, что осталось от страны). Как и Карнеги, Илай понимает силу Книги и поэтому вовсе не собирается отдавать ее харизматичному негодяю. Тем более, что Голос, звучащий в голове Илая, повелевает ему нести Книгу на запад и не задерживаться в пути. Спокойное визионерство одного персонажа и жажда власти другого персонажа, искря, соприкасаются. Звучат выстрелы, летят пули, за Книгу погибает уйма народа (по преимуществу, бандитского — то есть которого не жалко), а в финале герою откроется океан, и седой Малкольм Макдауэлл (который в кои-то веки сыграл не злодея, а культуртрегера по имени Ломбарди) примет Илая, как родного, и всем будет счастье... В фильме братьев Хьюз маловато «экшена», однако авторы и не ставили целью снять боевик: их интересовали тема Служения в чистом виде и человек, отдавший жизнь ради идеи, которая вполне могла оказаться ошибочной (Голос в голове мог, в конце концов, оказаться признаком шизофрении), но оказалась истинной...

НОВОСТИ ПОЛЕЗНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ

Премия Solstice

Президент Американской ассоциации писателей-фантастов (SFWA) Рассел Дэвис объявил лауреатов премии Solstice. Ими стали Том Догерти, Тэрри Уиндлинг и Дональд Уолхейм. Премия будет вручена одновременно с Nebula в Кокоа-Бич, что в американском штате Флорида. Напомним, что эта премия вручается «за значительное влияние на научную фантастику или фэнтези, и предназначена тем, кто постоянно вносит важные, позитивные перемены в область фантастической литературы».

Премия Author Emeritus

В этом году заслуженным автором, по версии той же Американской ассоциации писателей-фантастов (SFWA), стал Нил Баррет. Баррет известен читателям доброй полусотней романов, среди которых серия об Эльдаре, а также романами «Через самую темную часть Америки», «Гаснет неверный свет» и «Принц Крайслер-Коук». Его короткая повесть «Летучий цирк Сладкой Джинни» получила «Небыюлу» и «Хьюгу».

Будет вручена там же и тогда же.

Мемориальная премия им. Филипа К. Дика

2 апреля на Норсуэстконе в СиТаке был объявлен обладатель премии Филипа К. Дика этого года. Им стал роман «Горькие ангелы» С. Л. Андресона. Особого упоминания удостоен роман «Дни Киберабада» Йена МакДональда.

Эта премия вручается за выдающееся произведение, опубликованное под мягкой обложкой. Спонсором премии являются Сообщество любителей научной фантастики Филадельфии и Фонд Филипа К. Дика.

Мемориальная премия имени Курта Воннегута

Ее был удостоен Нил Гейман, который, по его словам, был счастлив получить «этот кусок железа с профилем Воннегута аж до смешного».

Эта премия вручается с 2007 года публичной библиотекой округа Индианаполис-Мэрион тем, «чьи литературные труды уникальным образом определяют и запечатлевают состояние человека». Первыми ее получило семейство Курта Воннегута, а его сын прочел речь, подготовленную самим Куртом для лекции имени МакФаддена, которую ежегодно дают

в Индианаполисе выдающиеся писатели (в их числе в разные годы были Джон Апдайк, Маргарет Этвуд, Сол Белоу и Том Вулф). Нил Гейман говорил о библиотеках.

Роскон-2010

С 1 по 4 апреля 2010 г. под Москвой, в пансионате «Лесные дали», прошел очередной конвент «Роскон». Лауреатами множества премий стали:

- ✓ Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак получили премию «Алиса» за «Время всегда хорошее»
- ✓ «Большой Роскон» дали меценату Арсену Авакову и прекрасному переводчику Ирине Гуровой
- ✓ «Фантастом года» стал Вадим Панов.
- ✓ Впервые вручаемую премию «Интернет-роскон» с большим отрывом выиграл сайт «Лаборатория фантастики» (<http://www.fantlab.ru>). А лучшим интернет-ресурсом по версии самого ФантЛаба стала «Русская фантастика» (<http://www.rusf.ru>).
- ✓ Мемориальную премию им. Кира Булычева отдали «Райской машине» Михаила Успенского.
- ✓ Премия от Федерации независимых профсоюзов России «Час быка» «за лучшее социально-ориентированное произведение» дали Александру Громову за «Шанс для динозавра».

«Росконей» различного достоинства получили

- ✓ в романной номинации: Сергей Слюсаренко за «Кубатуру сферы»; Сергей Лукьяненко за «Недотепу» и Генри Лайон Олди с Андреем Валентиновым за «Алюмен»
- ✓ в номинации повесть-рассказ: Олег Дивов за «Стрельбу по тарелкам» и Дмитрий Колодан с Кариной Шаинян за «Жемчуг по крови»; Евгений Лукин с «Чичероне» и Владимир Васильев за «Ведьмачье слово»
- ✓ в номинации «критика, литературоведение, история фантастики»: Генри Лайон Олди за «Десять искушений матерого публиканта»; Дмитрий Байкалов и Андрей Синицын за «Миссию (очень личные воспоминания)» и Антон Первушин за «Предтечи»
- ✓ лучшим сборником назвали составленную Евгением Гаркушиным «Точку встречи»
- ✓ победителем «Роскон-грелки» стала Анна Игнатенко с рассказом «Будь кем хочешь».

Твит-твит — книга!

На сайте журнала «Wired» выбирали книгу, которую предлагается выкладывать построчно в микроблоге Twitter (напомним, что длина поста там ограничена 140 знаками). В забеге участвовали «Американские боги» Нила Геймана, «451 по Фаренгейту» Рэя Бредбери, «1984» Джорджа Оруэлла, «Прекрасный новый мир» Олдоса Хаксли, «Бойня № 5» Курта Воннегута

и «Ловушка-22» Джозефа Хеллера. На момент подготовки этого материала победитель еще не определился, но с большим отрывом лидировал Гейман.

Из издательств сообщают

В ближайшей скорости в «ЭКСМО» выйдут новые книги Генри Лайона Олди «Смех Дракона» и Дмитрия Емца «Пегас, Лев и Кентавр».

В «АСТ» у Александра Зорича вышла «Сомнамбула. Кн. 1. Звезда по имени Солнце», у Андрея Левицкого и Алексея Бобла «Пароль: «вечность»», у Елены Стадниковой «Драгоценная кровь», а еще некоторое количество нового в серии «S.T.A.L.K.E.R.»

«Армада» разразится романами Андрея Бурего «Охотник. Покинутый город», Алексея Пехова «Страж», Артема Каменистого «Это наш дом», Дианы и Максима Удовиченко «Зеркала судьбы. Изгнанники», Андрея Белянина «Оборотный город», Валерия Елманова «Царская невеста», Романа Злотникова и Антона Корнилова «Путь к Порогу», Татьяны Форш «Сумасшедший отпуск», Светланы Кузнецовой «Хранительница. Меч Дракона», Ольги Мяхар «Новая жизнь», Галины Красновой «Связанные», Валерии Черновановой «Посланница. Проклятие Владык», Виталия Башуна «Будь здоров», Екатерины Николаичевой «Сила разума», Ярослава Денисенко «Пепелище славы», Галины Романовой «Проклятие династии» и Романа Артемьева «Дети Темнолесья».

Главный редактор: Ираклий Вахтангшвили

Редакционная коллегия:

Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санкт-Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью-Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 5 (81), 2010.

Интернет: www.rf.com.ua
E-mail: rf@rf.com.ua

Для писем: Украина, 03005, г. Киев-5, а/я 5

Подписной индекс
в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс

Издатели: Эллина Шнурко-Табакова,
Михаил Литвинюк

Редакционный директор:
Владимир Табаков

Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский

Корректор: Елена Харитоненко

Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко

Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская

Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:

Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233-52-68, 724-72-42,
e-mail: malakhov@hi-tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312-55-49, факс: (062) 304-41-58,
e-mail: kalashnik@hi-tech.ua

Львов: Андрей Мандич,
тел.: (067) 499-51-53,
e-mail: mandych@mail.lviv.ua

Харьков: Вячеслав Белов,
e-mail: viacheslavb@ua.fm

Тираж — 5 тыс. экземпляров
Цена договорная

Регистрационное свидетельство:
КВ # 7600 от 22.07.2003.

Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585-82-82 (многоканальный)
факс: (044) 585-82-85

Полное или частичное воспроизведение или
размножение каким бы то ни было способом
материалов, опубликованных в настоящем издании,
допускается только с письменного разрешения
ИД СофтПресс.

Все упомянутые в данном издании товарные знаки
и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные
обозначения зарегистрированных прав.

За содержание рекламных материалов ответственность
несет рекламодатель.